

Жан-Ноэль Робер

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ДРЕВНЕГО РИМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛАЖДЕНИЙ

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Жан-Ноэль Робер

Jean-Noël Robert
LES PLAISIRS A ROME

LES BELLES LETTRES

ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛАЖДЕНИЙ

МОСКВА · МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2006

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Р 58

Перевод с французского
Т. А. ЛЕВИНОЙ

Художественное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).

Перевод осуществлен по изданию:
Jean-Noël Robert. Les Plaisirs à Rome.
Paris: Société d'édition «Les Belles Lettres», 1986.

ISBN 5-235-02848-1

- © Société d'édition Les Belles Lettres, 1986
- © Левина Т. А., перевод, 2006
- © Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2006
- © «Палимпсест», 2006

Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и все судоносное море,
И плодородные земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.
Ибо весеннего дня лишь только откроется облик,
И, встрепенувшись от пут, Фавоний живительный дунет,
Первыми весть о тебе и твоём появлении, богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным
И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь,
И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,
По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым,
Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце,
Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не рождается,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы.

Лукреций. О природе вещей, I, 1—24
Перевод Ф. Петровского

«Жили в некотором государстве царь с царицею. Было у них три дочери-красавицы, но старшие по годам, хотя и были прекрасны на вид, все же можно было поверить, что найдутся у людей достаточные для них похвалы; младшая же девушка такой была красоты чудной, такой неописанной, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления ее, не найти»¹.

Психея — таково было имя этой необыкновенной красавицы — явилась смертным, подобно новой Венере, «озаренной цветом девственности». Шло время, старшие дочери уже обзавелись семьями, но не находилось никого, кто бы пожелал просить ее руки. Обеспокоенные родители девушки обратились к оракулу, и тот предрек:

Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву,
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный
родитель;
Будет он дик и жесток, как вредоносный дракон.

Охваченные горем родители покорились и отвели Психею «к указанному обрыву высокой горы», на самой вершине которого и оставили девушку, а сами удалились. Но случилось чудо: «нежное веяние мягкого Зефира» перенесло Психею «спокойным дуновением со склона высокой горы» и опустило

Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел, IV, 28. Перевод М. Кузмина.

«на лоно цветущего луга» в глубокой долине. «Психея, тихо покаясь на нежном, цветущем лугу, на ложе росистой травы, отдохнув от такой быстрой перемены в чувствах, сладко уснула». Проснувшись, она «видит рощу, большими высокими деревьями украшенную», и «дворец, не человеческими руками созданный, но божественным искусством». Целый день девушка провела, рассматривая «все подробности прекраснейшего жилища». Наступил вечер, «по окончании развлечений... отходит Психея ко сну... Но вошел уже таинственный супруг и взошел на ложе, супругою себе Психею сделал и раньше восхода солнца поспешно удалился». Единственное, в чем этот таинственный супруг заставил ее поклясться, так это в том, что если она захочет увидеть внешний вид своего мужа, «то святотатственным любопытством этим она низвергнет себя с вершины счастья и навсегда впредь лишится его объятий». Так проходили дни и ночи. Психея была переполнена счастьем, но вскоре стала тосковать по своим близким. Она умолила мужа о встрече с родными. Тот позволил. По случаю возвращения Психеи был устроен большой праздник. Но сестры Психеи, «фурии гнуснейшие», «преисполняясь желчью растущей зависти», посеяли в душе Психеи зерно сомнения и в конце концов заставили ее сознаться, что она никогда не видела своего мужа, и убедили, что муж ее — чудовище, огромный и страшный змей. Они убедили ее спрятать в спальне лампу, чтобы «после того как он... растянется и погрузится в глубокий покой, объятый тяжестью первого сна», она встала бы с постели, освободила «лампу от покрывала слепого мрака» и, высоко воздев «правую руку с обоюдоострым оружием», отсекала «сильным ударом голову зловредного змея от туловища». Вернувшись в свой золоченый дворец, Психея последовала совету сестер. Но когда «свет озарил ложе», она увидела «нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище», «самого Купидона, бога прекрасного», сына богини Венеры. Побледнев и дрожа от волнения, разглядывала Психея мраморное тело прекрасного юноши, его «золотую голову с пышными волосами, пропитанными амброзиями, окружающие молочную шею и пурпурные щеки изящно опустившиеся завитки локонов», «за плечами

летающего бога росистые перья сверкающим цветком белели, и хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве». Остальное тело было «гладким и сияющим, так что Венера могла и не раскаиваться, что произвела на свет» такого сына. Воспылавшая страстью, Психея не заметила, как лампа брызнула «с конца фитиля горячим маслом на правое плечо богу». «Почувствовав ожог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободился от объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги и, не произнеся ни слова, поднялся в воздух». А Психея познала горькие мучения одиночества. Ревнивая Венера подвергла ее жестоким испытаниям, но Купидон спас возлюбленную и попросил у Юпитера позволения взять ее в супруги. Состоялся свадебный пир. «Оры осыпали всех розами и другими цветами, Грации окропляли благовониями, Музы оглашали воздух пением, Аполлон пел под кифару, прекрасная Венера в такт музыке сладкой плясала...» Так прекрасная Психея «надлежащим образом передана была во власть Купидона». «И когда пришел срок, родилась у них дочка, которую зовем мы Вожделением»².

Автор этого мифа Апулей писал во II веке нашей эры. Но его произведение вдохновило и многих писателей Нового времени, в том числе Мольера и Лафонтена, который свел эту историю к знаменитому: «Любите, остальное не важно». Ибо во все века и все эпохи одно желание было для всех людей общим: желание счастья. И человек стремился к своему счастью: главной задачей античных философов было изменение государственной политики в целях улучшения жизни людей и вступления их на путь, ведущий к счастью. Однако очень скоро стало понятно, что путей много, но все они не ведут никуда и человеческое, так пылко желаемое счастье по-прежнему остается химерой, столь же недостижимой, сколь и неведомой. Судя по всему,

Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел, VI, 24. Такая богиня — богиня Вожделения, или Наслаждения (*Voluptas*, или *Voluptia*) действительно почиталась в Риме и имела свой храм. (Здесь и далее примечания переводчика.)

счастье находилось в ведении скорее божественном, чем человеческом. Самое большее, что допускали мудрые философы, — это возможность достижения интеллектуальной радости, душевного мира. К сожалению, познать эту интеллектуальную радость способны были лишь немногие избранные, такие как, например, Сенека. Другие, коих было большинство, пытались маскировать осознание собственной ущербности с помощью ощущения счастья. Поскольку человеку никогда не хватало рассудительности, чтобы не следовать собственным инстинктам, он полагал, что найдет счастье в непосредственном удовлетворении своих естественных потребностей. Разумеется, существуют наслаждения утонченные и более низменные, наслаждения ума и наслаждения тела, но все они носят поверхностный характер, относятся к области простых, кратковременных ощущений. Жизнь наслаждения — это всего лишь вереница отдельных мгновений, примером чему служит Дон Жуан. Скрывая отсутствие счастья, наслаждение отвлекает от его поисков с помощью обманчивой иллюзии его присутствия. Вот почему к поиску наслаждений, равно как и к опьянению, прибегают отчаявшиеся и разочаровавшиеся.

Наслаждение, следовательно, является язвой, присущей всякой цивилизации, злом, принимаемым человеком за спасительное средство, но постепенно ведущим его к вырождению. С подобным развитием потребности к наслаждению мы подробным образом познакомимся на примере римской цивилизации, понимая термин «наслаждение» в самом широком смысле этого слова, распространяя его на самые разные области повседневной жизни. Мы заострим внимание не столько на глубоком анализе философских течений, сколько на различных проявлениях наслаждения в повседневном существовании человека. Потому что именно поиск наслаждений является основным занятием римлян конца периода Республики и периода Империи. Мораль и политика представляются пустыми разглагольствованиями и уступают место удовлетворению естественных потребностей. Самая популярная философия в Риме: жизнь коротка, надо этим пользоваться.

«Добродетель, философия, справедливость — все это треск пустых слов! Есть только одно счастье: угождать жизни, есть, пить, свободно распоряжаться имуществом. Это и значит жить, это и значит помнить о том, что ты смертен. Дни текут, проходит невозвратимая жизнь. Что же мы колеблемся? Что толку быть мудрым и навязывать воздержанность возрасту, который и может наслаждаться, и требует наслаждений, и скоро станет не годен для них? Зачем забегать вперед смерти и самому запрещать себе то, что она отнимет? У тебя нет ни любовницы, ни мальчика, которому даже любовница позавидует; каждый день ты выходишь трезвым; обедаешь ты так скромно, будто должен давать ежедневную запись расходов отцу на одобрение. Это значит не жить, а смотреть, как живут другие. Какое безумие — быть распорядителем имущества твоего наследника»¹

Таковы, согласно Сенеке, принципы доктрины, оправдывающей наслаждение, и философ советует своему ученику не следовать им. Но Сенека и Луцилий являются людьми образованными, они умеют обуздать свои инстинкты. Народ же не способен к интеллектуальной аскезе. Он борется со смертью и хочет отвлечься от неприятных мыслей. Что может лучше характеризовать подобное умонастроение, чем надгробная надпись:

«Мой возраст? Восемнадцать лет. Я счастливо жил к радости моего отца и друзей. Развлекайся, если можешь там; здесь же царит суровость»¹.

Только мораль может встать на пути желания. Однако мораль находится на службе у господствующего класса. Она не берет в расчет природу, когда определяет понятия добра и зла, и с недоверием относится ко всему тому, что способствует наслаждению. Это противостояние господствующей морали и наслаждения отчетливо просматривается в эволюции культа богини, о которой нельзя не упомянуть, говоря о наслаждениях Древнего Рима, — Венеры. Сегодня Венера однозначно олицетво-

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 123, 10—11.

¹ Corpus Inscriptionum Latinarum (далее: CIL), IV, 16169.

ряет богиню любви и наслаждения. Но в Риме, особенно в притворно добродетельные времена Республики, все было по-другому. Венера являлась первоначально богиней весны, садов и цветов. Тем не менее Венеру очень быстро объединили с греческой богиней Афродитой, способствующей зарождению сексуального желания и плодовитости. Уже у Гомера Афродита становится богиней красоты, идеалом женских прелестей, зовущей к наслаждению. Мать Эраста, она наделяет своим очарованием таких легендарных женщин, как Елена, Медея, Пасифая, Федра. Никто не в силах сопротивляться ее совершенному профилю, ее улыбке, свежести ее тела; служительницами культа Венеры становятся проститутки. В Риме подобная богиня могла лишь внушать ужас цензорам пуританской Республики⁵. Вот почему Венере пришлось так долго ждать, прежде чем в 295 году до н. э. в Риме ей был посвящен первый храм. А ведь этот храм был построен на деньги, собранные с римских дам из высшего общества, практиковавших преступную торговлю собственным телом. Даже эпитет, данный богине в посвящении — «Венере снисходительной», позволяет предполагать, что основатель храма надеялся тем самым уберечь от мщения богини тех матрон, которые недостаточно были преданы ей в своих неудержимых желаниях. Следовательно, не богине любви хотел он воздать честь, а той, кто хранит человека от излишеств страстей.

Для римлян Венера оставалась прежде всего «матерью» — матерью Энея и, следовательно, матерью всех римлян, ведущей и хранящей своих детей. Вот как изобразил ее Вергилий: «...И чело озарилось сиянием / Алым, и вокруг разлился от кудрей амвросии запах, / И соскользнули до пят одежды ее, и тотчас же / Поступь выдала им богиню»⁶. В Помпеях, на одной из фресок, Венера представлена одетой в длинную тунику и сире-

⁵ Цензоры — два высших должностных лица Римской республики, с 434 года до н. э. избирались раз в пять лет на 1,5 года. Основные обязанности: проведение переписи гражданского населения, пересмотр списка членов сената, наблюдение за поступлением налогов, сдача на откуп государственных должностей, надзор за поведением и нравами граждан.

⁶ *Вергилий*. Энеида, I, 402—404. Перевод С. Ошерова.

невый плащ, в величественной позе. На ней золотая диадема, в правой руке оливковая ветвь, в левой — скипетр. По обеим сторонам богини маленькие крылатые Амуры, один — в венке из листьев, другой — в пальмовом. Ничего общего с Венерой Милосской.

После Второй Пунической войны⁷ в Рим постепенно проникает менее традиционный образ богини. В завоеванной Сицилии на горе Эрикс возвышалось святилище, посвященное Афродите Небесной. С точки зрения политической и религиозной этот сицилийский культ горы Эрикс имел особое значение: именно оттуда началось успешное наступление на Карфаген. И когда в какой-то момент ситуация вдруг показалась безнадежной, у римлян возникла мысль «пригласить» в Рим Венеру с горы Эрикс, чтобы в который раз получить ее поддержку. С этого времени Венера почиталась здесь так же, как Афродита. Этот сицилийский культ, имевший восточное происхождение, обслуживался рабынями богини, продававшими свое тело. Привнесение в Рим столь низменного культа ужасало власти, тем не менее они сознавали в эти сомнительные времена, что важнее всего победа, даже за счет добродетели. Но именно с Венерой Эриксинской в Рим и приходят официально культ любви как всепоглощающей страсти и распутство. Разумеется, были предприняты меры предосторожности: перед самым концом Второй Пунической войны, пытаясь уравновесить этот бурный культ, сенаторы воздвигают статую другой Венеры, Венеры Вертикордии, «отвращающей сердца» от развратных наслаждений, дабы предотвратить распутство и отвлечь от подобных намерений «дев и замужних женщин». Освящение статуи было доверено самым добродетельным женщинам Рима, каковых оказалось лишь сто. С помощью жребия и изучения индивидуальных качеств наконец определили ту, которой суждено было

⁷ Пунические войны (264—146 до н. э.) — войны между Римом и Карфагеном (государством в Северной Африке). Во Второй Пунической войне карфагенский полководец Ганнибал вторгся в Италию и опустошал ее более 15 лет. Потом римляне под командованием Корнелия Сципиона Африканского одержали победу над Ганнибалом в Северной Африке.

остаться в памяти народной символом целомудрия: ее звали Сульпиция.

Соперничество двух Венер — богини наслаждения Венеры Эриксинской и богини добродетели Венеры Вертикордии — отражает эволюцию нравов Рима. Победила богиня наслаждения: она символизировала триумф новой философии наслаждения жизнью над строгостью и суровостью традиций. Как сказал Овидий:

Право, достойна она полновластно править всем миром
И никому из богов власти такой не дано:
Правит она небеса, и землю, и отчие воды,
При появлении своем все подчиняя себе⁸

Венера председательствует на апрельских праздниках, и самыми пылкими ее почитательницами являются куртизанки, которые обнаженными танцуют на празднике Флоралии. Но Венера в этот первый век до нашей эры не только является богиней, разжигающей любовную страсть, она самым действенным образом благоприятствует любым предприятиям и способствует успеху: в делах, игре (лучшая комбинация в костях называется «бросок Венеры») и даже на войне. Она не только богиня наслаждений, она становится богиней наслаждения жизнью и успеха. Самые великие военачальники и политики этого времени находились под ее покровительством: Сулла, Помпей и особенно Цезарь, претендовавший даже на происхождение от Энея, а следовательно, от Венеры, и посвятивший богине храм в центре Форума⁹, построенный позади Курии¹⁰. Когда Август реорганизовал религию, он объединил богов, символизировавших судьбу Рима и Италии: Венеру, мать Энея, и Марса, отца Ромула, которого еще Рутилий¹¹ торжественно именовал «отцом рода человеческого».

⁸ Овидий. Фасты, IV, 91—94. Перевод Ф. Петровского.

⁹ Форум — центр гражданской жизни Рима, на котором велись и общественно-правовые, и отчасти торговые операции.

¹⁰ Курия — здание для заседаний сената.

¹¹ Рутилий Руф Публий — римский консул в 105 г. до н. э., оратор, юрист и философ-стоик.

Кулыт Венеры-супруги претерпеваает в римской цивилизации эволюцию от коллективного поклонения к индивидуальному, позволяющему каждому искать свое собственное наслаждение. Эта трансформация объясняется растущей популярностью Венеры. Девушки накануне свадьбы просили ее помочь им добиться любовного согласия в браке, так как одна лишь любовь способна обеспечить с помощью рождения потомства видимость бессмертия.

«Любите завтра, если умеете любить, любите завтра, если ничего не умеете», — говорится в молитве, обращенной к Венере. Молитва эта была обнаружена в XVI веке.

Таким образом, для того чтобы понять людей, заполнявших античный форум, необходимо познакомиться с миром их излюбленных наслаждений. Сквозь призму наслаждений и человеческих удовольствий мы постигаем римский менталитет. Причем не стоит ограничиваться одними только известными наслаждениями, осуждавшимися христианской цивилизацией. Имеет смысл рассмотреть всю жизнь римлян под этим углом, различая народные наслаждения и наслаждения людей богатых, наслаждения коллективные и индивидуальные, повседневные и исключительные, городские и сельские, мужские и женские. Ибо цель существования: «Коротать свой досуг вдвоем беспечно, / Проводя свое время как угодно», чтобы не ведать «ни докучливых тяжб, ни скучных сделок», как говорил Марциал¹². Жизнь римлянина протекала в прогулках и беседах, в термах или на пирах, на спектаклях или... в лупанариях¹³

Но вот вопрос: как мог подобный идеал стать идеалом людей, ведущих свой род от Ромула?

Марциал. Эпиграммы, V, 20. Перевод Ф. Петровского.

Лупанарий (от *лат.* «волчица») — так в Риме называли публичные дома.

НАСЛАЖДЕНИЯ И МОРАЛЬ В РИМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Оставим в стороне примитивные клише, согласно которым римляне только и делали, что безвольно возлежали за изобильными столами в полной праздности. Мысль о наслаждении вообще кажется чуждой римской морали. Но в таком случае возникает вопрос: как столь жесткое и столь непримиримое в отношении своих моральных ценностей общество дошло до того, что преобладающее место в нем стало занимать наслаждение, причем в такой степени, что императоры часто были обязаны своей популярностью лишь разнообразию увеселений, которые они предлагали народу?

В основе своей римлянин — это солдат и крестьянин. Тяжелый труд, умеренность и строгость образовывали три основных правила жизни этих людей земли, способных, подобно Цинциннату, без всяких видимых усилий перейти от распашки земли к спасению родины и вновь вернуться к своему плугу. Подобный стиль жизни является стилем людей, полностью преданных обществу, готовых пожертвовать собственной жизнью ради общего блага. Их героев звали Гора-

Гораций Коклес (Коклес, буквально: «одноглазый, кривой») — римский национальный герой, защищавший против этрусской армии Порсены Свайный мост под Римом. *Камилл Фурий Луций* — диктатор в 350 г. до н. э., в 349 г. до н. э. — консул, одерживал победы над галлами.

ций Коклес и Камилл¹, чьи моральные принципы они брали за пример для подражания. Разве не таков образ жизни цензора Катона, о котором Плутарх сообщает, что он получил строгое воспитание и положил свою силу и стойкость на то, чтобы привыкнуть с самого юного возраста «к телесному труду и скромной жизни»? Катон воплощал для многих поколений римлян тип человека неподкупного и не имеющего слабостей. Будучи уроженцем сельской местности, он с удовольствием вспахивал свои поля в компании собственных рабов и вкушал с ними одну пищу. Его строгость к другим и самому себе иногда доходила до бесчеловечности, например, когда он запрещал своим крестьянам терять время на праздные прогулки и разговоры или когда он избавлялся от больного раба, неспособного к труду. Но, по замечанию того же Плутарха, уже во времена Катона мало было тех, кто, «следуя примеру предков, продолжал трудиться собственными руками, охотно довольствовался нехитрым обедом, холодным завтраком, дешевой одеждой, простым жилищем и считал, что достойнее не нуждаться в излишнем, нежели им владеть»².

Эта мораль отвергала роскошную и легкую жизнь. Это была трудовая мораль людей, которые знали цену труду и боролись против расточительства, ведущего к нищете.

Основой римского общества является семья. Она состоит из всемогущего отца семейства, его жены, детей, рабов, а также божественных существ. Объединение элементов естественных и сверхъестественных придает сплоченность всей семье в целом и силу каждому ее члену. Огромное значение имеет понятие домашнего очага. Веста, богиня огня, следит за ним, в то время как Пенаты наблюдают за хозяйственными припасами, а Лары хранят само жилище. В культуре Лар участвуют также и рабы, а хозяин связан со сверхъестественным миром через своего Гения, персонального бога, следящего за ним с самого рождения и хранящего его. Дом, таким образом, становится семейным храмом. Цицерон вспоминает об этом на суде, когда ведет

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марк Катон, 9.

процесс по возвращению собственного дома: «Что может быть лучше защищено религиозным чувством, чем дом гражданина? Вот его алтарь, его очаг, его пенаты; здесь он хранит все предметы своего культа, исполняет все ритуалы своей религии. Дом является убежищем столь священным, что никто не решается отнять его силой».

Здесь также проходит воспитание детей в уважении к национальным и семейным традициям. Предки больших домов являются примером для потомков, которые стараются подражать им. Катон из Утики подражал старому Катону, а Брут, убийца Цезаря, вспоминал своего предка, первого консула Республики. Раскрашенные восковые маски предков хранились в атриуме в специальных шкафах. Редко кто добивался верховных должностей, если не происходил из знатной фамилии, и люди, подобные Цицерону, всегда страдали от толики презрения, с каким относились к «новым людям». Некоторые старинные семьи делали семейной чертой какую-нибудь доминирующую черту характера прославленного предка: для одних это была суровость, для других — твердость характера.

Саллюстий, несомненно, имел основания утверждать, что суровостью своей морали Рим обязан политике экспансии. Воспитанный в традиционной суровости римлянин становился непревзойденным воином. Год делился на два периода: мирный, посвященный сельскому хозяйству, и военный, посвященный военным действиям. Последний длился с марта по октябрь. Таким образом был решен вопрос с бездействием армии в мирное время. Отдых мог повредить воинскому пылу. Особая опасность таилась во время постоя войск в городе. Римские военачальники, например Папирий Курсор³, внимательно следили за забавами своих людей. Тит Ливий объясняет поражение Ганнибала именно тем, что он оставил свои войска зимовать в Капуе.

³ *Папирий Люций Курсор* — римский консул и полководец, герой Самнитской войны 325 г. до н. э. Был пять раз консулом и два раза диктатором.

Город быстро начал представлять моральную опасность — не только для солдат, но и для крестьян. Это объясняется тем, что город предлагал развлечения, неизвестные традиционному сельскому быту, особенно в праздничные и рыночные дни. Теренций Варрон упоминает крестьян, предпочитающих рукоплескать в театре, а не работать руками во время жатвы. Колумел отмечает, что рабы, привыкшие к баням, тавернам и лупанариям, не желают больше выполнять трудоемкие сельскохозяйственные работы. Цицерон потому-то и ставит в пример таких людей, как Катон, что «природа требует от людей добродетели» и именно добродетель должна «торжествовать над любым стремлением к разврату и развлечениям»¹. Даже удовольствие в любви или наслаждение от созерцания природной красоты представляют опасность для морального здоровья. Цицерон, Гораций, Сенека, Ювенал единодушны, говоря о тлетворном очаровании пейзажа в окрестностях Неаполя. «Ни один институт предков не может там сохраниться неизменным», пишет Цицерон⁵. Мораль должна вести человека по жизни, а наслаждение определяется как противоположность труду и заставляет человека терять свое достоинство.

Однако это не значит, что любой отдых должен быть подвержен осуждению или запрещен. Праздничные дни с самого начала представлялись средством освобождения от тягот, налагаемых трудом.

В праздничный день селянин отдыхает, в траве развалившись, —
Посередине костер, до краев наполняются чаши.
Он, возливая, тебя, о Ленеи, призывает. На вязе
Вешают тут же мишень, пастухи в нее дротики мечут.
Для деревенской борьбы обнажается грубое тело⁶.

Крестьянин имеет право на наслаждение, но праздник направляет это наслаждение в нужное русло, не дает ему вылиться в действие, опасное для морали.

¹ Цицерон. De Republica, I, 1.

⁵ Там же, II, 4, 7—8.

Вергилий. Георгики, II, 527—531. Перевод С. Шервинского.

Однако традиционная мораль, приспособляющаяся к строгости нравов, годилась только для какого-нибудь не слишком крупного города. Очевидно, что реформа нравов назревала. Когда Плутарх описывает суровость характера Катона, он не может удержаться от заключения: «Римское государство, увеличившись и окрепнув, уже не сохраняло прежней чистоты и, приобретя власть над великим множеством стран и людей, восприняло множество различных обычаев и усвоило всевозможные жизненные правила»⁷

Особенно сильно в Риме стало ощущаться влияние эпикурейской философии (около 230 года до н. э.). В действительности эпикурейская мораль не имеет ничего общего со стремлением к разврату. Эпикур говорил, что поиск наслаждения должен осуществляться только через страдание. Отсутствие страдания, в частности отсутствие боли, является наивысшим наслаждением: «Вершиной наслаждения является полное исключение невыносимого». Он выделяет три категории наслаждения: наслаждения естественные и необходимые — единственные способствующие счастью и легко удовлетворимые, потому что они близки к природе; наслаждения естественные, но не необходимые — дающие многообразие вариантов (так Эпикур, желая разнообразить свою пищу, попросил однажды горшочек простокваши!); и наслаждения не естественные и не необходимые, такие, как честолюбие, алчность, которые должны быть обузданы. Таким образом, Эпикур проповедует строгий самоконтроль. Разумеется, любитель наслаждений, участвующий, например, в пиршестве и жаждущий ощутить наслаждение, за это не осуждается, но сама природа обрекает его на поражение и разочаровывает в средствах достижения преследуемой цели. Любовь осуждается, потому что является причиной страстей, душевного смятения и, следовательно, страданий. Плотское наслаждение является губительным для душевного и телесного здоровья, в то время как дружба, наоборот, должна поощряться и культивироваться.

⁷ *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Марк Катон, 9.

Эта мораль счастья, в общем, носит негативный характер, поскольку наслаждение характеризуется отсутствием телесного страдания и душевного беспокойства. Она довольно плохо согласуется с реальностями римского общества, основанного на труде и семье, сгруппированной вокруг отца и матери. Возможно, из-за этого она была плохо понята римлянами. Но самое вероятное объяснение ее неправильной интерпретации в римском обществе, несомненно, связано с тем, что эта новая мораль слишком рано затронула большое число людей из народа и не прошла обсуждения в школах на уроках ораторского искусства. Отсутствие образования у народа и повальное увлечение эпикурейской моралью объясняют, почему эпикурейство оказалось смешанным с вульгарной моралью наслаждения. Народу, веками подчинявшемуся строгим законам предков, вдруг начали твердить: «Наслаждение есть высочайшее благо», — и постоянно цитировали слова Эпикура: «Наслаждение является началом и концом счастливой жизни. В нем мы по-настоящему обретаем свое примитивное природное благо; именно из него мы выделяем любое предпочтение и неприязнь; к нему мы приходим, судя обо всем хорошем посредством эмоционального состояния, как посредством какого-нибудь правила». Вероятно, также добавляли, вырывая слова из контекста, что корнем и принципом всего наслаждения является желудок, что из наслаждения телесного следует равновесие плоти и что тело мертво, если его лишить наслаждения.

Основным средством, проводившим эту новую мораль в жизнь, являлся народный театр — по крайней мере, внешне, поскольку он делал по этому поводу некоторые оговорки. Плавта и Теренция часто подозревали в проповедовании эпикурейства. Действительно, в латинской комедии находят отражение бесстыдство и гедонизм. Дело в том, что вдохновительницей латинских авторов стала новая греческая комедия, являвшаяся к тому же предвозвестницей эпикурейства и охотно описывавшая легкую жизнь. Хотя латинская комедия описывала картины римской реальности, ее авторы изображали жизнь полной наслаждениями: мы видим

юных распутников и старых развратников, предающихся плотской любви. Все это было далеко от морали предков. Вот что заявляет, например, в комедии Плавта «Купец» Демифон, отец семейства:

Мне куплена от сына и жены тайком
Любовница! Решил я окончательно:
Тряхну-ка стариною! Ублажу себя!
Немного жить осталось мне. Так вот — вином,
Любовью позабавлюсь, удовольствием...
Люби и пей: и то тебе уж к выгоде,
Что жив ты*

Этот идеал и становится идеалом простого народа и дарит ему радость в эпоху, когда власти с помощью законов борются против роскоши, богатства и распутства. Неизбежным персонажем театральных пьес, предметом вожделения и царицей наслаждений становится куртизанка. Чтобы приобрести ее любовь, необходимо найти деньги и, если придется, продать свое имущество или даже обокрасть собственного отца. Нет ни малейших сомнений, что подобная картина нравов соответствует реальности повседневной жизни: после Второй Пунической войны молодежь требует права на удовольствия. Но не следует забывать, что эти театральные пьесы представляют собой отображение того идеала, к которому стремится отягощенный трудом народ в дни праздников. Таким способом поэты стремятся заставить забыть о своих заботах граждан, жаждущих посколькy это естественно для человека — счастья.

Тем не менее вульгарное эпикурейство не всегда является истинной моралью этих пьес. Тот же Плавт отражает моральный кризис своей эпохи: иногда он изображает старика, помогающего какому-нибудь юноше похитить ту, кого он любит, а в другой раз — старика, подобного Демифону, жаждущего наслаждений, но в конце концов оказывающегося одураченным и наказанным. Судя по всему, подобные разногласия зависели от того, влияние какого философа испытывал в тот мо-

* Плавт. Купец, 544—548, 553—554. Перевод А. Артюшкова.

мент на себе Плавт. Однако проделки молодых людей, даже если они заканчивались ко всеобщему удовлетворению, всегда представлялись безумствами, пагубными как для чести, так и для кошелька, что извинялось только крайней юностью их участников. Эти излишества осуждались также, когда речь шла о стариках: «Если есть такой закон, чтоб старикам распутничать, / Что же станет с государством нашим?»⁹ Страсть представляется опасной для общества. Если некий молодой человек промотает свое добро, попавшись в сети куртизанки, он не сможет создать семью и сохранить свой общественный статус. С другой стороны, страсть в театре Плавта является потребностью наслаждения, лишённого нежности. Нежные словечки куртизанок предназначены лишь для обмана простофиль, а голосок юной девы не имеет значения, особенно, если молодой человек решил на ней жениться. Следовательно, последствия наслаждений пагубны для тех, кто стал их жертвами. В то же время некоторые пьесы представляют гораздо более морализаторскую концепцию наслаждения, полностью согласующуюся с моралью предков. Алкмена в «Амфитрионе» замечает, что жизнь предназначена для наслаждения. Но для нее наслаждение — видеть мужа и оставаться ему верной. Сколько римских женщин краснело в театре, когда Алкмена заявляла супругу:

Целомудрие, стыдливость, страсти укрощенные,
Пред богами страх, согласие в доме с мужчиной родней,
Долг любви дочерней, щедрость, помощь всем порядочным
Людам, мужу угожденье — вот мое приданое¹⁰.

Плавт выражает здесь вполне традиционную мораль.

Следовательно, нельзя сказать, что Плавт становится апостолом новой морали наслаждений, вытекающей из эпикурейства, и отрицает традиционные римские ценности. Однако он вносит свой вклад в моральную эволюцию римского общества, поворачи-

Плавт. Купец, 985.

¹⁰ *Плавт. Амфитрион, 840.*

вающего в сторону поиска наслаждений. События его эпохи лучше помогают понять эту эволюцию. Плавт живет в эпоху перемен. Рим становится международной столицей, и в римском обществе зарождаются новые ценности. Такова расплата за победу. Сельская цивилизация, основанная на труде и простоте, сменяется цивилизацией городской, соблазняющей граждан наслаждениями. II век до н. э. на самом деле является периодом массового переселения из деревень в город, но город не способен обеспечить работой всех своих жителей. Грядут безработица, бесплатная раздача хлеба (хлебный закон), обеспечивающая самых бедных, о которой Цицерон скажет позднее, что «это отвлечет плебс от труда и склонит его к праздности»¹¹. Воцаряется праздность, и это изменение в социальной жизни ведет к изменению моральных ценностей: жажда наслаждений приходит на смену духу самопожертвования. Низшие слои общества еще больше разоряются, в то время как богатые познают избыток роскоши, являющийся следствием военной добычи и налогов с покоренных народов. А вместе с этими богатствами с Востока в Рим приходит новый образ жизни. Бедное существование Рима эпохи Республики лучше чего бы то ни было охраняло его мораль, а военная угроза вынуждала римлян объединяться ради победы. Однако доходы от восточных завоеваний и возмещение убытков за войну с Карфагеном не только позволили упразднить прямой налог, но и благоприятствовали зарождению индивидуализма и жажды роскоши как средства достижения власти. Разумеется, во времена Пунических войн Рим уже был мощной державой, но во время Первой Пунической войны военачальники, вывозя из завоеванных городов произведения искусства, приносили их в дар государству, в то время как в эпоху Плавта серебряная посуда, украшения, ковры, восточные статуи скупались уже для собственной выгоды, чтобы украсить ими свою виллу. В это же время, чтобы удовлетворять честолюбие богатых граждан, в Рим начинают стекаться ремесленники. Жизнь богачей становится

¹¹ Цицерон. Речь в защиту Публия Сестия, 103.

театральной пьесой, в которой мельчайшее действие требует особых декораций и мизансцен, а самые зажиточные граждане живут жизнью настоящих восточных властителей.

Тит Ливий писал: «Возвращение войск из Азии в 187 году до н. э. послужило началом появления эллинистической роскоши». Мы еще увидим, что все законы, принятые для борьбы с распространением роскоши, так ни к чему и не приведут. Ни один закон не сможет помешать детской проституции или воспрепятствовать появлению в комиции пьяных¹². Начиная с середины II века до н. э. стыдливость приносится в жертву безудержным наслаждениям: старики женятся на совсем молоденьких девушках, случается, что отец и сын женятся на сестрах! Рождаемость падает, особенно в знатных семьях, то ли потому, что берут в жены двенадцатилетних девочек, что приводит к большой женской и детской смертности, то ли потому, что предпочитают оставаться холостяками, чтобы наслаждаться радостями свободной любви. Философы, пришедшие из Греции, например Карнеад в 155 году до н. э., сеют сомнения в умах и способствуют деморализации римлян. Появление некоторых религиозных сект (например, скандал с вакханалиями 186 года до н. э.¹³) окончательно ввергает Рим в процесс коренных перемен и распада традиционных ценностей.

Эти изменения конечно же нельзя объяснять только лишь выплатой Риму военных компенсаций или греческим влиянием. Во II веке до н. э. происходит процесс, который, с известными оговорками, можно назвать рождением некой разновидности капитализма. Впервые в римской истории государство призывает на помощь частный капитал. Богатые граждане объединяются в ассоциации, чтобы ссудить деньги государству,

¹² Комиций (*comitium*) — место на форуме, где проводились народные собрания.

¹³ Вакханалии — римские мистерияльно-оргиастические празднества тайного культа в честь греко-римского бога вина Вакха (Диониса). Из-за частых беспутств и разврата участников празднеств в 186 году до н. э. на вакханалии сенатским указом наложили строгие ограничения.

не забыв оговорить специальные условия, способствующие их дальнейшему обогащению. В сельской местности крупные собственники добиваются различными средствами присвоения земель мелких владельцев и отныне ведут праздную жизнь в городе. Войны способствуют появлению значительного числа рабов; в 225 году до н. э. насчитывается 600 тысяч рабов, в течение I века до н. э. эта цифра доходит до трех миллионов. Следовательно, число рабов увеличивается в 5 раз, в то время как прирост свободного населения составляет 41%! Именно рабы выполняют все работы, освобождая от них население. Таким образом, сельская местность оказывается населена почти исключительно рабами и праздными жителями, не находящими приложение своим силам, полуголодными, пытающимися отвлечься от мрачных мыслей в праздниках и играх. Как отмечает Саллюстий, «деревенская молодежь, которая трудом рук своих снискивала себе скудное пропитание, возбужденная слухами о щедрых раздачах из частных и общественных средств, предпочитала гордость неблагодарному труду»¹⁴. Когда читаешь Цицерона, то возникает впечатление, что в I веке до н. э. моральный выбор между добродетелью и наслаждением определяет существование в обществе двух классов, вступающих друг с другом в конфронтацию. В «Речи в защиту Публия Сестия» Цицерон заявляет: «...Вся речь моя посвящена доблести, а не праздности, достоинству, а не наслаждению, и обращена к тем, кто считает себя рожденным для отечества, для сограждан, для заслуг и славы, а не для дремоты, пиров и развлечений; ибо если кто-нибудь стремится к наслаждениям и поддастся приманкам пороков и соблазнам страстей, то пусть он откажется от почестей, пусть не приступает к государственной деятельности, пусть удовлетворится тем, что ему можно наслаждаться покоем благодаря трудам храбрых мужей»¹⁵

Но что бы там ни говорил Цицерон, наслаждения в

¹⁴ Саллюстий. Заговор Катилины, 37, 7. Перевод Н. Б. Гальденвейзера.

¹⁵ Цицерон. Речь в защиту Публия Сестия, 66, 138.

это время начинают играть политическую роль. Политики покупают голоса праздного народа при помощи игр, устраиваемых по любому поводу, а народ выражает поддержку или отвергает того, кто устраивает игры исходя из качества предложенных зрелищ. Сестий вспоминает, что достаточно было Сципиону появиться на одном из гладиаторских боев, как все зрители разражались овациями, и «никогда согласие римского народа не было столь единодушным». И Сестий замечает устами Цицерона, что никогда не бывает «большого стечения народа, чем то, какое было во время этих боев гладиаторов», — ни на народных собраниях, ни даже на какой-нибудь ученой ассамблее¹⁶, как будто именно на боях народ собирался, чтобы массово выразить свое политическое единодушие, а не на выборах, где на самом деле учитывались только голоса богачей.

В Риме с середины II века до н. э. главенствующее место занимают деньги. Толстосумы сменяют старинную земельную аристократию, и эта важная перемена в экономической и политической жизни объясняет и вместе с тем подтверждает новую шкалу моральных ценностей. Происходит резкий рост цен. Так, Корнелия, дочь Сципиона Африканского и мать Гракхов, во II веке до н. э. построила виллу. Это был один из первых загородных домов. В конце века (несколько десятилетий спустя) Марий перекупил виллу за 300 тысяч сестерциев, Лукулл получил ее уже за 10 миллионов сестерциев. За полвека цена возросла на 3333%. Деньги становятся инструментом политической власти. Состояние Красса оценивалось в 400 миллионов сестерциев, Цицерона — в 120 миллионов. Нам известно, что этот знаменитый оратор на ведение дома потратил за пять месяцев 200 тысяч сестерциев и посылал каждый месяц 66 тысяч своему сыну, учившемуся в Афинах. Следуя моде, он, не раздумывая, купил деревянный стол из туи за 500 тысяч сестерциев. В то же время литр оливкового масла стоил на рынке 2—3 сестерция. Во II веке до н. э. ковер для стола из Вавилона стоил 800 тысяч сестерциев. В начале Империи такой же

¹⁶ Там же, 59.

ковер стоил уже 4 миллиона! Что касается цены на пурпуровую краску, то за 50 лет она возросла в 10 раз. Богатый гражданин становится заложником моды. Вызывающая демонстрация роскоши позволяет ему обратить на себя внимание. Соперничество между теми, кто желает таким образом укрепить свой авторитет, разорило не одного из них. Роскошь обстановки и образ жизни дают хозяину ощущение превосходства, порождают настоящее наслаждение: наслаждение господством. Клодий покупает дом за 14,8 миллиона сестерциев на Палатине — в богатейшем римском квартале. Цицерон платит родственнице 3,5 миллиона за то же место. У Лукулла гости едят в столовом зале, называемом «Аполлон», на посуде, украшенной драгоценными камнями, наслаждаясь спектаклями, музыкой, танцами; все это стоимостью около 200 тысяч сестерциев. Самые богатые люди Империи, не скупясь, приказывают привезти летом с гор блоки снега, чтобы иметь удовольствие освежиться прохладным шербетом!

У нас еще будет повод поговорить, до каких изысков доходило наслаждение роскошью в многочисленных загородных домах. А вот с какой речью Саллюстий обратился к Катону, когда Катилина в 63 году до н. э. угрожал разрушить Рим: «Ради бессмертных богов взываю я к вам, которые всегда свои дома, виллы, статуи, картины ценили выше, чем государство: если вы желаете удержать за собою то, к чему всегда лежало ваше сердце, если вы хотите иметь спокойствие, досуг для ваших удовольствий, пробудитесь наконец и серьезно подумайте о положении государства»¹⁷. Только защита своих богатств и наслаждений способна побудить к действию этих эгоистичных граждан. Миновало то время, когда речь шла о защите родины! Для Саллюстия благополучие и мир являются первыми причинами морального упадка. Они столь же хорошо объясняют политическое честолюбие, как и увлечение наслаждениями, вызванное соревнованием богатств. Из отсутствия страха рождаются снисходительность и распущен-

¹⁷ *Саллюстий*. Заговор Катилины, 52, 5.

ность. Речь Саллюстия — это довольно пессимистичное мнение человека, а также страх перед будущим историка, который через анализ фактов вскрывает необратимый механизм эволюции морали:

«Разделение гражданской общины на партии народную и сенатской знати и сопровождавший ее упадок нравов и развитие дурных страстей возникли в Риме немногими годами раньше описываемых событий как следствие мирного досуга и изобилия всего того, что люди склонны считать самым главным. Действительно, до разрушения Карфагена народ и сенат римский спокойно и умеренно распределяли между собой заведование государственными делами и между гражданами не существовало борьбы ни из-за славы, ни из-за господства, страх перед врагами поддерживал добрые нравы в государстве. Но когда умы освободились от этого страха, сами собой появились всегдашние спутники успеха — распущенность и высокомерие. Таким образом, мирный досуг, о котором мечтали в трудных обстоятельствах, сделавшись действительностью, оказался тяжелее и горше всяких бедствий. Знать стала злоупотреблять своим влиянием, народ — своей свободой; каждый стремился захватить, увлечь, похитить все для себя. Все распалось на две части; государственный строй, потрясаемый борющимися, расшатался. Однако нобилитет как партия имел большое значение, — и сила народа, раздробившись во множестве людей, проявлялась слабее. Дела внутри государства и на войне велись по произволу немногих; в руках тех же лиц находились государственная казна, провинции, государственные должности, слава и триумфы; народ был обременен военной службой и нуждой, военную добычу расхищали главнокомандующие с немногими приближенными. Между тем родители солдат и их малолетние дети изгонялись со своих земельных участков, если оказывались соседями могущественного человека. Таким образом, вместе с могуществом появилось неумеренное и беззастенчивое корыстолюбие; оно оскверняло и опустошало все, ничем не дорожило, ничего не считало ценным и святым, пока само себя не погубило. В самом деле, когда среди знати оказались

люди, которые истинную славу предпочитали неправедному могуществу, государство пришло в замешательство, и гражданский раздор потряс все, подобно землетрясению»¹⁸

Многочисленные свидетели подтверждают слова Саллюстия. Морализаторская литература, осуждающая эгоистичные увеселения, переживает в это время настоящий расцвет. Вот как, например, Лукреций, предложивший «ученое эпикурейство» — соединение философской доктрины и морали, — трактует, в соответствии с самим Эпикуром, истинное наслаждение:

Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе
Только немного: то, что страдание все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставит и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хорамах у нас не бывает златых изваяний,
Отроков, правой рукой держащих зажженные лампы,
Чтобы ночные пиры озарять в изобилии светом,
И серебром не сверкают дома, и золотом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке
На берегу ручейка, под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зеленые травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на грубой подстилке!¹⁹

Но несмотря на все свои усилия, Лукреций так и не смог добиться, чтобы эпикурейство отклонилось от морали наслаждений, залогом которой оно стало. Пренебрегая слишком сложной метафизикой, римляне довольствовались поощрением популярного эпикурейства. Цицерон, бичуя Пизона, упрекает его в чревоугодии как подражании проповеди Эпикура и представляет его «другом роскоши», «склонным к наслаждению», «подлым» и «безнравственным». Он с отвращением описывает его выходящим из таверны, во-

¹⁸ *Саллюстий*. Югуртинская война, 41.

¹⁹ *Лукреций*. О природе вещей, II, 20—36.

няющим «отвратительным запахом кабака» или в окружении «мерзкой швали» предающимся «неумеренному пьянству!» «В то время как в доме его коллеги раздаются звуки песен и звон кимвалов, сам он танцует голым на пиру... Обжора Пизон, не такой изысканный и музыкальный, спит в зловонии, испуская запах вина своих дорогих греков»²⁰.

Для Цицерона эти «любители Эпикура» предают достоинство римской морали исключительно ради наслаждений и выгоды. Пизон предал идеал героизма и славы, единственный оставшийся неизменным в римской Республике. Действительно, понятие добродетели, хранимой поборниками традиций предков, мало сочетается с эпикурейством, даже если резкая критика Цицероном Пизона является пристрастной. Но для Цицерона важно только высшее благо. Только животные могут иметь наслаждение своей единственной целью. Конечно, жизнь животных гораздо легче жизни людей, поскольку природа обеспечивает их пищей, и им не нужно трудиться. Человек же создан для «более возвышенных и благородных целей», ему присуща «стыдливость, обуздательница страстей, присуща надежная охрана правды, столь благодетельной для человеческого общежития, присуще твердое и постоянное презрение страдания и смерти, побуждающее к перенесению трудностей и отваживающее на опасности». Что касается тела, в нем «есть много, достойного предпочтения удовольствию: силы, здоровье, проворство, красота...»²¹ Старый Катон, разумеется, не отрицает высказываний Цицерона, но вряд ли они могут соответствовать реальности конца Республики. Политические мужи немилосердно сражаются за личную власть, плод их честолюбия и денег является единственной гарантией политической ценности и человеческой морали. Античная мораль, похоже, окончательно исчезла, и Цицерон сам признает, что соблазнительная и легкая мораль вульгаризованного эпикурейства захлестнула

²⁰ Цицерон. In Pisonem, X, 22.

²¹ Цицерон. О пределах добра и зла, II, 34, 113 и далее.

Италию. Мораль наслаждения будит воспоминание о жизни в наслаждении, которая век спустя выведет на сцену латинскую комедию.

Однако эта новая мораль пока не проникла в самое сердце деревни, и прибывающие в Рим юноши, еще имеющие при себе крепкие моральные принципы, открывают для себя любовь одновременно со знакомством со столицей. Очертя голову они погружаются в наслаждения, чтобы осознать тщетность любых клятв, и их разочарованные возгласы доносят до нас самые прекрасные поэмы латинской литературы.

Этих молодых поэтов зовут Тибулл, Овидий и Проперций. Для Катона поэзия является признаком праздности, для них же она священна и в то же время остается игрой, которой они предаются в своих кружках. Поэзия является свидетельством безумия, но Катулл, один из этих первых «новых поэтов», защищает свое распутство.

Сердце чистым должно быть у поэта,
Но стихи его могут быть иными.
Даже блеск и соленость придает им
Легкой мысли нескромная усмешка.
Веселит она, нет, не лоботрясов,
А мужей бородатых, долгой жизнью
Утомленных и к страсти охладевших.
Вы же, счет потерявши поцелуям,
Не хотите считать меня мужчиной?
Растяну вас и двину, негодяи!¹²

Расцвет любовной лирики представляет собой настоящую революцию нравов. Впервые о любви говорят открыто. Это высвобождение инстинктов стало возможным только благодаря эмансипации женщины. Теперь она занимает в обществе совершенно новое место и становится объектом мечты и желания и музой-вдохновительницей поэзии. Она прибегает к помощи обольщения и обращается скорее к чувствам, нежели к разуму. Как мы еще увидим, устанавливается некий любовный кодекс. Свободная любовь предпринимает наступление на семью и брак, прибегая к дово-

Катулл, 16. Перевод А. Пиотровского.

дам, «которые неведомы здравому смыслу». «Жизнь есть любовь» — теперь это образ жизни. Можно сказать, что Рим становится столицей любви, так же как он стал столицей праздников и развлечений.

Молодежь также изменилась. Она стремится удовлетворить свою жажду наслаждений. Ни торговля, ни сельское хозяйство ее больше не привлекают. Еще меньше молодых людей стремятся стать военными. Даже карьера адвоката или государственные должности отталкивают их, ибо они нарушают праздность. Всему этому они готовы предпочесть попойку с друзьями. Следствием праздности становится преступность. «Золотая молодежь» периода заката Республики не гнушается таскаться по тавернам или грабить вечером прохожих. Эта богемная жизнь, всецело посвященная увеселениям, пирушкам, прогулкам, зрелищам, раздражает работающую часть населения. Отсюда постоянные требования борьбы за нравственность.

Частичная реставрация традиционных ценностей, касающаяся семьи и повседневной жизни, призванная бороться с роскошью и излишествами, приходит с установлением Империи. Первый император Август Октавиан пожелал вернуть деморализованному населению жизненный идеал. Он предложил гражданам вернуться к радостям повседневного труда. Речь шла именно о трудовой морали, но задача оказалась невыполнимой, поскольку народ уже привык жить совершенно по-другому. Возвращение к труду могло произойти только в деревне, менее искушенной наслаждениями, чем город. Тогда Август призвал современную ему литературу вести пропаганду в этом направлении. Но городской плебс не понимал, почему он должен отправляться в деревни и заниматься тяжелым трудом, в то время как при такой же или чуть меньшей прибыли можно вести праздный образ жизни в городе. Так что восстановление престижа труда было заведомо обречено на поражение даже по чисто экономическим причинам.

Однако у этой попытки реставрации моральных ценностей была и положительная сторона. Установив прочный мир, Август вернул своему народу светлую радость жизни, так не похожую на веселость разгульных развле-

чений. В данном случае мы берем за основу свидетельство Горация, поскольку он являлся обычным римлянином, лишенным политических амбиций, и всегда был близок к народу, очевидно по причине своего происхождения — его отец был вольноотпущенником. С другой стороны, хотя в его работах и обнаруживаются различные философические влияния, особенно эпикурейское, Гораций на самом деле не принадлежал ни к какой философской школе: «В чем причина того, что одно хорошо, а другое / Плохо, — тебе объяснят мудрецы. Для меня же довольно, / Если смогу я тебе передать обычаи дедов...»²³ Однако он признает, что эта традиция изменилась. Прошло то время, когда «встарь земледельцы — народ и крепкий, и малым счастливый — / Хлеб лишь с полей уберут, облегчение в праздник давали / Телу и духу...»²⁴. В его время ищут чего-то большего: сам Гораций хочет свободы и ясности. И не может их достигнуть, живя в городе и, особенно с возрастом, все больше погружаясь в городскую суету и искусственность, хотя нечестолюбивый человек может вести там вполне непринужденное существование. Город является синонимом толпы, а Гораций ищет спокойствия, одиночества. Наилучшей гарантией счастья является простота: «У меня ни золотом, / Ни белой костью потолка не блещут; / Нет из дальней Африки / Колонн, гиметтским мрамором венчанных»; бесполезно высылать со своих земель бедняков в лохмотьях, чтобы увеличить собственную роскошь, «так же расступается / Земля перед бедными, как и пред царями!»²⁵ Только природа может принести покой разуму. Но это спокойствие не дает праздность, совсем напротив. Счастье бедняка заключается в работе на земле, позволяющей наконец познать истинные наслаждения, далекие от поддельных наслаждений, которые знает полуголодный городской плебс:

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
Как первобытный род людской,
Наследье дедов пашет на волах своих,

²³ Гораций. Сатиры, I, IV, 116—117. Перевод М. Дмитриева.

²⁴ Гораций. Послания, II, I, 139—140. Перевод Н. Гинзбург.

²⁵ Гораций. Оды, II, 18. Перевод А. Семенова-Тян-Шанского.

Чуждаясь всякой алчности,
Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.

Когда же работы в полях завершились, он

Захочет — ляжет иль под дуб развесистый,
Или в траву высокую;
Лепечут воды между тем в русле крутом,
Щебечут птицы по лесу,
И струям вторят листья нежным шепотом,
Сны навевая легкие...²⁰

Какое наслаждение охотиться зимой, возвращаться вечером усталым к жаркому огню, который позаботилась разжечь «подруга скромная, что нянчит милых детушек», и поесть приготовленную ей скромную пищу:

Тогда не надо ни лукринских устриц мне,
Ни губана, ни камбалы...
И не прельстят цесарки африканские
Иль рябчики Ионии
Меня сильнее, чем оливки жирные,
С деревьев прямо снятые.
И как отрадно наблюдать за ужином
Овец, бегущих с пастбища,
Волов усталых с плугом перевернутым,
За ними волочащимся...

Это здоровое наслаждение и есть наслаждение истинное, ибо является вознаграждением за тяжелый труд. Это именно то наслаждение, которое рекомендует Август (устаи Горация) — наслаждаться каждым мгновением, постигать сущность вечного. Но в то же время это воспитание морали, которое не позволяет поддаваться ложным искушениям. Да и можно ли говорить здесь о «наслаждении»? Не идет ли речь скорее о радости, о той радости, о которой еще будут говорить стоики? Словом, вспоминается Сенека, советовавший Луцилию: «Научись радоваться... Я хочу, чтобы радость не разлучалась с тобой, хочу, чтобы она рож-

²⁰ Гораций. Эподы, II. Перевод А. Семенова-Тян-Шанского.

далась у тебя дома. И это исполнится, если только она будет в тебе самом. Всякое иное веселье не наполняет сердце, а лишь разглаживает морщины на лбу: оно мимолетно... Поверь мне, настоящая радость сурова. Уж не думаешь ли ты, что вон тот, с гладким лбом... со смехом в очах, презирает смерть, впустит бедность к себе в дом, держит наслаждения в узде, размышляет о терпеливости в несчастье? Радуется тот, кто не расстанется с такими мыслями, и радость его велика, но строга»²⁷

Понятно, что эта реставрация моральных ценностей предков едва ли могла привести к положительному результату. Тем не менее это важное начинание поддерживали и историки, в частности Валерий Максим (живший в первой половине I века н. э.), а также Тацит, которые призывали последователей Катона быть образцами добродетели, хорошими крестьянами, солдатами, гражданами. Но как вновь привить любовь к труду, когда народ пребывает в праздности, не интересуется больше войной, поскольку армия стала профессиональной, а из завоеванных стран в Рим потоком хлынули богатства, позволяющие жить без малейших усилий? Производя мало, потребляя много, Рим превратился в огромный город-паразит, предающийся самым разнузданным наслаждениям. Толпа требует хлеба и зрелищ. Парады, грандиозные постановки, похороны людей и животных являются повседневными развлечениями публики. Даже городские памятники, термы, театры, амфитеатры, цирки — все направлено на то, что Сенека называет «праздной услужливостью городов»²⁸. Более того, самые богатые граждане под предлогом любви к искусству демонстрируют невероятную роскошь, в которой они живут, собирая и представляя зрителям коллекции статуй или картин... Вся культура находится исключительно на службе у наслаждения. Особенно вездесущая философия, которая с готовностью отказывается от любых убеждений. Сенека пишет об этом в своем трактате «О блаженной жизни», пока-

²⁷ *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, 23, 3—4.

²⁸ *Сенека*. De Ira, III, 29, 1.

зывая, что слишком многие его сограждане путают добродетель и наслаждение или скорее пытаются выдать за добродетель то, что является лишь данью наслаждению. «Человек, потонувший в наслаждениях, вечно икающий, рыгающий и пьяный, знает, что не может жить без удовольствий, а поэтому верит, что живет добродетельно, ибо он слышал, что наслаждение и добродетель неотделимы друг от друга; и вот он выставляет напоказ свои пороки, которые следовало бы спрятать от глаз подальше, под вывеской “Мудрость” Собственно, не Эпикур побуждает их предаваться излишествам роскоши; преданные лишь собственным порокам, они спешат прикрыть их плащом философии и со всех сторон сбегаются туда, где слышат похвалу наслаждению. Они не в состоянии оценить, насколько трезво и сухо то, что зовет наслаждением Эпикур; они слетаются на звук самого имени, ища надежные покровительства и прикрытия своим вождениям»²⁹. Сенека добавляет, что люди не ведают «стыда» — того самого стыда, который мог бы способствовать моральному оздоровлению общества. Процесс деморализации ускоряется, поскольку обществу не предлагается никакой другой моральной ценности, адаптированной к новой политической и экономической ситуации.

Ситуация еще больше ухудшается в первый век Империи. По существу, распадается сам институт семьи: понятие брака не имеет больше смысла, широкое распространение получают разводы, а супружеская измена входит в обычай до такой степени, что законы, принятые для ее исключения, на деле не применяются или применяются лишь в крайних случаях. Смешиваются все слои общества: люди свободные и бедные, рабы, вольноотпущенники.

Некоторые бедные граждане становятся тунеядцами или преступниками, в то время как рабы и вольноотпущенники проявляют себя как достойные члены общества. Число вольноотпущенников к тому же становится столь велико, что правительство вынуждено принять меры, чтобы римские граждане не оказались в

²⁹ Сенека. О блаженной жизни, XIII, 1—2. Перевод Т. Ю. Бородай.

меньшинстве. Фактически некоторые вольноотпущенники становятся гораздо богаче даже обеспеченных граждан, и общество признает теперь только два класса: богатых и бедных. Случается, что бедные граждане, клиенты³⁰ богатых, вынуждены ежедневно отправляться на поиски каких-нибудь пособий к своим патронам, свидетельствуя свое почтение бывшим рабам, более богатым, чем они. Подобные ситуации усиливают деморализацию народа, который с помощью сомнительных средств мстит богатым или предается от безнадёжности самым разнузданным порокам.

И независимо от положения и достатка римские граждане все глубже и глубже погружаются в мир наслаждений — то изощренных и изысканных, какие позволяют им их состояние, то самых вульгарных, находя в них забвение по причине собственной бедности. Очевидно, что традиционная мораль не могла быть связана ни с узкой социальной группой, ни с такой многообразной империей, как Римская, и потому культ наслаждений являлся следствием отсутствия морали, так и не сумевшей приспособиться к политике завоеваний.

Эволюцию, которую пережило римское общество, можно оценить, воспользовавшись описанием Аммиана Марцеллина, изобразившего римскую действительность около 380 года н. э. Ценности полностью перевернуты: «Вот человек, убивший своего брата, отказавшегося прийти к нему на обед. Покажите мне сенатора, который не предпочтет потере своего имущества позор изменить предложению, которое он столь здраво обдумал!» Единственная существующая дружба — дружба игры. Богатые создают законы, а праздные болтуны «готовы аплодировать всему, что выходит из уст какого-нибудь богача». Мы видим, что богатые заняты лишь своими экипажами или костюмами или участвуют в «этих пучинах, называемых пирами» с «ты-

Клиент — лицо, находящееся в зависимости от богача («патрона») и пользующееся его покровительством. Клиент был обязан патрону прежде всего сельскохозяйственными повинностями с наделенной земли и военной службой. Клиентами становились либо иноплеменники, попавшие в зависимость в результате завоевания, либо младшие сородичи.

сячью изысков, которые демонстрируют там чувственность». Они передвигаются только в сопровождении целого эскорта, которого не было даже у Цезаря, а если посещают свои земли или просто отправляются на охоту, то уверены, что совершают подвиги, достойные Александра Великого.

Что касается народа — он всего лишь «куча лодырей, бездельников», которая «погрязла в неисправимой лени». «Пить и играть, ходить на зрелища и в кабаки, предаваться пьянству и проституции — вот вся жизнь этих людей. Для них большой цирк является храмом, очагом, центром собраний, совокупностью надежды и обещаний». Едва занимается день конных состязаний, «они выказывают чудеса скорости, опережая даже колесницы, выставленные на соревнования».

Стоит ли удивляться этому упадку, если апостол Иоанн в конце I века сравнивал Рим с блудницей: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле» (Откр. 17: 2).

И если два столь разных человека могли прийти к таким мрачным выводам, значит, Рим и в самом деле, без всяких преувеличений, переживал настоящий моральный кризис. Размах этого кризиса способствовал впоследствии распространению христианства на римских землях.

АРХИТЕКТУРА: ИСКУССТВО ЖИТЬ В ГОРОДЕ

Тяга к наслаждениям неизбежно подталкивала римлян к созданию соответствующих, достойных этих наслаждений декораций. Понемногу возникает настоящее искусство жизни — как в городе, так и в деревне. Об искусстве жить в деревне мы будем говорить в другой главе. Сейчас же речь пойдет о городе. Но чтобы лучше понять различные аспекты этой приятной, полной наслаждений жизни, следует различать два типа наслаждений: народные, то есть присущие беднякам, и свойственные высшему обществу, которое, собственно говоря, одно только и играло заметную роль в городе. Менталитет, образ жизни, способ существования этих двух категорий римского общества в самом деле были очень различными, и историки с полным основанием отмечают, что римское общество по-настоящему и не знало настоящего среднего класса.

Однако если повседневная жизнь знати нам прекрасно известна благодаря археологии и литературным источникам, то жизнь бедняков и те наслаждения, которым они предавались, заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее. Понять народные наслаждения и точно судить о них нельзя, если не известно, каковы были средства к существованию народа.

В течение долгого времени население Рима увеличивалось, но при этом площадь, занимаемая городом,

не изменялась, поскольку нельзя было выходить за сакральные (священные) границы города. Этот легендарный город, понемногу становящийся хозяином всего мира, привлекал к себе толпы народа со всей Италии, а вскоре и всего Средиземноморья. Начиная с III и особенно со II века до н. э. жители завоеванных территорий жаждали стать римскими гражданами. В ход шли любые средства. Некоторые даже отдавали собственных детей в рабство римлянам, если те обещали освободить их и предоставить им таким образом доступ к римскому гражданству. Другие смешивались с римским населением и объявляли себя римскими гражданами во время переписей населения (которые проводились в Риме раз в пять лет). В 187 году до н. э. во время очередной переписи было обнаружено 12 тысяч таких лжеграждан; всех их отправили обратно, на их родину.

Но у Рима имелись и другие средства для пополнения населения: с одной стороны, это война, дававшая приток большого числа иностранцев и рабов, с другой — массовая миграция в город сельского населения. Многочисленные мелкие крестьяне разорялись: иногда потому, что задолжали богатым собственникам и не могли вернуть долг из-за плохого урожая, — тогда их земли конфисковывались, и они находили приют в Риме; иногда потому, что они уходили на войну и бросали свои земли, — а в том случае, если их земли занимал другой, им приходилось компенсировать ему убытки по возвращении с военной кампании или же оставлять землю тому, кто ее возделывал. Подобная ситуация получила распространение во время Пунических войн. Когда же Ганнибал пришел в Италию, сельские провинции охватила паника, и поскольку большая часть мужчин была на войне, их супруги и дети предпочли укрыться в Риме в надежде найти здесь прибежище. Все это население, совершенно очевидно, пополняло ряды бедняков. Многократное увеличение городского плебса ставило перед властями проблему жилья.

Семь римских холмов изначально были заселены теми, у кого хватало средств на постройку индивидуальных жилищ. Беднякам же оставались долины между

холмами, например долина Велабр, расположенная между Капитолийским и Палатинским холмами к югу от Форума, или долина Субуры между Виминалом и Эсквилином к северу. Следует также учитывать, что к тому времени, когда начался значительный приток населения, эти долины были заболочены. Да и сам Форум был всего лишь большим болотом, частично осушенным во времена первых царей с помощью водостока — Клоаки Максимы. Нижние кварталы долго оставались рассадниками огромного количества болезней. К этому нужно добавить ужасающую грязь, малярию, землетрясения, частые в то время, и практически ежегодные наводнения. Одним из самых ужасных было наводнение 54 года до н. э.: вода поднялась так высоко, что стены домов, построенные из кирпича, намокли и развалились; многие погибли. Зимой мороз, летом распространение заразы также увеличивали число жертв. Теплое время года являлось и временем самой высокой смертности. У бедняков не было возможности, подобно богачам, провести удушливое лето за городом в сельской местности.

Когда сегодня смотришь на то, что сохранилось от античного Рима, понимаешь, какое большое место в строительстве занимали мрамор и камень. Действительно, во II веке до н. э. мрамор начал широко использоваться для публичных зданий и домов обеспеченных граждан. До появления мрамора Рим был городом, построенным из дерева, а потом кирпича. Именно из этих материалов строились дома бедноты, а потому часто целые здания обрушивались или сгорали. Жители, если им удавалось спастись, оказывались на улице. Когда же дело дошло до расселения городского плебса, то, поскольку бедноту нельзя было пускать на холмы, возникла идея многоэтажных зданий. Эти дома отличались крайней непрочностью, верхние этажи, по словам Цицерона, нависали над прохожими, а стены были такими тонкими, что их способна была разрушить самая слабая гроза. Что и произошло в 60 году до н. э.:

Мы населяем столицу

Всю среди тонких подпор, которыми держит обвалы
Домоправитель: прикрыв зияние трещин давнишних,
Нам предлагают спокойно спать в нависших руинах, —

писал Ювенал. Тем не менее эти здания являлись предметом спекуляций. Некоторые богачи, например Красс, нанимали до пяти сотен рабов, которые за бесценок возводили готовые рухнуть дома; эти дома сразу же раскупались, после чего отдельные квартиры распродавались по взвинченным ценам. Но все это было продиктовано жестокой необходимостью: на момент смерти Цезаря городской плебс насчитывал 500 тысяч человек из 700 тысяч населения. Нет смысла говорить, насколько неудобными были эти жилища: их обстановку составляли кувшин с отбитой ручкой, «печальный очаг, который не способен оживить огонь», и матрас, полный насекомых. О гигиене не могло быть и речи. Достаточно сказать, что в подобном жилье не имелось отхожего места и содержимое ночного горшка выливали в дыру, расположенную под лестницей, или просто выплескивали в окно!

Улицы в этих народных кварталах были узкими и извилистыми. Когда в 390 году до н. э. Рим был разрушен галлами, диктатор¹ Камилл приказал римлянам заново выстроить город. Государство помогло жителям, сделав оговорку, что перестройка должна быть закончена за год. Все принялись за дело, занимая любое свободное место, но не озаботившись генеральным планом. В результате центр Рима превратился в настоящий лабиринт, где находил убежище самый лихой люд. Улицы Субуры конца Республики были полны всякого сброда, в том числе беглых рабов; злоумышленники всех мастей соседствовали с мелкими торговцами, сапожниками, кузнецами, ткачами, цирюльниками. Любой мог купить по сходной цене съестные припасы, а также предметы, украденные в других кварталах города. Здесь же клиентов поджидали проститутки, описанные Плавтом: «Мукой лицо обсыпано, тростниковым маслом обмазано, трущобой воняют и затхлостью..»

Диктатор — единоличный носитель неограниченной власти в чрезвычайных случаях (тяжелое положение государства при поражении от внешнего врага, сильный голод, внутренние волнения) в ранней Римской республике. Диктатор назначался одним из консулов по рекомендации сената на срок, не превышающий шесть месяцев.

бледные, больные, мешки с костями, девки за два асса²...» Нечистые наслаждения, перенаселенность, нищета и насилие — вот чем живут эти бедняцкие улочки Рима, являющие собой театр бесконечной борьбы со смертью, притеснениями и болезнями. В этих кварталах свирепствуют эпидемии (понадобится более года, чтобы избавиться от августовской эпидемии 459 года до н. э.).

Понятно, что удовольствия, доступные народу, являются отображением жестокости его существования. Для простого народа главное — забыть о краткосрочности и неустроенности жизни. О какой морали можно говорить в подобных условиях? В этих кварталах распространены азартные игры, хотя они запрещены законом. Люди здесь ищут более или менее ярких и скоротечных наслаждений. Не случайно в Субуре процветает самая унижительная форма проституции. Но самыми посещаемыми местами, связанными с народными наслаждениями, являются кабаки. Их полно в народных кварталах, а также на подступах к местам зрелищ, театрам, циркам, амфитеатрам. К тому же кабатчики с выгодой для себя закупают мясо у совершающих жертвоприношения жрецов, а в имперскую эпоху — еще и у владельцев цирков, у которых они приобретают туши оленей и кабанов, заколотых на арене. Подобное дешевое мясо, приправленное люпином, вареным горохом, бобами или капустой, а также вареные бараньи головы и свинина являются основными блюдами в таких заведениях. В зловонной и накуренной атмосфере кабака, содержатель которого часто одет в одни панталоны, можно поесть за два асса. Кабаки были местом встреч воров, убийц, а также рабов, приходивших сюда поразвлечься, пока их хозяин ужинал в городе. Рабы пили вино или напиток из перебродившего зерна — алику, ели, играли в кости и сплетничали о своих хозяевах, а в это время какая-нибудь служанка развлекала их плясками. Вскоре распаленные вином, а также духотой и музыкой, рабы сами начинали петь и кричать, и редко когда подобное сборище не

² Асс — римская медная монета.

заканчивалось дракой. Но эти заведения были необходимы жильцам бедняцких кварталов, которые часто не имели возможности приготовить дома пищу. Они приходили сюда в поисках горячей еды, а особенно горячительных напитков на основе вина, представлявших собой разновидность грога и очень любимых римлянами.

Однако во времена Империи условия жизни меняются. Жилье становится более комфортабельным, и кабаки превращаются преимущественно в места сборов политических заговорщиков. Их стены украшают многочисленные надписи политического характера, примеры которых можно видеть на стенах кабаков в Помпеях. Император Клавдий приказал закрыть множество подобных заведений не только потому, что боролся с падением нравов, но и для того, чтобы помешать собраниям, особенно собраниям евреев. Калигула, как сообщает Дион Кассий³, запретил продавать готовое мясо и горячую воду, и в результате закрылось множество кабаков.

Кабаки были местами народных развлечений. Хотя римляне и прощали простой народ за посещение таких заведений, понимая, что это одно из немногих доступных удовольствий повседневной жизни, они осуждали знатных граждан, которые также захаживали сюда, чтобы свободно предаваться самым постыдным порокам: пьянству, разврату, насилию. В кабаке можно было встретить не только греческих философов, которые сидели здесь, завернувшись в свои плащи и придав себе меланхолический вид, дабы скрыть опьянение. Среди посетителей встречались и самые знаменитые граждане Рима — например Катилина, сын разорившегося патриция, о котором говорили, что он убил свою жену, чтобы жениться на более богатой невесте, убил сына, спал с собственной сестрой и весталкой, и о котором точно известно, что он организовал опасный заговор против Республики; или Пизон, закрывающий лицо, чтобы остаться неузнанным; или Антоний с его

³ *Кассий Дион Коккеян* (160—235) — греческий историк, римский сенатор из Никеи (Вифиния), консул в 224 г.

фигурой гиганта и широкой белокурой бородой, «который, не стесняясь, пьет у всех на виду, садится с наемниками и ест и пьет с ними за их столом...». Ювенал рисует портрет Латрана, императорского легата: «Легата в харчевне / Надо искать: он там выпивает с каким-то бандитом, / Вместе с матросами, вместе с ворами, с рабами из беглых, / В обществе палачей, мастеров гробовых...» Сатирик порицает подобную безнравственность: «Пусть будет недолгой позорная удаля: / Шалости разные надо сбривать нам с первой бородкой». Но что же тогда говорить о Нероне, который, по словам Тацита, гулял, переодетый рабом, по улицам, лупанариям и притонам Рима!

Вот как пишет об этом Светоний:

«Едва смеркалось, как он надевал накладные волосы или войлочную шляпу и шел слоняться по кабакам или бродить по переулкам. Забавы его были не безобидны: людей, возвращавшихся с ужина, он то и дело колотил, а при сопротивлении наносил им раны и сбрасывал их в сточные канавы; в кабаки он вламывался и грабил, а во дворце устроил лагерный рынок, где захваченная добыча по частям продавалась с торгов, а выручка пропивалась. Не раз в таких потасовках ему могли выбить глаз, а то и вовсе прикончить: один сенатор избил его чуть не до смерти за то, что он пристал к его жене. С этих пор он выходил в поздний час не иначе как в сопровождении войсковых трибунов, неприметно державшихся в стороне. Иногда и среди бела дня он в качалке тайно являлся в театр и с высоты просцения поощрял и наблюдал распри из-за пантомимов, а когда дело доходило до драк и в ход пускались камни и обломки скамеек, он сам швырял в толпу чем попало и даже проломил голову одному претору»¹.

Улицы Рима ночью были пустынные. Множество бродяг, по примеру Нерона, объединялись, чтобы грабить прохожих, а кабаки служили им пристанищем.

¹ *Светоний. Жизнь Нерона*, 26, 2—4. Перевод М. Гаспарова. Преторы — высшие магистраты, ведавшие судопроизводством, обладавшие малым империем (властью) в отличие от консульского, который назывался высшим империем.

Здесь царила жестокая атмосфера насилия. Самые бедные, не имеющие крыши над головой, проводили ночь на скамьях, выпивая и развлекаясь. В любой момент могла случиться драка, подобная той, что описывает со своим обычным остроумием Петроний: два персонажа ссорятся друг с другом; тут появляется трактирщик и начинает поносить драчунов. Эвмолп (главный герой романа Петрония) вскакивает и отвешивает ему «основательную оплеуху. Хозяин, изрядно насосавшийся со своими гостями, запустил в голову Эвмолпа глиняным горшком, раскроил ему лоб и стремглав пустился наутек. Эвмолп... схватил деревянный подсвечник и помчался вслед за ним, частыми ударами мстя за поруганную честь... Поварята и всякая челядь наседают на поэта: один норовит ткнуть ему в глаза вертелом с горячими потрохами; другой, схватив кухонную рогатку, стал в боевую готовность; в особенности какая-то старуха, с гноящимися глазами, в непарных деревянных сандалиях, подпоясанная грязнейшим холстяным платком, притащив огромную цепную собаку, науськивала ее на Эвмолпа. Но тот своим подсвечником отражал все опасности»⁵.

Иногда в самый разгар развлечений являются стражники. Случалось, что они разыскивали беглого раба, как, например, в том же «Сатириконе». Стражу сопровождает глашатай, читающий розыскной лист. Например, такой: «Недавно сбежал из бань мальчик, 16 лет, кудрявый, нежный, красивый, по имени Гитон. Тысяча нуммов тому, кто вернет его или укажет его местопребывание». Гитон находится в трактире. Его тут же прячут под кровать. Руками и ногами он цепляется за ремни, поддерживающие матрас, и стражник не находит его.

Среднестатистический римлянин, даже если у него хватало средств жить в квартале получше, чем трущобы Субуры и Велабра, не имел возможности обзавестись роскошным домом. Его жилище было скромным, довольно грязным, практически без обстановки. Дело в том, что римляне в основном проводили время вне до-

⁵ *Петроний. Сатирикон, 95. Перевод под ред. Б. Ярхо.*

ма и именно город являлся обрамлением их жизни. Множество римских памятников являлись в некотором роде народными дворцами, например базилики и особенно бани. Римский гражданин не работал или работал мало, и подобное существование обеспечивало его праздной жизнью. Вот что пишет об этом Гораций:

Я, куда пожелаю,
Отправляюсь один, сам справляюсь о ценности хлеба,
Да о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком;
Под вечер часто на Форум — гадателей слушать; оттуда
Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
С ковшиком винным стоят, простая солонка, и чаша,
И узкогорлый кувшин — простой, кампанийской работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
Рано вставать и — на площадь, где Марсий кривляется бедный
В знак, что он младшего Новия даже и видеть не может.
Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
Или пишу втихомолку я то, что меня занимает;
После я маслом натрусь — не таким, как запачканный Натта,
Краденным им из ночных фонарей. Уставши от зноя,
Брошу я мяч и с Марсова поля отправлюсь я в баню.
Ем, но не жадно, чтоб легким весь день сохранить мой желудок.
Дома потом отдохну. Жизнь подобную только проводят
Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких.
Я утешаюсь тем, что приятней живу, чем когда бы
Квестором был мой отец, или дедушка, или же дядя⁶

Форум вместе с Марсовым полем⁷ являлся основным местом встреч всех этих праздных людей. Форум — это не только политический и религиозный центр города, это перекресток римского мира, место, где совершаются все сделки. Именно здесь встречаются забота и наслаждение, сталкиваются люди всех рас. Здесь проводятся выборные кампании, произносятся политические речи, совершаются жертвоприношения, и все это происходит среди множества лавочек, в окружении бродячих торговцев, зычными голосами приглашающих купить то свежую рыбу, то мясо или овощи. В ут-

Гораций. Сатиры, I, VI, 111—113.

Марсово поле — низменность между Тибром, Пинцием, Капитолием и Квириналом, где проходили народные собрания — центриатные комиции, спортивные соревнования и военные смотры.

ренные часы на Форуме — площади размером в 100 метров в длину и 60 в ширину — происходит самая большая концентрация людей со всего города. Плавт прекрасно описал эту средиземноморскую атмосферу:

Нужен клятвонарушитель — так ступай к Комицию,
Лжец, хвостун — так отправляйся к храму Очистительной,
Дармотрателей богатых под Базиликой найдешь,
Там же выцветшие девки и пройдохи разные;
Сотрапезники-кутилы — возле рынка Рыбного,
А на Нижнем рынке ходят — с состоянием, важные;
А на Среднем, у Канала, — баскалыги явные,
Болтуны, нахалы, всякий злой народ — над Озером,
Негодяи, что наносят зря обиду каждому,
А меж тем достойны сами осуждения всякого.
В Старом же Ряду — дающие и берущие деньги в рост.
За святилищем Кастора — там уж люди темные,
Дальше же, в квартале Тусском, — продавцы самих себя.
На Велабре — мукомолы, мясники, гадатели,
Те, кто сами извернутся и другим помогут в том⁸

Форум является излюбленным местом для прогулок. Именно поэтому Катон во II веке до н. э. повелел возвести там первую базилику. Сегодня от нее ничего не осталось, но туристы могут еще увидеть развалины базилики, построенной Сципионом Эмилианом, а также той, что построил Цезарь. Базилика представляет собой крытую колоннаду с большим центральным и двумя боковыми нефами, куда в неблагоприятное время года переносились заключение торговых сделок и свершение правосудия. Многочисленные уличные торговцы, занимавшие боковые нефы, делали это место для прогулок еще более ценным.

Самый приятный момент первой половины дня — это, несомненно, посещение цирюльника, который держит лавку рядом с Форумом или устраивается в таверне, прямо посреди улицы. Только очень состоятельные люди могли пригласить цирюльника к себе домой или иметь собственного из числа слуг.

Житель Рима проводил у цирюльника очень много времени, поскольку надо было дожидаться своей очере-

⁸ Плавт. Куркулион, 470—484. Перевод Ф. Петровского и С. Шервинского.

ди. За время сидения в очереди обменивались последними новостями. Сам цирюльник, позабыв о клиенте, также мог включиться в разговор, размахивая своей остро заточенной бритвой. Мода коротко стричь волосы и сбривать бороду пришла из Греции во II веке до н. э. Цирюльник усаживал клиента, повязывал ему вокруг шеи покрывало и предлагал на выбор бритву или пинцет. Некоторые предпочитали выщипывать волосы на подбородке пинцетом или депилировать их при помощи смолистой пасты, делающей операцию менее болезненной. Цирюльник протягивал клиенту наполненный водой таз, чтобы тот намочил и смягчил бороду, затем давал ему маленькое зеркало, благодаря чему тот мог следить за различными операциями. Начинали с бороды, затем переходили на остальную шевелюру. Цирюльник стриг и завивал волосы с помощью горячей ароматизированной воды. Потом он подкрашивал и полировал брови, удалял волосы из ноздрей, а также с рук и ног, обычно сжигая там волосы и полируя кожу пемзой. Заканчивал он маникюром. Имена некоторых цирюльников сохранились в памяти римлян. Таков, например, Лициний, который прославился благодаря женоподобным красавцам, проводившим у него многие часы в обсуждении каждого волоска и требовавшим, чтобы все локоны были одинаковыми! После чего такие модники больше не дотрагивались до своей прически; отсюда выражение, употребленное Сенекой: «Мужчина, скребущий голову пальцем».

После трапезы, чаще всего умеренной, обычно около часа дня, наступало время сиесты. Редко кто не предается сну в часы самой сильной жары, и надо было быть очень занятым, как, например, Цицерон до диктатуры Цезаря, чтобы тут же вновь приниматься за работу. Но самый приятный момент наступал, когда римлянин отправлялся в термы — эту «виллу для бедных». Во времена Империи этот обычай стал обязательным.

В годы Республики, то есть начиная с III века до н. э., самые богатые граждане устраивали бани у себя дома. Речь, однако, шла лишь о роскошной необходимости, и это место, часто темное и лишенное декора, едва ли манило к наслаждениям. Вода была иногда сомнитель-

ного качества, и купание позволяло, по словам Сенеки, смыть пот, но не запах. Во II же веке до н. э. появляются публичные бани, доступные и для мужчин, и для женщин. Они работали в рыночные дни, и плата за вход была весьма умеренной — всего четверть асса. Однако понемногу вкус к роскоши и поиски наслаждений приводят к тому, что эти заведения расширяются и множатся. Появляется привычка ежедневно ходить в бани, и именно Агриппа делает их бесплатными и преобразует в термы. В 33 году до н. э. в Риме насчитывалось 70 бань. Два века спустя их число превысило 950. Что касается больших терм, их число тоже быстро увеличивается. Помимо терм, построенных по приказу Агриппы на Марсовом поле, следует отметить термы Нерона, Тита (около Колизея), Домициана, Траяна (на Авентине), Каракаллы, Диоклетиана, Константина. Сегодня путешественник может посетить термы Каракаллы, раскинувшиеся на 11 гектарах, и термы Диоклетиана, занимающие 13 гектаров. Эти термы, к которым была подведена вода, соответствовали политической воле императоров и обошлись им в целое состояние. Это настоящие дворцы, подаренные императорами своему народу, чтобы он мог там наслаждаться и развлекаться, на время забыв о повседневной нищете. Они гарантировали режиму поддержку плебса. Надпись на термах Диоклетиана восхваляет императора, воздвигшего «эти прекрасные термы» для «своих дорогих римлян». Нередко здесь можно было увидеть трофеи и статуи, напоминающие о власти императора. Как отмечает тот же Сенека, термы были уже не средством удовлетворения насущных потребностей, а инструментом наслаждения. Новшества в архитектуре позволили упразднить несущие конструкции в пользу огромных сводов, покоящихся на мощных колоннах. Стены в термах были очень толстыми, чтобы избежать влияния внешней среды; внутри друг друга сменяли залы с небольшими оконцами для сохранения необходимой температуры и обширные проемы, позволявшие проникать большому количеству света. Огромные залы, бассейн с холодной водой под открытым небом занимают в термах Диоклетиана площадь в 2500 квадратных метров. По-

всюду мрамор всевозможных цветов, расписанный прекрасными картинами. Капители колонн украшены скульптурами с мифологическими сюжетами. Своды были позолочены или покрыты мозаикой из стекло-видной массы, разноцветные сюжеты которой создавали особое освещение, напоминающее свет, падающий сквозь витражи. На полу мрамор чередовался с черными мозаиками на белом фоне. И повсюду ниши со скульптурами — эротическими (например, статуя Венеры) или же мифологическими (знаменитый Лаокоон, украшавший термы Траяна). Начиная с восьмого часа (около двух часов дня) колокол возвещал об открытии терм, которые не закрывались до наступления ночи, а иногда работали и позже.

Оставив в *атодитерии* (раздевалке) в специальных *вестиариях* одежду под присмотром маленького раба (поскольку процветало воровство), гражданин, привыкнув к жаре в среднем зале — *терпидарии*, мог наконец перейти в другие парильни — *кальдарии*, усилившие потоотделение. Затем он окунался в горячую ванну, где смывал пот и скреб тело при помощи скребницы — разновидности скребка из рога, слоновой кости или какого-то драгоценного металла, изогнутого как ложка, форма которой прекрасно подходила к выпуклым частям тела. Эту операцию сложно было выполнить в одиночку, и бедняки, которые не могли воспользоваться услугами раба, терлись у стены. Рассказывают, что император Адриан увидел однажды, как ветеран армии трется подобным образом около стены, и спросил, зачем он это делает. Узнав, что он не может оплатить услуги раба, император тут же снабдил его деньгами. На следующий день множество стариков принялись тереться о стены, едва появился император, но тот просто посоветовал им помогать друг другу.

После горячей ванны приходит время ванны холодной, охлаждающей плоть, — *фригидария*. В больших термах можно было даже плавать в огромном бассейне. Эти ванны с холодной водой в некоторые эпохи были особенно популярны. При Помпее их рекомендовал врач Асклепиад, и говорят, что Антиной Муза вылечил Августа исключительно с их помощью.

Тот, у кого были средства, мог заказать массаж — иногда до, иногда после холодной ванны, а самые бедные довольствовались простым растиранием. Клиент растягивался на ложе, и массажист (часто мальчик или евнух) разминал ему мышцы. Растирания могли занимать много времени и сопровождалась эпиляцией подмышек, проводившейся с помощью специальных маленьких пинцетов и мазей. Затем использовался крем, приготовленный из топленого сала и белой черемичи, предотвращающий зуд. Наконец тело умащали ароматными маслами и растирали подогретой шерстяной или льняной тканью. После этого пришедшему в бани оставалось только облачиться в тогу и вернуться к себе на обед.

Все эти операции проходили в расслабленной и часто чувственной атмосфере. Очень скоро бани становятся смешанными, и только император Адриан запретит совместные бани. Разврат был широко распространен: Овидий, например, советовал мужчинам и женщинам назначать в банях свидания. Нельзя точнее передать суть происходящего, чем это сделано у Сенеки:

«...Я живу над самой баней. Вот и вообрази себе все разнообразие звуков, из-за которых можно возненавидеть собственные уши. Когда силачи упражняются, выбрасывая вверх отягощенные свинцом руки... я слышу их стоны; когда они задержат дыханье, выдохи их пронзительны, как свист; попадетса бездельник, довольный самым простым умащением, — я слышу удары ладоней по спине, и звук меняется смотря по тому, бьют ли плашмя или полую ладонью. А если появятся игроки в мяч и начнут считать броски, — тут уж все кончено. Прибавь к этому и перебранки, и ловлю вора, и тех, кому нравится звук собственного голоса в бане. Прибавь и тех, кто с оглушительным плеском плюхается в бассейн. А кроме тех, чей голос, по крайней мере, звучит естественно, вспомни про выщипывателя волос, который, чтобы его заметили, извлекает из гортани особенно пронзительный визг и умолкает, только когда выщипывает кому-нибудь подмышки, заставляя другого кричать за себя. К тому же есть еще и пирож-

ники, и колбасники, и торговцы сладостями и всякими кушаньями, каждый на свой лад выкликающие товар»⁹

Таким образом, термы являлись распространенным местом встреч. Помимо собственно бань они включали в себя одну или несколько гимнасий (гимнастических залов), библиотеку, залы для отдыха и беседы. К этому надо прибавить толпу мелких торговцев и ремесленников: разносчиков напитков и продуктов, скульпторов, художников и т. д. Баня это не только место для наслаждений, здесь почти все занимаются спортом. Надо сказать, что спорт, столь превозносимый греками, был презираем римлянами. Долгое время он признавался всего лишь средством для лучшего потоотделения перед парильней. Стыдливость римлян была вначале шокирована теми упражнениями, которые греки выполняли обнаженными. Однако вместе с эллинизацией каноны мужской красоты постепенно занимали свое место в жизни римлян. Но физические упражнения при Катоне — это исключительно тренировка военных качеств: упражнения на мечах, метание копья, верховая езда, переплывание Тибра... Гимнастические упражнения воспринимались как игра. С течением времени молодые люди обретали вкус к атлетизму: во времена Империи проводились юношеские соревнования, собиравшие на стадионе толпы народа. Публика криками выражала свое восхищение накачанными торсами любителей и профессиональных атлетов.

Самыми излюбленными играми в термах были игры в мяч. В них играли в любом возрасте, а некоторые знаменитые персонажи являлись признанными мастерами — например Цезарь, Август, Меценат... Римляне использовали мячи разных размеров и ярких расцветок; достаточно твердые и набитые волосом служили для бросков со всей силы; мяч из более толстой кожи, набитый пухом, *пагеника*, предназначался для более спокойных игр и потому предпочитался людьми в возрасте. В мяч играли в одиночку, подбрасывая его в воздух, или в компании, перебрасывая друг другу. Игрок мог

⁹ *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, 56, 1—2.

также с силой бросать мяч в стену и отбивать его раскрытой ладонью. Выигрывал тот, кто отбил мяч большее число раз, не допустив его падения. Одной из любимых игр был *треугольник*. Три игрока образовывали треугольник, у каждого был мяч. Каждый бросал свой мяч, кому хотел, так что игрок мог получить два мяча одновременно! Еще два игрока собирали мячи и трое считали броски. Очевидно, именно этой игрой занимался Трималхион в «Сатириконе»: «Мяч, коснувшись земли, в игре больше не употреблялся, а свой запас игроки пополняли из корзины, которую держал раб. По обеим сторонам круга стояли два евнуха: один из них держал серебряный горшок, другой считал мячи, что падали наземь». А ведь Трималхион был уже в весьма преклонном возрасте!

Римляне также питали большое пристрастие к коллективной игре в мяч. Например, они разделяли пространство грядой камней на два больших поля. Позади каждого поля находилась еще одна гряда. Мяч располагался на середине. Первый, кому удавалось завладеть мячом, должен был бросить его как можно дальше. На другом поле его ловили и перебрасывали обратно. Нужно было закинуть мяч как можно дальше, заставив противника зайти за ограничительную линию. Или вот еще одна игра. Игроки образовывали две команды. Игрок с мячом говорил, кому он его бросит, но мог бросить мяч совершенно в другом направлении. Другой игрок должен был его поймать. Если мяч касался земли, команда, не сумевшая его поймать, проигрывала. Иногда игрок подкидывал мяч вертикально вверх. Все бросались к нему ловить мяч, что вело к веселой потасовке и взрывам смеха. Существовала также игра, называемая «имперской», в которой игрок верхом на коне должен был отбить мяч ракеткой.

В термах бедняки могли на время забыть о своей нищете. Некоторые, чтобы попасть после бани на ужин к какому-нибудь богачу, без конца угождали ему, не гнушаясь подбирать в пыли или воде предметы, брошенные туда знатной персоной; другие с готовностью промокали богачу лоб или поднимали тосты за его здоровье до тех пор, пока не получали искомое приглашение.

Помимо терм, неотъемлемым правом римлян являлись зрелища. Власть брала на себя заботу об удовлетворении потребности в них народа. Стоит вспомнить об архитектурных памятниках, в которых происходили эти забавы, поскольку они составляют часть «архитектуры наслаждений» Рима.

Поразительно, но эта архитектура практически отсутствовала вплоть до эпохи Помпея и Цезаря. Конечно, сами зрелища возникли куда раньше (а некоторые из них, например, конные состязания, восходят ко временам зарождения Рима). Однако проводились они только в определенные дни. Долгое время население Рима довольствовалось лишь театральными представлениями, которые устраивались на подмостках или в деревянных зданиях. Но с этими развлечениями плохо сочеталась республиканская мораль, и потому сенат отказывал в постройке «прочного» здания для театра. Потребовался авторитет Помпея, чтобы это случилось — каменное здание театра появилось только в 55 году до н. э., хотя деревянный театр приблизительно на век старше. Что касается амфитеатра, то он возник еще позже, когда Куриону в 52 году до н. э. пришла в голову мысль объединить два деревянных театра, чтобы показывать народу гладиаторские бои. Первый каменный амфитеатр был построен в 27 году до н. э. Большой цирк, предназначенный для бегов, является, таким образом, самым старым памятником архитектуры развлечений. Его строительство датируется V веком до н. э., но в то время он лишь отдаленно напоминал цирк. Он был реконструирован после пожара при Цезаре и мог вмещать 150 тысяч человек, располагавшихся по обеим сторонам на трибунах длиной 645 метров. Нерон расширил его еще больше, и его вместимость достигла 250 тысяч человек. Мы еще будем говорить о том, что эти сооружения наряду с термами считались излюбленными местами наслаждений римлян.

Но это все публичная архитектура. Имеет смысл остановиться и на частном жилье римлян. Здесь также прослеживаются эволюция, стремление к достижению максимального наслаждения — прежде всего, конечно, у представителей привилегированных классов.

Достаточно сравнить жилища первых обитателей Рима с роскошными частными особняками, возводившимися в последний век Республики, не говоря уже о частных дворцах Империи. Изначально частный дом включал *атриум*, *табланий* — сердце дома, спальню хозяина, — и маленький сад позади дома. Археологи убедились, что по происхождению это были не городские, а сельские дома. Полное отсутствие роскоши и даже бедность обстановки объяснялись самой жизнью римлян, которые большую часть времени проводили вне дома. Однако постепенно дом расширяется и становится для человека богатого и уважаемого средством продемонстрировать окружающим свое превосходство. Патроны каждое утро принимают клиентов в атриуме и любят похвастаться своим богатством. Хозяин дома гордится внутренним декором, обстановкой и ценностями, которыми он обладает. Правила хорошего тона требуют, чтобы хозяин показал своему гостю самые красивые предметы, посуду и обстановку. Но это, конечно, привилегия людей богатых, ибо бедняки по-прежнему селятся в съемных домах. Известно, что в IV веке до н. э. в Риме насчитывалось 46 602 съемных жилища и только 1790 частных домов.

Понемногу римский дом расширяется, а сад превращается в *перистиль*, обрамленный колоннами по образцу греческих царских парков. Никакого сомнения, что это стремление к роскоши внутри жилища происходит под греческим влиянием. Дом, изначально закрытый снаружи, чтобы предохранить своих обитателей от жары, как бы открывается с помощью этого сада-перистиля. Дома богатых римлян приобретают практически царские размеры и соперничают друг с другом в роскоши и великолепии. Как известно, дом Цицерона на Палатине стоил более 3 миллионов сестерциев, а дом Клодия — почти 15 миллионов! Плиний сообщает, что в конце диктатуры Суллы самым красивым признавался дом Лепида, но 35 лет спустя он оказался лишь на сотом месте! Роскошь проявляется как в декоре, так и в обстановке: кровати, стулья, столы, шкафы украшены бронзой и серебром. Повсюду хозяин велит расставить

мраморные кратеры¹⁰, бронзовые канделябры, статуи... В Помпеях в доме Менандра был найден великолепный столовый серебряный сервиз. Стены украшают терракотовой плиткой, штукатуркой под мрамор, фигурной и расписной мозаикой. Живопись также меняется: сначала небольшие картины, затем все более крупные, изображающие красоты природы. Перспективы уходят в бесконечность. Воображаемая архитектура словно воспроизводит театральные декорации. В начале Империи художники находятся в поисках более элегантного и уравновешенного искусства. Появляются картины, поражающие своей необычностью. Витрувий отмечал, что в Золотом дворце Нерона настенные росписи были выполнены в богатом и пышном стиле, с изображением фигур, помещенных в причудливые геометрические рамки, обогащенные растительными элементами и фантастическими персонажами. Однако эти фантазии, похоже, были мимолетными, поскольку спустя короткое время они сменились более классическими изображениями. Помпеи оставили нам огромное количество живописных мотивов. Заметно, что художник чаще обращался к реальному миру. Стены украшались пейзажами, в которых почти всегда имелись маленькие домики. Среди лужаек и деревьев — стада и пастухи, тона по преимуществу пастельные. Но понемногу эти пейзажи становятся излишне вычурными и верх берет нечто сверхъестественное и ирреальное. Особенно вдохновляли художников экзотические сюжеты, связанные с Египтом. Но больше всего сегодняшнего туриста поражают изображения человеческих и божественных существ, чьи взгляды и позы кажутся совершенно реальными. То это сцены повседневной жизни — например встреча на Форуме или покупка хлеба у булочника; то лица, как, например, лицо того же булочника, глядящего на всклокоченного крестьянина, рядом с которым кокетничает его жена; то персонажи с виллы Мистерий, готовящиеся к какой-то церемонии.

¹⁰ Кратер — сосуд для смешивания жидкостей, преимущественно вина с водой; имел широкое горло, вместительное тулово и две ручки.

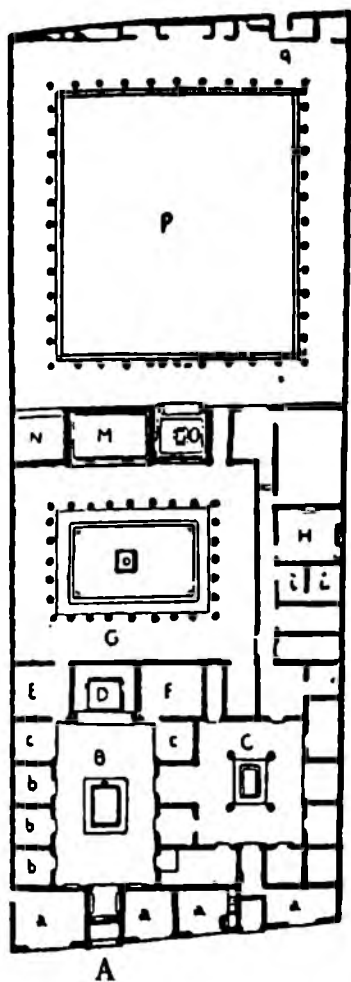

Рисунок 1. План Дома Фавна (Помпеи).

Буквами обозначены:
 А — вход (а — лавки, b — спальни);
 В — тосканский атриум
 (с — дополнительные комнаты);
 D — таблиний;
 E, F — осенний и зимний
 триклинии — столовые;
 С — четырехколонный атриум;
 G — перистиль; I — баня;
 Н — кухня; М — экседра (гостиная)
 с мозаикой Александра;
 N, O — летние столовые;
 P — большой перистиль;
 Q — второй вход.

Многие из этих домов мы можем наглядно представить после раскопок в Помпеях. Вот, например, план Дома Фавна, названного так из-за статуи танцующего Фавна, стоящей в центре первого атриума.

Этот дом считается одним из самых красивых частных домов той эпохи. Построенный во II веке до н. э., он включал сперва один атриум и один перистиль. Потом дом был расширен еще на один атриум и перистиль. Вход в дом выполнен в виде маленького ко-

ринфского храма, стены которого украшены штукатуркой. В первом атриуме много мозаик: здесь и изображение кота, поедающего куропатку, и три голубки. Стены комнат украшены картинами. С каждой стороны табличия расположены триклинии, предназначенные для разных времен года. Первый перистиль был украшен двадцатью восемью колоннами, поддерживающими ионический фриз. С другой стороны перистилья одна из комнат украшена самой знаменитой мозаикой того времени, изображающей победу Александра Македонского над Дарием, — теперь она находится в музее Неаполя. Другой перистиль, более поздний и больших размеров, предлагает взору два ряда колонн, дорических внизу и ионических вверху. Этот огромный перистиль, окруженный сорока четырьмя колоннами, заключает в себе прелестный садик. Можно представить, как хорошо было прогуливаться по верхней галерее, замыкавшей этот сад с южной стороны. По своим размерам и декору этот дом имел поистине царский вид, и изменения в нем в полной мере демонстрируют стремление к роскоши и комфорту. Первый перистиль, видимо, был признан слишком маленьким и недостойным обретенного благосостояния.

Созданию радостной атмосферы способствовал сад с многочисленными деревьями, стриженными кустарниками, которым садовник придавал разнообразную форму, и фонтанами. К устройству сада, в большей степени присущего сельским домам, мы вернемся позднее.

Такие богатые дома строили не только ради великолепного декора. Они должны были еще быть удобными и доставлять своим владельцам максимальное наслаждение жизнью. Одним из самых изысканных мест в таких домах, разумеется, была баня. Богатый владелец ежедневно наслаждался ею вместе с несколькими восторженными друзьями. Сенека не без юмора пишет об этом после посещения старинной виллы Сципиона, чьи бани темны, а пол просто вымощен камнем. Сципион Африканский удалился на свою виллу в 184 году до н. э. Во времена Сенеки (50—60 годы до н. э.) никто

уже не мог бы удовлетвориться омовением, совершенным в подобных условиях:

«Кто бы теперь вытерпел такое мытье? Любой сочтет себя убогим бедняком, если стены вокруг не блистают большими драгоценными кругами, если александрийский мрамор не оттеняет нумидийские наборные плиты, если их не покрывает сплошь тщательно положенный и пестрый, как роспись, воск, если кровля не из стекла, если фасийский камень, прежде — редкое украшение в каком-нибудь храме, не обрамляет бассейнов, в которые мы погружаем похудевшее от обильного пота тело, если вода льется не из серебряных кранов... Сколько... изваяний, сколько колонн, ничего не поддерживающих и поставленных для украшения, чтобы дороже стоило. Сколько ступеней, по которым с шумом сбегает вода. Мы до того дошли в расточительстве, что не желаем ступать иначе как по самоцветам... Теперь называют гнездом мокрицы ту баню, которая устроена не так, чтобы солнце целый день проникало в широченные окна, не так, чтобы в ней можно было мыться и загорать сразу, чтобы из ванны открывался вид на поля и море»¹¹.

Самые богатые граждане устраивали снаружи дома кроме перистиля еще и большие парки, предназначенные услаждать чувства и разум. Римляне всегда были чувствительны к природе, и даже в городе имелось много зелени. Иногда недостаток места вынуждал создавать висячие сады с деревьями и цветами, где можно было принимать солнечные ванны. Даже в перенаселенных народных кварталах окна украшали цветами. Уже во времена Гракхов один из Сципионов владел большим садом. Лукулл, победитель Митридата, имел самый красивый сад своего времени. Цезарь сделал свои сады общедоступными, передав их в общее пользование в завещании. Молва сохранила воспоминания о садах Саллюстия на Квиринале, Торквата на Каэлии, Поллиона, Помпея, Луция, Кайя, а также садах Мецената на Эсквилине, которые занимали площадь 300 на 100 метров. Многие из этих садов спускались к Тибру

¹¹ *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, 86, 6—8.

террасами, с которых открывался великолепный вид. Даже центр города свидетельствовал о любви римлян к природе: лес Азия на Капитолии, лес Весты около Форума, лес Стернии у подножия Эсквилина, лес Сатурна на севере Авентина, лес Марса на Марсовом поле остались напоминанием о том времени, когда Рим был всего лишь сельским городком.

Для одних эти места были идеальным местом для любовных свиданий, для других — источником уединения для размышлений, для третьих — поводом встретиться с друзьями, чтобы насладиться беседой.

Ибо из всех наслаждений, известных римлянам, возможно, самым большим было наслаждение беседой. Все названные нами общественные места благоприятствовали этому: сады, термы, базилики, Форум, места для зрелищ... Всеми иному римлянин предпочитал общение с другом, дружескую беседу. Очарование словом порой заводило его слишком далеко. Общественные отношения основывались на дружбе, а это вело к образованию групп и союзов.

Известно, каким успехом в Риме пользовалась профессия адвоката. Римлянин любил судиться и охотно подавал жалобу из-за сущего пустяка. Вот почему появление в Риме во II веке до н. э. греческих философов явилось для самых образованных граждан весьма важным событием. До этого они не позволяли себе слушать эпикурейцев, рассуждавших о том, что жизнь имеет своей целью наслаждение и надо уметь наслаждаться ею. Выступления других греческих философов — например в 155 году до н. э. — также не принесли особого успеха, и велико же было удивление римлян, когда они услышали скептика Карнеада, в один прекрасный день похвалившего их за справедливость, а на следующий день смутившего их совершенно противоположным тому, что он говорил накануне.

Хотя римляне и были болтливы и падки на разговор, их разум оставался во многом крестьянским, и подобные тонкости не могли долго служить предметом обсуждения. Некоторые из философов, впрочем, имели в Риме большое влияние в политике, и такие известные люди, как Гракхи или Сципион Эмилиан, проводили

много времени в их компании и пользовались построениями философов, чтобы проводить свою линию в политике.

Вместе с философами в Рим к огромной радости юных римлян, оставивших военную службу, приходят ораторы. Эти мастера словесной эквилибристики готовы были рассуждать по любому поводу. Их юные ученики также спорят на самые различные, а иногда и неожиданные темы. Отец философии Сенека, профессионально занимавшийся риторикой, оставил нам несколько примеров тем, предложенных ученикам: например, составить закон, согласно которому соблазненная женщина должна выбирать между осуждением на смерть своего соблазнителя или браком с ним без приданого. Представим себе, что той же ночью некий мужчина совершает насилие над двумя женщинами; одна требует его смерти, другая хочет выйти за него замуж; начинается судебное дело... Или другие темы: Юпитер упрекает Солнце в том, что оно уступило свою колесницу Фаетону; речь Медеи о принесении в жертву своих детей; Ахилл, давший волю своей ярости против Агамемнона, и т. д. Именно на подобных упражнениях оттачивали свое искусство самые знаменитые ораторы в истории Рима, например Цицерон. Молодые люди отправлялись также в Грецию, чтобы получить образование у великих учителей и совершенствоваться в искусстве слова.

Именно таким путем римлянин познавал новое наслаждение — наслаждение литературой. Многие пишут и подобно Марциалу увековечивают себя в своих «книжках». К тому же книга была дорогим подарком: она представляла собой свиток папируса, накрученный на палку, или, реже, маленькую тетрадь из пергамента, сшитую вручную. Обладание же библиотекой было роскошью, доступной лишь очень богатым гражданам. Но в городе существовала публичная библиотека, где можно было почитать книги. Чтобы понять всю важность этого заведения для римлян, отметим, что в IV веке н. э. в городе было 28 публичных библиотек и в каждой находилось по 30 тысяч томов. Многочисленны были и книжные лавки, особенно на Форуме. Самые знамени-

тые книжные торговцы в Риме, Сосии, держали лавку на Форуме, при входе на улицу Тосканцев, рядом с храмом Кастора и Поллукса. Книжные лавки были местом встреч читателей, а также авторов, обсуждавших последние публикации. Хотя писали многие, настоящую известность снискали лишь отдельные авторы. Римляне, похоже, были очень требовательны, и Марциал писал:

Верь мне, умна чересчур сделалась Марса толпа.
Больших насмешников нет нигде: у взрослых и старых,
И у мальчишек-то всех — как носорожки носы.
Браво лишь громкое ты услышишь, даря поцелуи,
Как на военном плаще к звездам подбросят тебя¹².

Надо сказать, что римский писатель-любитель не отличался скромностью. Часто его литературное наследие ограничивалось письмами, но он предназначал их для всеобщего прочтения. В лучшем же случае речь шла о поэмах и других сочинениях. Так, например, в высшем обществе проводились «публичные чтения», красноречиво называвшиеся «декламациями». Здесь существовали строгие правила, касавшиеся как манеры декламатора, так и поведения аудитории; первому полагалось проявлять побольше скромности, второй — побольше снисходительности. Не рекомендовалось замечать ошибки в произведении автора, ибо легко можно было превратить его в своего врага из-за литературных мелочей, тем более что и он мог отомстить критику, когда тот предложит собравшимся свой собственный шедевр. Впрочем, ничто не мешало впоследствии тайно донести до каждого свое истинное мнение о данном произведении. Ибо — как и всегда — с любезностью часто соперничала ревность. Плиний Младший в одном из своих писем возмущается по поводу общего безразличия, которое выражают из зависти слушатели публичного чтения: «Откуда такая важность, такое высокоумие? Это вялость, заносчивость, недоброжелательство, а вернее безумие — потратить целый день на то, чтобы обидеть и оставить врагом того, к кому пришли, как к близкому другу. Ты сам красно-

¹² *Марциал*. Эпиграммы, I, 3.

речивее? Тем более нечего завидовать: завидует слабейший. Да, наконец, выше ты его, ниже, равен ему — похвали, если он и ниже, если выше, если тебе равен. Если он выше и недостоин похвалы, то и тебя нельзя похвалить; если он ниже и равен тебе, то ты заинтересован в том, чтобы человек, которого ты обогнал или которому равен, казался очень значительным»¹³. Сам Плиний никогда не забывал об аплодисментах: после великолепного чтения, пишет он, «я многократно целовал молодого человека и не нагружал его ум никакими упреками, я подбадривал его своими похвалами».

Не все римляне понимали наслаждение от этих литературных состязаний, но все питали страсть к игре. Играли и дома, и у друзей, и в публичных местах. Некоторые невинные игры, в которые играли дети, очень любили и взрослые. Сам император Август любил играть с детьми в орехи. Вообще орехи в Античности были исключительно популярны. Можно назвать как минимум шесть разных игр, в которых их использовали: от самой простой, заключающейся в точном разбиении ореха рукой с одного раза, до более сложных игр. Например, игрок пытался попасть с расстояния орехом в отверстие горшка или должен был угадать, сколько орехов его партнер прячет в каждой руке. Или другая игра: на земле выкладывался ряд орехов, и надо было прокатить один по наклонной плоскости. Самой трудной являлась игра, состоявшая в том, что мелом рисовали треугольник, пересекавшийся параллельными линиями, затем орех бросали таким образом, чтобы он перескочил через наибольшее количество линий, не выйдя за границы треугольника. Саркофаг музея в Ватикане представляет нам также очень известную игру: три ореха кладут на землю; надо бросить четвертый, чтобы он попал на три первых, не потревожив их. Выигравший забирал три ореха. На саркофаге изображены пять девочек и восемь мальчиков, увлеченных игрой. У некоторых в туниках лежит уже много выигранных орехов. Проигравший же бедолага таскает за волосы выигравшего.

¹³ Письма Плиния Младшего, VI, 17. Перевод М. Е. Сергеевко.

Известно было и не менее шести настольных игр. Об их широком распространении свидетельствуют сотни игровых столов, предоставленных нам одним только Римом. Две игры напоминают шахматы. Одна воспроизводила военные действия на доске, очень похожей на современную шахматную. Каждый игрок имел тридцать фигурок разного цвета. Фигурки отличались по значимости: некоторые ходили по прямой линии, другие перепрыгивали через клетки. Игра заключалась в том, чтобы забрать как можно больше фигур противника или заблокировать их. Когда проигравший не мог больше играть, выигравший объявлялся царем. Чем меньше фигур он потерял, тем значительнее была победа. Другая игра являлась разновидностью триктрака. Доска делилась на двенадцать вертикальных полос, пересекавшихся одной горизонтальной: итого получалось двадцать четыре клетки. Кроме пятнадцати черных и белых шашек игрок использовал еще и кости. Игроки по очереди бросали кости и в соответствии с выпавшим числом передвигали шашки. Таким способом надо было пройти с первой на последнюю клетку, следуя назначенным путем и по возможности исправляя плохие ходы. В эти игры играли и в высшем обществе, и в народе. Мощные полы в базиликах и солдатских казармах сохранили следы таких досок, начертанных прямо на полу. Несомненно, это было излюбленное занятие солдат и празднующихся граждан.

И все же наибольшим успехом в обществе пользовались азартные игры. Возможно, дело было в том, что официально они были запрещены. Играть на деньги разрешалось только во время Сатурналий. Для азартных игр использовались мелкие монеты, кости или бабки. С монетами играли в нечто, напоминающее «орел и решку». Что касается игры в кости, очень распространенной в античном мире, то в нее играли при помощи двух или трех костей, с каждой стороны помеченных от одного до шести очков. Игрок помещал кости в рожок, горлышко которого было уже основания, тряс их и выбрасывал на стол. Выигрывал набравший большее число очков. Самым удачным считалось полу-

чить три «шестерки». Бабки пользовались таким же успехом, как и кости. Игре в них, несмотря на запрет, со страстью предавался сам император Август. Он рассказывал, что однажды проиграл 20 тысяч сестерциев! С бабками играли в «чет-нечет»: следовало, как и в игре с орехами, угадать число. Но играли также и в более сложные игры. Бабка, сделанная из металла, камня, слоновой кости, была четырехгранной: две грани были широкие (одна вогнутая, одна выпуклая) и две узкие (одна немного выдoblенная, другая плоская). В основном бабка падала на широкие стороны; если же она падала на узкую сторону, это означало выигрыш. Игрок, чтобы выиграть, должен был бросить бабки на стол рукой или при помощи рожка. Четыре стороны, соответственно сложности, стоили один, три, четыре и шесть очков. Каждый вариант носил собственное имя. Например, «бросок Венеры» — это когда выпадали 1, 3, 4 и 6, то есть каждая бабка падала разной стороной. Однако число выигранных очков отличалось от суммы стоимости каждой стороны: каждый вариант обладал собственной стоимостью. Так, «бросок собаки» (4 раза по 1) не стоил практически ничего, а 4 раза по 6 приносили только 6 единиц. Были такие броски, например «бросок Эврипа», цена которых доходила до 40 единиц. А за некоторые броски следовало платить штраф.

Играть любили все. Август писал, что во время Квинкватрий¹⁴ он вместе с друзьями, «охваченный пылом игры», провел за игровым столом без остановки все пять дней праздника, а Ювенал упрекал одного игрока: «Есть ли безумие хуже, чем бросить сто тысяч сестерций — / И не давать на одежду рабу, что от голода дрогнет?»

Эта страсть была столь же пагубна, как страсть к танцу. Публичные танцы произвели в Риме настоящий фурор после Пунических войн, особенно среди молодежи, хотя они и осуждались моралью. В эту эпоху было открыто множество танцевальных школ. Сципион Эмилиан счел их неприличными. Посетив одну из

¹⁴ Квинкватрии — праздник в честь бога Марса, а также Минервы. Праздновались 19—23 марта.

них, он увидел там сыновей знатных людей в возрасте двенадцати лет, танцующих под аккомпанемент ударов в бубны. Сципион был шокирован этим зрелищем. Он признавал, что танец — это наслаждение, но наслаждение, которым не занимаются по случаю: никогда римлянин не станет танцевать на публике, не овладев этим искусством. Наслаждение победило мораль, и в период Империи вполне взрослые граждане были одержимы «демоном танца», будучи при этом «людьми серьезными». Сам Калигула был без ума от танцев. Он танцевал в любое время. Как-то ночью он приказал разбудить трех консулов, которым желал показать свои последние задумки. Они были препровождены во дворец, и император появился перед ними, завернувшись в великолепный плащ. Он танцевал, пел, а потом исчез так же внезапно, как и появился. Консулам не оставалось ничего другого, как вернуться в свои кровати.

Таким образом, жизнь в Риме могла быть весьма приятной и праздной, поскольку город предлагал каждому согласно его средствам все виды наслаждений — от самых вульгарных до самых изысканных. И для того чтобы предаваться им, не надо было обладать каким-либо особым талантом.

НАСЛАЖДЕНИЕ ПРАЗДНИКОМ

Устройство игр и публичных зрелищ было одним из самых заметных достижений политической власти в Риме времен заката Республики и особенно расцвета Империи. Власти неприкрито пользовались пристрастием народа к таким развлечениям, которые на дух не выносили варвары. Но прежде чем анализировать эту разновидность древнеримских наслаждений, следует рассмотреть ее в контексте религиозного празднества. Дело в том, что зрелища в Риме являлись проявлением сакрального и не воспринимались так, как воспринимаются зрелища в наши дни.

Жизнь в первые века после основания Рима была трудной; постоянные заботы о хлебе насущном прерывались лишь в те дни, которые были посвящены богам, — в это время всякая работа запрещалась. В Риме, как и во всех цивилизациях античного мира, обычное время было отделено от сакрального, о чем ясно свидетельствует календарь. Все дни в году делились на две категории: с одной стороны, на благоприятные дни, во время которых есть шанс добиться желаемого, и неблагоприятные, во время которых предпочтительно прекращать всякую деятельность из-за возможной неудачи; а с другой — на праздничные дни, предназначенные богам, и дни, оставленные для человеческой деятельности. Праздничные дни являлись неблагопри-

ятными для человека, потому что они запрещали всякую деятельность ради чествования богов.

С течением времени праздников становилось все больше. При Республике насчитывали около 120 праздничных дней с фиксированной датой и сорок с плавающей (например, сельскохозяйственные). Нередко один праздник длился несколько дней, в течение которых устраивались игры. При Империи продолжительность этих игр значительно увеличивается, и в начале IV века насчитывается не менее 175 дней, предназначенных только для них.

Римский календарь является не чем иным, как перечислением праздников, разновидностью графика, в котором прописано время работы и время развлечений. Сами праздники располагались циклами, связанными друг с другом. Один праздник продолжал другой и предусматривал своего рода религиозную повинность, столь же серьезную и важную, как и работа.

В религиозном смысле любой год являлся своего рода кратким изложением истории народа. Конец года предписывал очищение, освобождение от всего накопленного ранее для того, чтобы начать отсчет времени заново. Понятие времени было дорого римлянам, всегда боявшимся увидеть конец своей цивилизации. Известно, с какой пышностью, например, отмечалось начало новой эры в 17 году до н. э. Августом, новым Ромулом.

Много времени на празднестве отводилось играм. К их разнообразию мы еще вернемся. Сейчас же скажем, что праздничные дни были поводом для излюбленных развлечений даже в отсутствии игр. Религиозный дух этих народных увеселений мало-помалу терялся. В конце концов осталась только принадлежность праздника к сакральному времени: время мирское, время историческое во время праздника прерывается и наступает время мифическое.

Это мифическое время является поводом для возрождения какого-нибудь основного момента сотворения мира из первобытного хаоса и нового повторения подвигов того или иного героя-основателя. Так, праздник Луперкалий, во время которого «люди-волки» очищают тех, кто оказывается у них на пути, ударами хлыстов, воз-

рождает время деяний Ромула, героя-основателя Рима, а праздник Квириналия спустя короткое время посвящен смерти того же Ромула. Нечто подобное мы находим во всех религиях. Так, месса у христиан является не чем иным, как воспроизведением Тайной вечери, так же как Пасха повторяет Воскресение Христа. Следовательно, праздничный день всегда является днем особенным, и свойства каждого праздника также различаются.

В Риме праздник мог также быть поводом к смешению социальных ценностей. Впрочем, общественный порядок из-за этого никогда не страдал. Многие ритуалы — использование масок, переодевание — позволяли нарушить нормальный порядок вещей. Однако это не было простым развлечением ради удовольствия, подобно сегодняшнему карнавалу. Мы еще увидим, что переодевание позволяло человеку выйти из реального мира, превратиться в другую личность на то время, которое не являлось реальным временем. Таково происхождение самого слова «иллюзия», означающего на латыни «вхождение в игру».

Так, например, праздновались в Риме 13 июня малые Квинкватрии. В этот день и в течение двух последующих по столице проходили флейтисты в масках, переодетые женщинами. Стоит отметить, что флейтисты непременно сопровождали все религиозные процессии. Тит Ливий рассказывал, что во времена Республики они устроили первую в истории забастовку, уйдя из Рима в Тибур, и таким образом полностью парализовали религиозную жизнь. Как показал Дюмезиль, этот ритуал связан с праздником Матралий двумя днями раньше: в этот день матроны (почтенные замужние женщины) заставляют выйти Аврору, переодевание же флейтистов в женское платье символизирует восстановление сил Авроры. Этот пример показывает, что переодевание в первую очередь символизирует религиозное действие, хотя об этом нередко и забывают.

Среди многочисленных праздников, во время которых римляне свободно предавались коллективным удовольствиям, самыми значимыми являются праздники по случаю окончания и начала года. Их эволюция на протяжении веков показывает, что смысл этих народных праздников передался и нам.

Год начинался в марте Матроналиями. Этот праздник мог называться также Сатурналиями 1 марта. Как и во всех Сатурналиях, социальный порядок переворачивался: матроны сами подносили еду своим рабам, чтобы побудить тех получше работать в обычные дни. Также в этот день мужья подносили своим женам подарки в память о примирении сабинянок с их предками. Но эта бледная реплика Сатурналий не является самым примечательным праздником начала года. Следовало дожидаться первого полнолуния и праздника Анны Перенны 15 марта, когда народ радостно воздавал почести новому году. Само имя богини ясно показывает, что речь идет о праздновании начала года (*Anna perennis*).

Овидий рисует прелестную картину этого феерического праздника:

В иды мы празднуем день торжественный Анны Перенны
Недалеко от твоих, Тибр-чужеземец, берегов.
Толпы народа идут и здесь, растянувшись на травке,
Пьет и в обнимку лежит каждый с подружкой своей.
Многие — прямо под небом, немногие — ставят палатки,
Иль из зеленых ветвей строят себе шалаши,
Иль вместо твердых столбов тростники они в землю втыкают
И покрывают потом сверху одеждами их.
Солнцем они и вином разогретые пьют за здоровье,
Стольких желая годов, сколько кто чаш осушил.
Здесь ты найдешь и таких, кто выпьет и Нестора годы,
Женщин найдешь, что года даже Сивилл перепьют.
Песенки таюже поют, каким научились в театрах,
Сопровождая слова вольным движением рук,
И хороводы ведут неуклюжие, выпив, подружки,
И, распустив волоса, пляшут в нарядах своих.
А возвращаясь, идут, спотыкаясь, толпе на потеху,
И называет толпа встречных счастливыми их.
Видел недавно я там (ну как про такое не вспомнить!):
Пьяная бабка брела, пьяного мужа вела¹.

Незадолго до этого праздника проходил другой очень популярный ритуал. Мужчина, называемый Мамурием Ветурием, переодевался в звериные шкуры, и его изгоняли из Рима ударами палок. Смысл этого ри-

¹ Овидий. Фасты, III, 524—542.

туала был забыт римлянами уже во времена Республики. Граждане считали, что изгоняемый персонаж символизирует «Старого Марса» (*vetus* по латыни значит: «старый»). На самом же деле в основе праздника лежит древняя легенда совсем другого свойства. Легенда гласит, что царь Нума получил в дар от Неба щит безупречно круглой формы. Чтобы сохранить его, он повелел кузнецу по имени Мамурий Ветурий выковать одиннадцать подобных щитов. Эти щиты были розданы салиям («прыгунам»), которые и возглавляли процессию во время празднества, ударяя в свои щиты. И именно салии изгоняли из Рима Мамурия. Имя кузнеца на самом деле означает не «старый Марс», а «старый кузнец»; корень его имени (*mar-*) этрусский и встречается во всех именах, имеющих связь с кузнечным молотом. Мамурий Ветурий, следовательно, это «тот, кто молотит».

Но зачем же прогонять его? Точного ответа на этот вопрос не существует, однако можно привлечь этнографические параллели. Некоторые африканские обряды имеют сходство с римским праздником. Из них следует, что кузнец являлся значимой фигурой в примитивных обществах, поскольку обладал экономической властью. Он также находился в контакте с душами умерших, поскольку управлял огнем и металлом, пришедшим из земли. А ведь в некоторых племенах в конце года в течение более или менее длительного периода занимались изгнанием духов. Для этого собирали процессии и использовали оружие таким же образом, как это делали салии, а Мамурий Ветурий, кузнец, находившийся в контакте с мертвыми, оказывался первым, кого следовало изгнать.

Действительно, 15 марта, в день Анны Перенны, все дома в Риме оказывались захваченными духами. Люди выходили из своих домов и даже еще 17 марта вынуждены были обедать на улицах. Таким образом, это народное развлечение имеет очень глубокое религиозное содержание, полностью забытое в классическую эпоху.

Еще более богатыми по содержанию являются Сатурналии. Речь идет о ритуалах в конце года, когда

можно было наконец притронуться к накопленным запасам зерна. К тому же в декабре прекращаются сельскохозяйственные работы, и у крестьян появляется время для отдыха.

Согласно Сивиллиным книгам², празднование это возникло в 217 году до н. э., после поражения при Тразимене. Ритуал включал в себя жертвоприношение и *лектистерний* (угощение богов) в храме Сатурна, одном из самых старых храмов Форума. Этот храм был построен, по легенде, царем Туллом Гостилием и отреставрирован Тарквинием Гордым. Церемонии продолжались семейными застольями, а праздник стал ежегодным. Хтонический характер ритуала подтверждался легендой о Сатурне, царе богов, изгнанном из своего царства собственным сыном Юпитером и поселившемся в Риме на холме Яникул, где правил Янус. Янус принял Сатурна и сделал его царем. В то легендарное время Сатурн занимался искусствами и сельским хозяйством, и на долгое время в Риме воцарились мир и процветание. В память его Италия называлась «Земля Сатурна», а италийцы — «народом Сатурна». (Впоследствии Сатурн был отождествлен римлянами с греческим Кроном.) Праздник являлся идеализированным образом этого царствования и продолжался всего один день.

Праздник Опы, отождествлявшейся с Реей-Кибелой, праздновался двумя днями позже и тоже был связан с культом Сатурна. Поэтому решено было продлить Сатурналии на два дня, поскольку Опа считалась супругой Сатурна. К этой богине изобилия и богатства обращались по поводу уже собранного урожая. В это же самое время праздновался также праздник Сигиларий, чье название происходит от золотых, серебряных и глиняных статуй, которые подносили Сатурну. Купленные у торговцев на Марсовом поле фигурки изобража-

² Сборники пророческих текстов, написанных по-гречески и известных в Риме со времен Тарквиниев. Тайно хранились в Риме, находясь под государственным контролем в храме Аполлона, и могли изыматься только специальной коллегией по решению сената в случаях крайней необходимости.

ли жертвы. По легенде, в древние времена, согласно неверно истолкованному предсказанию оракула, была пролита кровь, чтобы принести жертву Сатурну. И тогда Геркулес объяснил крестьянам, что достаточно жертвовать Сатурну фигурки и восковые факелы; отсюда, по словам Макроба, и пошел обычай подносить на Сатурналии факелы.

Когда Юлий Цезарь, изменив календарь, удлинил декабрь на два дня, Сатурналии растянулись на пять полных дней, причем один день был отдан для приношений богам. В этот день люди с непокрытыми головами шли на Форум для того, чтобы поднести фигурки Опе и Сатурну, чья статуя, обычно покрытая шерстяными покрывалами, была полностью открыта. Калигула добавил к Сатурналиям еще два дня, и эти семь дней при Домициане стали официально праздноваться с 17 декабря до 23 декабря, дня Ларенталий.

В эти семь праздничных дней непозволительно было ни воевать, ни работать, ни учиться. Богам из семи дней предназначался только первый. Другие посвящались удовольствиям. Гораций пишет о «декабрьской свободе». Несмотря на зачастую сильный холод (иногда в это время даже выпадал снег), народ охватывала радость. 16 декабря, после ужина, один из жрецов выходил под портик храма Сатурна и провозглашал Сатурналии. Тут же по всему городу раздавались крики. Толпы рабов, надев колпаки вольноотпущенников, бежали по городу, крича: «*Io, Saturnalia! Io, Saturnalia!*» Из домов доносились песни, повсюду начинались импровизированные танцы. Попойки, оргии, азартные игры — все было позволено. Множество граждан снимали тоги и облачались в просторные и удобные праздничные туники. Рабы на эти семь дней уравнивались со своими хозяевами и могли смело бранить их. Роли менялись: хозяева накрывали стол для своих рабов и ели вместе с ними, так как на первом месте было угощение. Все пили вино и ели одну и ту же пищу. Вскоре одни начинали распевать более или менее пристойные песни, другие предавались разнузданному разврату. Царь праздника отдавал никем не оспариваемые приказы: одному он приказывал полностью раздеться

и танцевать, другому — три раза обежать вокруг дома с девушкой на плечах, третьему — окунуть голову в чан с холодной водой или намазать лицо сажей. Рабы пользовались этим, чтобы посмеяться над своим хозяином. Порой рабы становились настоящими тиранами. Некоторые даже превращали дом своего хозяина в маленькую республику, форумом которой становился атриум. Они избирали магистрат, проводили процессы, изображая судей, патронов, адвокатов. Чаще всего эти пародии принимали вид буффонады³.

На Сатурналиях принято было дарить подарки, и торговцы (особенно пекари и кондитеры) единственные работали в эти праздничные дни — причем с большой выгодой для себя. Самый распространенный подарок, который клиенты делали своему патрону, бедные богатым — это восковые факелы, о которых мы уже говорили. Они символизировали призыв к свету и солнцу во время суровой зимы. Люди обеспеченные дарили и более ценные предметы, хотя редко такие дорогостоящие, как, например, серебряные чаши.

О том, насколько разнообразными могли быть эти подарки, свидетельствует Марциал. В его эпиграммах упоминаются таблички для письма, фимиам, туники, застежки для обуви и даже зубочистки! Дарили и продукты: оливки, сирийские груши, устрицы, перец, вино, птиц (в частности, дроздов), рыбу (упоминается антибский тунец).

Не откажемся от удовольствия процитировать одну из эпиграмм Марциала:

Ты отослал мне, Умбр, целиком все те подношенья,
Что набрались у тебя за пять Сатурновых дней:
Дюжина триптихов здесь и целых семь зубочисток,
Губка сопутствует им, плошка, столовый платок,
И полумодий бобов с плетенкой пиценских оливок,
И лалетанский еще в черной бутылки отвар.
Мелкие смоквы пришли с черносливом морщинистым вместе
И полновесный горшок фиг из ливийской земли⁴.

³ О Сатурналиях см.: *Лукиан*. Сатиры, II, 14; *Гораций*. Сатиры, II, 7; *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, 47; *Катулл*, 14; *Марциал*, V, 18 и 31; *Марциал*, III, 52; *Плиний Младший*. Письма, II, 17.

⁴ *Марциал*. Эпиграммы.

Бедняки приносили свои подарки сами, но богатые предпочитали посылать нарочного. Они готовили для каждого подарок согласно его положению. Именно вечером первого дня следовало отсылать свои подарки вместе с сопроводительной запиской. В Сатурналии, как и в остальную часть года, одни проявляли щедрость, другие скупость: если некоторые богачи платили долги или квартирную плату за друзей, находящихся в затруднительном положении, другие посылали незначительные подарки с помощью целой группы рабов!

Все это, думаю я, и тридцать сестерций вряд ли
Стоит, а восемь несли рослых сирийцев дары.
Право же, легче бы смог без всяких ко мне затруднений
Мальчик один принести фунтиков пять серебра! —

иронизирует Марциал

Во дворце Августа проводились иногда лотереи, призванные позабавить гостей императора. Светоний пишет об этом:

«Так, и на Сатурналиях, и в другое время, ежели ему было угодно, он иногда раздавал в подарок и одежды, и золото, и серебро, иногда — монеты разной чеканки, даже царские и чужеземные, а иногда только войлок, губки, мешалки, клещи и тому подобные предметы с надписями двусмысленными и загадочными. Любил он также на пиру продавать гостям жребии на самые неравноценные предметы или устраивать торг на картины, повернутые лицом к стене, чтобы покупки то обманывали, то превосходили ожидания покупателей. Гости с каждого ложа должны были предлагать свою цену и потом делить убыток или выигрыш»⁵.

Некоторым не слишком нравился этот излишний ажиотаж, и они предпочитали на время Сатурналий уехать из Рима: Гораций — в Сабину, Плиний — на свою виллу, столь обширную, что он мог свободно уединиться, изолировав себя «от криков радости», раздававшихся в остальной части дома. «Таким образом, я не мешал радоваться моим домашним, — писал он, — а они не

⁵ Светоний. Божественный Август, 75.

препятствовали моим занятиям». Со временем все большее число людей отвергало эти народные развлечения. «Сатурналии не будут справляться вечно», — говорил Сенека, порицая пьянство и оргии.

«Декабрь: и все в Риме покрываются потом. Официально разрешена непристойность. Приходится скрываться от всех и воздерживаться от развлечений, в то время как толпы народу предаются им, позабыв обо всем на свете... Можно прекрасно праздновать, и не переходя к излишествам». Несомненно, люди эпохи Империи уже утратили первоначальный смысл этого маскарада. Ибо речь шла именно о маскараде: рабы не только занимали место хозяина, но часто и само его жилище. Переодевания, маски составляли важную часть праздника. В гарнизонах солдаты выбирали из числа осужденных «царя Сатурналий», которого проводжали по городу, предаваясь дебошу. Иногда даже солдаты переодевались в женщин, ярко румянились и нацепляли на себя тяжелые украшения, изображая посещающих казармы проституток. В конце Сатурналий «царя» казнили, и жизнь снова возвращалась в нормальное русло.

Эти карнавальные развлечения соответствовали некой иной реальности, тому «золотому веку», в котором не было рабов и все люди были равны. Карнавальное равенство между хозяином и его рабами отвечало желанию вернуть это навсегда утраченное время, подобно тому, как переодевание солдат в женщин воссоздавало тот первоначальный хаос, в котором мужчины и женщины были еще единым целым. Об этом потерянном рае вспоминает Платон в «Пире». Сатурналии как бы возрождали сакральное время. Хотя сами римляне, возможно, и не всегда отдавали себе отчет в этом, но мы-то, напротив, знаем, что миф о золотом веке был им знаком, и именно тоска по этому времени, сопровождавшаяся желанием обрести хотя бы его подобие, воплощалась в этих праздниках конца года.

Понятно, что положить конец Сатурналиям каким-либо одним законом было невозможно. Запрещенные в конце IV века н. э., они возродились в январских календах — праздниках нового года, признанных

христианской империей. Эти два праздника не только близки во времени, но и имеют сходство в ритуальной схеме: за жертвоприношением следует пир, частный праздник с застольем, обмен подарками и смена ролей; новогодние праздники также возвращают золотой век. С кануна 1 января начинаются ночные бдения с танцами и пирами. В первый день года все дома украшаются зелеными ветвями лавра. Люди гадают на будущий год. В храмах проходят процессии, новый консул с невероятной пышностью поднимается на Капитолий и раздает народу деньги. Происходит обмен новогодними подарками. Вечером возобновляются танцы и пиры. 2 января является днем семейного праздника; рабы уравниваются со своими хозяевами и проводят время вместе с ними в играх и развлечениях. В этот день никто не работает. Третий день начинается с игр в цирке и маскарадов (во времена Империи в конце Сатурналий для народа устраивались гладиаторские бои).

Эти маскарады представляют для нас большой интерес. Именно начиная с IV века (и приблизительно до VII века) распространяется обычай переодеваться, надевать маску и участвовать в карнавальных шествиях. Маска нужна не только для того, чтобы скрыть лицо. Она обладает магическим значением. Все поведение персонажа в маске — пение, танцы, переодевание — призвано изгнать злые силы и пригласить новый год. Речь также идет о возвращении первичного хаоса, из которого должен появиться новый год, чистый, как в первое утро сотворения мира. Маска и переодевание позволяют на время отказаться от самого себя, найти новые силы в том персонаже, который изображает маска. Нет ничего удивительного, что самыми распространенными были маски диких животных, чья сила магическим образом переходила от маски (делавшейся из шкуры животного) к носящему ее человеку. Самым любимым животным был олень. Это животное во множестве изображено еще на наскальных рисунках эпохи палеолита в долине Камоника. Оно широко использовалось в новогодних праздниках: отчасти это объясняется тем, что рога оленя явля-

лись символом новой силы, которая каждый год выплывала наружу из его тела. В пещере эпохи палеолита в Арьедже уже имеются изображения человека, переодетого в оленя и участвующего в ритуальном танце, — так же танцевали и римляне времен христианской Империи.

Широко распространено было и переодевание мужчины в женщину. Такое переодевание перешло и в другие цивилизации и имело в них то же самое значение символического перехода времени прошедшего во время новое. Уже на празднике Анны Перенны фигура старухи играла роль старого года: в конце года ее «сжигали» и устраивали маскарад.

Поразительное сходство с этими римскими празднованиями имеет новогодний праздник Акиту, который отмечался в древнем Вавилоне за две тысячи лет до появления Рима. Этот праздник длился 12 дней, в течение которых переодетые люди изображали битву между Мардуком и морским чудовищем Тиамат, битву мифическую, означавшую конец хаоса и сотворение мира богом-победителем Мардуком. Затем следовали предзнаменования на 12 следующих месяцев, а царя на этот короткий период заменял «карнавальная царь». Дух праздника вполне ясен — карнавальная оргия, маскарады возрождали мифический хаос, уступивший место сотворенному миру.

Другие цивилизации также сохранили некоторые черты Сатурналий. Любопытен, например, старинный шотландский обычай, существовавший еще в XVIII веке и связанный со сменой социальных ролей. Каждый год в определенный день слуги готовили богатый обед, на который приглашали аристократию. Избирался «король пира», и хозяева и слуги ели вместе вне сословных различий. Потом в конце пира слуги внезапно вставали и занимали свои места за стульями хозяев. «Король пира» уступал свое место самому знатному господину, на которого возлагалась и оплата праздничного застолья.

Но самый интересный пример, которым мы закончим тему Сатурналий, — это средневековый праздник шутов. Некоторые историки возводят его к римским

праздникам «декабрьской свободы». Праздник шутов проводился 26, 27 и 28 декабря. Он предвосхищал карнавал и был напрямую с ним связан. Проводился праздник в основном в церкви. Мальчишки-певчие заменяли священников, иподиаконы — каноников. Избирался епископ, а иногда и «папа шутов», в основном кто-нибудь из самых низших людей в церковной иерархии. Ритуалы также проводились наоборот: месса была пародией на настоящую: псевдосвященники раздавали проклятия вместо благословений; в церковь вводили осла, чтобы увенчать его митрой; людям желали зубной боли или приступа безумия. Один более поздний текст воспроизводит этот ритуал в Провансе:

Участники «одеваются в церковное облачение, рваное и надетое задом наперед; они держат в руках перевернутые и повернутые наоборот книги, из которых они как будто читают в очках без стекол из апельсиновых корок; они дуют в кадилъницы, которые держат в руках и в шутку ими размахивают, заставляя лететь пепел в лицо и на головы; они то что-то бормочут, то кричат столь же безумно, неприятно и нестройно, как стадо хрюкающих свиней...»

Самым знаменитым из «пап шутов» был конечно же Квазимодо из романа «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго: «Все слилось в общем безумии. Большой зал превратился как бы в громадное горнило бесстыдства и ликования, где каждый рот кричал, каждое лицо кривлялось, каждая фигура принимала странную позу. И все это ревело и выло».

Эта картина весьма похожа на изображение римских таверн в день Сатурналий, так же как описание кортежа и костюма «папы шутов»: «Нищие, слуги и воры-карманники отправились вместе со студентами за картонной тиарой и шутовской мантией папы шутов... Квазимодо беспрекословно, с какой-то горделивой покорностью позволил одеть себя и посадить на пестрые носилки, которые подняли на плечи двенадцать человек из братства шутов... Потом шумная, оборванная толпа двинулась процессией, чтобы, по принятому обычаю, обойти сначала все внутренние галереи двор-

ца и затем уже совершить прогулку по улицам и площадям города»⁶.

Впрочем, дух этого праздника представляет собой очевидное вырождение в сравнении с Сатурналиями. Как сообщается в письме парижских богословов, этой забаве предаются «играючи, а не серьезно, чтобы накопившаяся в нас глупость покидала нас раз в году». Духовные авторитеты, следовательно, считают праздник шутов развлечением, своего рода клапаном, предназначенным для того, чтобы выпустить лишний пар недовольства и обеспечить в остальную часть года беспрекословное повиновение их власти. Речь идет лишь о насмешке над сакральным, но не собственно о сакральном. Ритуал утратил свою сущность, хотя форма отчасти и сохранилась. Правда, как мы уже говорили, и сами римляне в эпоху Империи уже слабо осознавали религиозное значение этого праздника.

По случаю разнообразных праздников устраивались игры. Римляне ждали их с особым нетерпением. Эти игры также являлись религиозными церемониями, восходящими еще к ранней Античности. Они были известны уже этрускам и жителям доримской Италии. В легенде о Ромуле упоминаются конные скачки, а похищение сабинянок произошло во время игр, на которые римляне пригласили соседнее племя сабинов. Большой цирк, раскинувшийся в долине Мурция, отделяющей Палатин от Авентина, датируется временем царей, хотя, естественно, он неоднократно расширялся и переоборудовался по мере того, как росло население Рима.

Изначально игры проводились в очень короткий промежуток времени. Однако постепенно они становились все длиннее, занимая семь дней и более. Многие из этих праздничных дней были установлены ранее II века до н. э. Одними из самых древних являются Плебейские игры, которые проходили с 4 по 17 ноября.

⁶ Люго В. Собор Парижской Богоматери, I, 5.

Известны также Римские игры (4—17 ноября), введенные после взятия Рима галлами, игры Аполлона (6—13 июля), последовавшие после Второй Пунической войны, игры Великой Матери (Кибелы) (4—10 апреля), введенные после признания Римом этой богини в 204 году до н. э., игры Цереры (12—19 апреля), игры Флоры (28 апреля — 3 мая). Военачальники часто устраивали народные игры, чтобы отпраздновать победу. В эпоху Империи это входит в обычай, а в позднейшую эпоху игры становятся практически ежедневными. Время некоторых из них удваивается; так, например, Римские игры в результате оказались растянуты на 16 дней.

Религиозный характер игр забывался. Для императора они постепенно становятся мощным инструментом политического давления на народ, все более праздный и предающийся наслаждениям. Они становятся средством мобилизации и занятия толпы, средством поддержания контакта императора со своими подданными. Фронтон отмечал, что «совершенство правителя не меньше проявляет себя в заботе о развлечениях, чем в заботе о вещах серьезных... что народ готов принять все, менее жадный до денег, чем до зрелищ», и что, если обеспечения зерном достаточно для удовлетворения отдельных индивидуумов, «удовлетворить народ в массе» может лишь зрелище.

Игры становятся главным коллективным наслаждением, на которое имеет право народ, единственной роскошью (наряду с термами), доступной беднякам. Более того, как свидетельствует история, небрежно устроенные игры приводили к большему общественному беспорядку, чем даже кратковременный голод. Народный гнев в таких случаях мог поставить под угрозу власть императора и способствовать государственному перевороту. Парадоксально, что в то время как сногшибательных сумм, вложенных в эти игры, могло с лихвой хватить на искоренение нищеты, бедняки предпочитали оставаться нищими, но зато участвовать в пышных играх. Тиберий, едва ли любивший игры и сокращавший на них расходы, был мало любим народом. Согласно анекдоту, рассказанному Тацитом, во

время проведения игр люди делали все, чтобы вовремя попасть в амфитеатры. Они не боялись преодолеть многие километры пешком. Так, в Фиденгах, городе, расположенном в пяти километрах от Рима, во время гладиаторских боев собралась такая «жадная до зрелищ и лишённая удовольствий при Тиберии» толпа, что деревянный амфитеатр расшатался и рухнул, послужив причиной многочисленных жертв. Было более пяти тысяч убитых и раненых!

Бедняки умели пользоваться своим правом на удовольствие. Народ, обычно бессильный перед политической властью, без всякой снисходительности освистывал организатора игр в случае какого-либо промаха, даже если это был сам император, и мог вынудить его покинуть цирк.

В этих случаях скупиться не следовало. Один персонаж романа Петрония говорит об играх, которые должен проводить некий Тит, унаследовавший 30 миллионов сестерциев. «Если он и четыреста тысяч выбросит, состояние его даже и не почувствует, а он увековечит свое имя». Вспоминая прошлые игры, этот человек критикует их организатора, который «дал гладиаторов дешёвых, полудохлых, — дунешь на них и повалятся; и зверей видывал я получше; всадников, которых он дал убить, можно было счесть за сущих цыплят: один — увалень, другой — кривоногий...».

Прежде чем изучить более детально природу наслаждений, испытываемых при играх, мы коротко напомним, в чем они заключались. Текст Светония, рассказывающего об играх, устроенных для народа Цезарем, представляет нам довольно полную панораму разнообразных видов зрелищ:

«Зрелища он устраивал самые разнообразные: и битву гладиаторов, и театральные представления по всем кварталам города и на всех языках, и скачки в цирке, и состязания атлетов, и морской бой. В гладиаторской битве на Форуме бились насмерть Фурий Лептин из преторского рода и Квинт Кальпен, бывший сенатор и судебный оратор. Военный танец плясали сыновья вельмож из Азии и Вифинии. В театре римский всадник Децим Лаберий выступал в миме собст-

венного сочинения; получив в награду 500 тысяч сестерциев и золотой перстень, он прямо со сцены через оркестру прошел на свое место. На скачках, для которых цирк был расширен в обе стороны и окружен ровом с водой, знатнейшие юноши правили колесницами четверней и парой и показывали прыжки на лошадях. Троянскую игру исполняли двумя отрядами мальчишки старшего и младшего возраста. Звериные травли продолжались пять дней; в заключение была показана битва двух полков по пятьсот пехотинцев, двадцать слонов и триста всадников с каждой стороны; чтобы просторнее было сражаться, в цирке снесли поворотные столбы и на их месте выстроили два лагерь друг против друга. Атлеты состязались в течение трех дней на временном стадионе, нарочно сооруженном близ Марсова поля. Для морского боя было выкопано озеро на малом Кодетском поле: в бою участвовали биремы, триремы и квардиремы тирийского и египетского образца со множеством бойцов. На все эти зрелища отовсюду стеклось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и в переулках; а давка была такая, что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора».

Итак, Цезарь предлагает гладиаторские бои и звериную травлю в амфитеатре, театральные представления в театре, скачки в цирке и морской бой — *навмахию*.

Скачки на колесницах, то есть игры в цирке, являются самыми древними игровыми соревнованиями. Долгое время публика отдавала им предпочтение. Колесницы, чаще всего запряженные двойкой или четверкой лошадей, принадлежали четырем разным партиям, представленным каждая своим цветом: зеленым, красным, синим и белым. Каждый из этих цветов символизировал время года, природный элемент и божество. Существовало символическое значение самих бегов, которые воспроизводили бег Солнца вокруг Земли в цирке — символу Вселенной. Детали этой символики не столь важны; гораздо важнее знать, что каждый цвет также соответствовал социальному классу; например зеленый являлся цветом народа.

При Империи больше стали увлекаться гладиаторскими боями. Несомненно, в этом сказалось всевозрастающее влияние Востока на римское общество. Гладиаторы имеют очень древнее происхождение, поскольку этрусские фрески Тарквинии уже показывают нам этих людей, узников или рабов, осужденных быть принесенными в жертву на могиле какого-нибудь умершего, чтобы передать ему силы в потустороннем мире. В Риме первые гладиаторы назывались «людьми для погребального костра». Первое упоминание, которое мы о них находим, относится к 264 году до н. э., когда сыновья Брута Перы заставили сражаться три пары гладиаторов в память о своем отце. Постепенно эти бои десакрализуются, во внимание принимается удовольствие, которое получает от них толпа, и теперь несколько пар гладиаторов сражаются на деревянных подмостках на Форуме во время того или иного праздника. Только в конце Республики гладиаторы во множестве начинают сражаться на арене. Цезарь выставляет три сотни, Август — шесть сотен во время особых праздников, а Траян — десять тысяч по случаю своей победы в Дакии. Римляне не видели в этих боях открытого проявления любви к жестокости. За исключением нескольких волонтеров, стремившихся заработать значительные суммы и прославиться, гладиаторами были осужденные, рабы или военнопленные, которые могли в случае победы вновь получить свободу или быть отпущенными на волю и которые в других странах, например в Галлии, возможно, не попали бы на арену, но зато были бы безжалостно истреблены. Чтобы лучше понять удовольствие, которое римский народ — не более жестокий, чем другие, — получал от этих боев, необходимо абстрагироваться от современной христианской морали и понять феномен цивилизации, поставленной в данный исторический и социальный контекст. Сравним высказывания двух людей, которых невозможно обвинить в варварстве, — Цицерона и Плиния Младшего. Цицерон говорил: «Никакой урок преодоления боли и смерти не может действовать более эффективно, если он обращен не через уши, но через глаза». Плиний: это зрелище «способно воспла-

менить мужественные души видом ран и презрением к смерти, заставляя возникать в душах рабов и преступников любовь к славе и желание победы». Публике не нравилась медлительность, она не даровала милость слабому, но зато ценила храбрость и не позволяла предавать смерти отважного бойца.

Травли зверей также проходили в амфитеатре, в основном утром. Речь могла идти о представлении дрессированных животных, боях между животными (для этого их понукали хлопаньем бича, кололи стрекалом, пугали горящими головнями) или же между животными и людьми. Доходило даже до того, что на арене воспроизводили лес, чтобы показать публике настоящую охоту. Сулла устроил охоту на 100 львов, Помпей — на 600. Август устроил 26 охот, на которых было убито 3500 животных. Полвека спустя Тит на открытии Колизея представил пять тысяч зверей. В подобных случаях травли длились несколько дней.

Театр, возможно, был наименее любим римлянами, хотя имел относительно древние традиции. Праздники давали повод развлечься, поэтому предпочтение отдавалось различным комедиям по образу и подобию греческих, например комедиям Плавта и Теренция или народным фарсам, имеющим корни в сельской местности, разновидностям будущей комедии дельарте. Бывало, что какое-нибудь более соблазнительное зрелище побуждало зрителей оставлять театр. Подобный случай произошел во время первого представления «Свекрови» Теренция, и автору пришлось показывать свою пьесу снова при другом более удобном случае. Еще один театральный жанр, мим (который не был тогда немым), в I веке до н. э. стал вытеснять другие жанры. На суд зрителей выносились нравы того времени; иногда разыгрывались басни, обычно поучительные, которые имели большой успех.

Эти зрелища доставляли огромное удовольствие людям в конце периода Республики и особенно во времена Империи. Обычно рано утром, иногда даже накануне вечером у входа в цирк собиралась толпа, ожидавшая открытия. Вели бурные обсуждения, ели, пили, заключали пари, брали напрокат подушки, чтобы с

удобствами вынести длинный день на каменных скамьях. После открытия понемногу начинали появляться именитые граждане, которых встречали приветственными криками или осыпали бранью. Некоторых иногда даже забрасывали яблоками. (В прежние времена бросали камни, но после эдикта, запрещавшего бросаться подобными предметами, перешли на яблоки.)

Игры начинались длинной процессией, спускавшейся с Капитолия, проходившей через Форум и длинный форум Боариум, чтобы достичь Большого цирка. Римляне обожали эти процессии. Все дома, лавки, памятники на их пути были украшены тканями, картинами, статуями. Во главе шествия перед членами магистрата и сенаторами ехал курульный эдил⁷ на колеснице, запряженной четверкой лошадей, в пурпурной тоге, наброшенной на вышитую тунику. Следом юноши четырнадцати-пятнадцати лет, сыновья всадников⁸, шли впереди упряжек, которым предстояло соревноваться в цирке. Возничие, разделенные на четыре партии, были одеты в военную одежду, шлемы и кирасы. Следом шествовали атлеты, практически обнаженные, и три хора танцовщиков: первый состоял из взрослых, второй из недостигших брачного возраста и третий из детей, все в ярко-красных туниках, подпоясанные бронзовыми поясами, с мечом на боку и копьем в руке, на голове бронзовый шлем с султаном и плюмажем. Далее музыканты, игравшие на флейтах, кифарах — семиструнных лирах из слоновой кости, и лютнях. Потом шла группа танцовщиков, одетых в козлиные шкуры, женские туники и плащи из цветов, изображавших сатиров и селенов и смешавших зрителей своими танцами. За ними следовали жрецы, окруженные музыканта-

⁷ Курульный эдил — римский магистрат, ведающий благоустройством города; избирался с 367 г. до н. э. из патрициев.

⁸ Всадники — первоначально, в царскую эпоху и раннереспубликанский период, сражавшаяся верхом патрицианская знать. Впоследствии, в связи с образованием в Риме нобилитета в III в. до н. э., всадники превратились во второе после сенаторов сословие, развившееся позднее в римскую денежную аристократию. Обычным занятием всадников были крупная торговля и откуп налогов с провинций.

ми, несшие ларцы и блюда из золота с курящимися ароматами и эссенциями. И, наконец, коллегия понтификов⁹, за которой несли статуи богов из слоновой кости, увенчанные золотом и драгоценными камнями. Это были боги капитолийской триады: Юпитер, Юнона, Минерва, имеющие право на колесницы, покрытые серебром и слоновой костью, влекомые четверкой лошадей, которых держали под уздцы дети из знатных фамилий, в то время как другие боги довольствовались простыми носилками.

Едва процессия входит в цирк, чтобы совершить круг почета, трибуны оглашаются криками и аплодисментами. После ритуальных жертвоприношений открываются игры и глашатаи верхом, в длинных пурпурных туниках, объезжают цирк по кругу, возвещая начало гонок. Пока колесницы соревнуются за обладание пальмовой ветвью, с трибун несутся крики: один подбадривает своего фаворита, другой осыпает ругательствами возничего, не показавшего себя должным образом. Каждый помнит о заключенном пари и о том, что в конце гонок потеряет все или внезапно станет богатым. Силий Италик пишет, что крики толпы напоминают «завывания разъяренного моря». Не успеет закончиться одна гонка, как народ требует громкими криками начинать следующую. В один день бывало до 25 гонок, что вынуждало людей проводить в цирке от четырнадцати до пятнадцати часов подряд. Толпа также любила смотреть на акробатов, которые, стоя в седле, держали за поводья двух мчавшихся галопом лошадей и перепрыгивали с одной на другую. Цирк являлся и местом выступления борцов. Август запретил женщинам смотреть на эти соревнования, так как борцы выступали обнаженными, натертые маслом (для придания эластичности мышцам), воском (чтобы закупорить поры и помешать потоотделению) и пеплом из Пуццолы или мельчайшей нильской пылью, делавшей тело скользким. Иногда император предлагал востор-

⁹ Понтифики — коллегия римских жрецов (сначала числом 5, позднее 15). Их возглавлял великий понтифик, чья должность была пожизненной.

женным зрителям настоящие бои пехотинцев и кавалерии, а также бои слонов против башен, в которых помещалось до шестидесяти воинов. Никто не хотел пропустить подобные развлечения, а когда зрелища в цирке длились несколько дней, многие предпочитали заночевать там, лишь бы не потерять свое место!

В амфитеатре обстановка накаляется при сражениях гладиаторов, этих «жертв публичного удовольствия», как говорил Тацит. Едва на арене появляются бойцы, их рассматривают и пытаются опознать. Публика принимает в боях самое пылкое участие, браня тех, кто стремится убить соперника сразу, или тех, кто пытается сберечь силы; осуждение зрителей вызывают также те, кто кричит или умирает без улыбки. Некоторые зрители вскакивают, топают ногами, делают угрожающие жесты. Случалось, что зрители, несогласные с победой какого-нибудь гладиатора, устраивали драку, и на время бои перемещались на трибуны. Иногда раненый боец вставал и, собравшись с силами, изменял ход боя в свою пользу. Тогда вокруг звучали крики радости. Даже женщины и весталки¹⁰ вставали, чтобы опустить палец и обречь на смерть того, кто плохо сражался, или потребовать, чтобы он был наказан. В полдень на время сиесты бои прекращались или принимали другую форму. Но многие оставались на своих местах и ели принесенную с собой провизию. Сам император Август любил проводить весь день без перерыва в амфитеатре вместе с семьей. Философ Сенека рассказывает о том, что он видел однажды в полдень:

«Случайно попал я на полуденное представление, надеясь отдохнуть и ожидая игр и остроумия — того, на чем взгляд человека успокаивается после вида человеческой крови. Какое там! Все прошлое было не боем, а сплошным милосердием; зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не под-

¹⁰ Весталки — жрицы богини Весты, поддерживавшие неугасимый огонь в ее храме. Весталки выбирались из девочек в возрасте от 6 до 10 лет; они служили богине, соблюдая обет девственности в течение 30 лет, и после этого уже редко выходили замуж. При нарушении обета целомудрия весталок живыми закапывали в землю.

нялась понапрасну. Именно такое зрелище предпочитает толпа. И не права ли она? К чему вооружение, фехтовальные приемы, все эти ухищрения? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень — зрителям. Это они велют убившим идти под удар тех, кто их убьет, а победителей щадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена»¹¹.

Легко представить себе, что творилось на арене в конце дня. Зрители становятся словно пьяными, а вид крови действует на них, как наркотик. Практически невозможно сопротивляться всеобщему опьянению. Августин рассказывает нам историю юноши, испытывающего отвращение и ужас от зрелища гладиаторских боев:

«Однажды он случайно встретился со своими друзьями и соучениками, возвращавшимися с обеда, и они, несмотря на его резкий отказ и сопротивление, с ласковым насилием увлекли его в амфитеатр. Это были как раз дни жестоких и смертоубийственных игр. “Если вы тащите мое тело в это место и там его усадите, — сказал Алипий, — то неужели вы можете заставить меня впитаться душой и глазами в это зрелище? Я буду присутствовать, отсутствуя, и таким образом одержу победу и над ним, и над вами” Услышав это, они тем не менее повели его с собой, может быть, желая как раз испытать, сможет ли он сдержать свое слово. Придя, они расселись, где смогли; все вокруг кипело свирепым наслаждением. Он, сомкнув глаза свои, запретил душе броситься в эту бездну зла; о, если б заткнул он и уши! При каком-то случае боя, потрясенный неистовым воплем всего народа и побежденный любопытством, он открыл глаза, готовый как будто пренебречь любым зрелищем, какое бы ему ни представилось. И душа его была поражена раной более тяжелой, чем тело гладиатора, на которого он захотел посмотреть; он упал несчастливее, чем тот, чье падение вызвало крик, ворвав-

¹¹ *Сенека. Нравственные письма к Луцилию*, 7, 3—4.

шийся в его уши и заставивший открыть глаза: теперь можно было поразить и низвергнуть эту душу, скорее дерзкую, чем сильную, и тем более немощную, что она полагалась на себя там, где должна была положиться на Всевышнего. Как только увидел он эту кровь, он упился свирепостью; он не отвернулся, а глядел, не отводя глаз; он неистовствовал, не замечая того; наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Он был уже не тем человеком, который пришел, а одним из толпы, к которой пришел, настоящим товарищем тех, кто его привел. Чего больше? Он смотрел, кричал, горел и унес с собой безумное желание, гнавшее его обратно. Теперь он не только ходил с теми, кто первоначально увлек его за собой: он опережал их и влек за собой других!»¹²

Напомним, что Сенека, так же как Августин, был ярким противником этих зрелищ. Но правда и то, что гладиаторы заставляли терять голову не одного человека. Во время игр, устроенных Цезарем, два сенатора, не в силах больше сдерживаться, выбежали на арену, чтобы сразиться с гладиаторами. И это не было редкостью. Другие предпочитали появляться на сценах театров. На протяжении первого века Империи целая серия определений сената (*Senatus consultum*) свидетельствует об этой тяге к выступлениям на публике, оказывающейся сильнее чувства долга. В 19 году н. э. всем членам фамилий ранга сенаторов и всадников запрещалось «появляться на сцене театра», «подписывать контракт на сражение с дикими зверями, участие в гладиаторских боях или деятельность того же рода». То же определение запрещало любой девице младше двадцати лет или молодому человеку младше двадцати пяти лет «наниматься гладиатором, появляться на арене, на сцене театра или заниматься проституцией не за плату». Такое впечатление, что люди из высшего общества и вся молодежь без исключения дошли до того, что получали наслаждение лишь в сильных и часто постыдных ощущениях. Но как могли соблюдаться эти

¹² Августин Аврелий (Блаженный Августин, епископ Гиппонский). Исповеди, VI, 8, 13.

законы, когда их нарушали сами императоры. Во времена Нерона случалось, что император выходил на арену биться со львом; уточним, что животное специально «готовилось», чтобы не представлять для него опасности. Тот же Нерон, как известно, заставлял слушать свое пение — судя по всему, не слишком приятное, поскольку он запрещал во время своего выступления покидать театр под угрозой репрессий. Он даже участвовал в гонках колесниц и одерживал славные победы, поскольку остальные участники прилагали все усилия, чтобы он пришел первым, даже если ему случалось упасть с колесницы; впрочем, иногда он сам поддавался нарочно, чтобы все были уверены, что он состязается честно. Калигула и Коммод также были одержимы подобной страстью. Коммод обожал убивать зверей. Он появлялся на арене под бурные, тщательно подготовленные овации. В день ему случалось убивать до ста медведей. Едва его охватывала усталость, какая-нибудь женщина подносила ему чашу с медовым вином. Надо сказать, что император считал себя Геркулесом и никогда не показывался на публике, предварительно не завернувшись в шкуру льва и не захватив дубину. О том, как любил танцевать Калигула, мы уже упоминали.

Еще более удивительна была страсть некоторых матрон из добропорядочных фамилий к гладиаторам, которые, как известно, часто являлись осужденными. Этой страсти отдают не совсем юные девочки и бедные девушки, а женщины зрелые и часто из высшего общества, как Эппия, которую высмеивает Ювенал. Она происходит из хорошей семьи и «с детства росла среди великих богатств у отца и привыкла / Спать на пуху в своей золоченой, резной колыбели». Выйдя замуж за сенатора, Эппия, не колеблясь, «забыв о супруге, о доме... / Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы», чтобы уплыть на жалком суденышке за гладиатором Сергиолом. Та, что с трудом сопровождала своего мужа на роскошном корабле, теперь с легкостью готова мириться с невыносимым запахом нечистот. Стало быть, этот Сергиол столь хорош? Ничего подобного: «изранены руки, / А на лице у него уж немало сле-

дов безобразных: / Шлемом натертый желвак огромный по самому носу, / Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли». Да, но он гладиатор «и, стало быть, схож с Пиацинтом!» История кажется утрированной, но при раскопках в Помпеях в казарме гладиаторов, расположенной в квартале, обычно редко посещаемом знатными гражданами, был обнаружен скелет усыпанной драгоценностями женщины. Эта женщина тайно посещала любовника. Многочисленные граффити, подобные тем, что обнаружены в Помпеях, также говорят об успехе гладиаторов у женщин. Например: «Ретиарий Калад — кумир помпеянок!» (Ретиарий — гладиатор, вооружение которого состояло из трезубца и сети.) И разве не поговаривали в Риме, что сын императора Марка Аврелия, будущий император Коммод, был на самом деле сыном гладиатора? Мало того, некоторые женщины сами вели себя как настоящие гладиаторы и терзали мечами учебную стойку:

Кто на мишени следов не видал от женских ударов?
Колет ее непрерывно ударами, щит подставляя,
Все выполняет приемы борьбы, — и кто же? — матрона!
Видишь, с каким она треском наносит удары,
Шлем тяжелый какой ее гнет, как тверды колена,
Видишь плотность коры у нее на коленных повязках¹⁴.

Впрочем, гладиаторы — не единственные жертвы этих дам, жаждущих сильных ощущений. Возничие и театральные актеры также имеют некоторый успех:

Где бы тебе показать под портиком женщин, достойных
Жертвы твоей? Разве можешь найти ты в театре такую,
Чтобы ты выбрал ее и мог полюбить безмятежно?
Видя Бафилла, как он изнеженно Леду танцует,
Тукция вовсе собой не владеет, а Апула с визгом,
Будто в объятиях, вдруг издает протяжные стоны¹⁵.

А вот еще одна подлинная история: император Август «высек в трех театрах и отправил в ссылку» актера Стефаниона, за то что тот держал «в услужении матрону, подстриженную под мальчика». По крайней мере,

¹⁴ Ювенал. Сатиры, VI.

¹⁵ Там же, 60—65.

так рассказывает Светоний. И что сказать, если даже супруга императора Домициана публично показывалась с актером Парисом? Императору пришлось отвергнуть жену и осудить Париса на смерть.

Ради справедливости отметим, что женщины не были одиноки в увлечении актерами или возничими и что молодые люди и взрослые мужчины также влюблялись в них. Например, Нерон и Элагабал, не стесняясь, появлялись со своими друзьями на публике. Прав был Сенека, сказав: «Люди повсюду ищут наслаждений, каждый порок бьет через край. Жажда роскоши скатывается к алчности; честность в забвении; что сулит приятную награду, того не стыдятся»¹⁵.

Сенека, а также Августин и Тертулиан надлежащим образом проанализировали развращенность, к которой ведет наслаждение, испытываемое во время игр. Это наслаждение прежде всего является страстью, порождающей ярость и насилие. «Там, где есть наслаждение, есть и страсть, это страсть, которая придает наслаждению остроту. Там, где есть страсть, существует соревнование, это соревнование придает остроту страсти»¹⁶. Приходя в цирк, пишет Тертулиан, «публика уже вне себя, уже взволнована, уже одержима страстями, уже возбуждена заключенными пари». Именно в таком состоянии невменяемости проходят гонки, и именно об этой ярости, о которой говорит нам христианский автор, мы уже писали. Из этого анализа следует, что для христианской морали наслаждение, получаемое от игр, является опасным. Точно так же Августин называет безнравственным наслаждение, получаемое в театре: «В театре я радовался вместе с возлюбленными, когда они наслаждались в позоре, хотя все это было только вымыслом и театральной игрой. Когда же они теряли друг друга, я огорчился вместе с ними, как бы сострадая им, и в обоих случаях наслаждался». И Августин делает вывод о безнравственном смещении ценностей: зритель «тем больше волнуется в театре, чем меньше он сам застрахован от подобных

¹⁵ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 95, 33.

¹⁶ Тертулиан. De Spectaculis, XV, XVI.

переживаний... Он тем благосклоннее к автору этих вымыслов, чем больше печалится»¹⁷ Именно подобные чувства и опасны для людей. «Никто не получает наслаждение без чувств, — пишет Тертулиан, — никто не испытывает чувств, не рискуя сам упасть. Именно эта опасность и возбуждает чувства. А если чувство слабеет? Наслаждение рассеивается».

Что сказать об этом анализе переживаемых наслаждений? Кроме того, что в нем уже присутствует моральное осуждение с точки зрения христианства, очевидно, что замечания христианских авторов основываются на некоторой психологической реальности. Тем не менее они свидетельствуют о чувствительности, отличной от чувствительности людей классической Античности. Конечно, трудно судить о цивилизации, покоящейся на совершенно иных ценностях, чем наша. Никакое сегодняшнее празднование несравнимо с этими великими римскими праздниками (коррида, собирающая все население испанского города на арене, является лишь бледным отблеском былого величия). Римлянам нравилось смотреть на убийства и получать от этого наслаждение. Несомненно, это можно считать недостатком римской цивилизации, но на этот счет мы уже привели свои соображения.

К тому же грандиозность самого зрелища заставляла забыть о более специфическом человеческом факторе. Нашим современникам, прежде чем предавать анафеме римские игры, стоит вспомнить о столь же варварских действиях, которые они совершали (и совершают) с чистой совестью, уверенные, что они были — и всегда остаются — служителями Божественной морали.

¹⁷ *Августин Аврелий. Исповеди, III, 2.*

Фреска из Помпей.

Цицерон.

Сенека.

Вилла на берегу моря. Древнеримское изображение.

Атриум. В центре — бассейн, в котором скапливалась дождевая вода.
Реконструкция.

Перистиль в доме Фавна в Помпеях.

Колизей и Форум. Современный вид.

Сражающиеся
гладиаторы.
Глиняный рельеф.

Колизей.

Бой гладиаторов. Мозаика.

Бронзовая статуэтка
гладиатора-фракийца.

Битва с животными. Мозаика.

Битва с животными. Мозаика. Деталь.

Сцена травли диких зверей в Колизее.
Изображение на терракотовой плите.

«Добей его!» («Pollice verso!»). Ж.-Л. Жером. 1872 г.
«Даже женщины и весталки встали, опустив большой палец и обрекая на смерть того, кто плохо сражался».

Возница,
одетый в цвета
своей партии.

Навмахия
(морской бой).

Двор жилого дома
в Помпеях.

Интерьер
римского дома.
Реконструкция.

Серебряная чаша из Боскорале.

Обед в римском доме. Стол окружали три ложа, и римляне принимали пищу лежа, опираясь на левую руку.

Сцена пира. Фреска из Геркуланума.

Серебряная посуда из Боскорреале.

Прилавок харчевни в Помпеях.

Мозаичный пол виллы Адриана в Тиволи.

Продукты, подаваемые на стол в Древнем Риме. *Мозаика.*

Серебряный сосуд
из Хильдесхаймского
клада.

Напольная мозаика
из триклия
с изображением
остатков пищи.

ЗАСТОЛЬЕ

В Риме времен Республики зрелища являлись наслаждениями периодическими. Гораздо большее значение имело ежедневное наслаждение, в котором не мог отказать себе ни один римлянин, а именно обеденный церемониал. О том, что он представлял из себя, можно узнать из романа Петрония. Его герои, Аскилт и Энколпий, повстречались в банях с богатым вольноотпущенником Трималхионом, и тот пригласил их к себе на ужин. Вход в прекрасный дом Трималхиона поразил компаньонов. Отметил Петроний и еще один важный момент: когда гости собрались войти в обеденный зал, специально поставленный для этого раб воскликнул, обращаясь к ним: «С правой ноги!» Ибо гости, дабы не прогневать богов, должны были пересекать порог триклиния именно с правой — правильной — ноги.

Роскошь этого ужина, описанного Петронием, показывает, как далеко ушли римляне в своих застольных наслаждениях от прежних времен. Когда-то завтрак или обед занимал гораздо более важное место в их жизни по сравнению с ужином. Однако постепенно вечерний прием пищи затмил все остальные. Сам ритуал возвращения домой после утомительного дня (или ритуал вечернего посещения друзей), три-четыре часа, проведенные вокруг великолепно сервированного

стола, становятся наиболее зримым проявлением искусства жить по-римски. Ужин часто сопровождается попойкой. У самых стойких он продолжается до самой зари и действительно превращается в настоящий спектакль, во время которого звучат музыка и песни, исполняются танцы, устраиваются разнообразные и не всегда пристойные игры.

Моралисты неоднократно высказывались по поводу изменения нравов в худшую сторону. Действительно, далеко в прошлом осталось то время, когда римский дом состоял из простого атриума, где еду принимали в семейном кругу возле очага. Только отец семейства имел право возлежать около стола — этот обычай, пришедший из Греции, был еще совсем новым. Жена и дети занимали места на табуретах. Рабы также ели с хозяевами, обычно в стороне, на деревянных скамьях. Затем наступило время, когда римский дом расширился и появилась комната, специально предназначенная для приема пищи — *триклиний*. Вначале ни женщины, ни дети туда не допускались. Однако этот запрет быстро пал, и женщины стали принимать участие и в приеме пищи, и в разговорах. Некоторые даже высказывали мнение, что беспорядок, часто царивший в обеденных залах, появился именно с введением этого новшества.

В конце Республики и во времена Империи большие дома располагали уже несколькими триклиниями — зимним и летним, для маленького числа приглашенных и для большого собрания, под крышей и на свежем воздухе. У Лукулла было множество обеденных залов, каждый из которых предназначался для определенного набора продуктов. Хозяину достаточно было назвать зал, в котором он собирался принимать гостей, и рабы знали, какую сумму их хозяин хочет потратить на угощение тех, кого пригласил.

Изначально стол окружали три ложа, четвертая сторона оставалась свободной для сервировки. Эти три ложа, стоящие друг к другу под прямыми углами, являлись традиционными вплоть до эпохи Империи. На каждом ложе было три места. Римляне принимали пищу лежа, опираясь на левую руку. Затем пришла мода на

полукруглое ложе, на котором могло разместиться сразу девять гостей. Но, как правило, столько народа не собиралось никогда. Была даже пословица: «Семь гостей для ужина, девять — для шума». Но если было необходимо, рабы добавляли табуреты для женщин и лишних гостей. Гораздо реже, и только в связи с большим стечением народа, еду сервировали на маленьких столах.

Ложа для приема пищи изготавливали в основном из дерева или бронзы и покрывали широкими тканями. Комфорт обеспечивали многочисленные подушки. Столы также были из дерева. На протяжении веков эта мебель составляла гордость хозяев дома. Ее украшали различными и иногда дорогими орнаментами. Богатый человек демонстрировал свою роскошь не только украшением зала, но и самими блюдами, которые он приказывал приготовить. Золото, серебро, слоновая кость быстро заняли свое место в убранстве столовых. Иногда доходило до крайностей, граничивших с безвкусицей. Например, Ювенал описывает стол, покоившийся на сделанном из слоновой кости огромном леопарде с раскрытой пастью.

Особую гордость хозяина составляла посуда. В богатых домах предпочитали хрусталь, золото, серебро или плавленый шпат — непрозрачный минерал, использовавшийся для чаш в тех случаях, когда хотели распробовать букет вина. Чаще всего посуда была украшена рельефами и драгоценными камнями. Вилла Боскореале располагала 108 предметами из серебра, а вилла Менандра в Помпеях — 118 серебряными предметами, столовым и винным сервизами общим весом 24 килограмма. Про Ливия Друза говорили, что он обладает пятью тоннами серебряных и золотых изделий. Существовал обычай, согласно которому римлянин, принимавший у себя друзей, выставлял напоказ всю свою серебряную посуду. Если хозяин пренебрегал этим обычаем, гость мог потребовать, чтобы ему показали хозяйские богатства.

Итак, ужин был настоящим праздником. Этот праздник представлял собой любопытную смесь повседневного, мирского и сакрального. Сегодня нам трудно понять это. Наши собственные приемы пищи лишены

какой бы то ни было сакральности. Однако еще недавно во многих домах перед началом обеда или ужина отец семейства читал молитву. В Античности же религиозным актом являлись не только ритуальные приемы пищи или сакральные церемонии, но и любой частный ужин. За столом, как, впрочем, повсюду в жизни каждого, присутствовали боги. Они охраняли дом и очаг, к ним обращались с молитвой до и после еды. Существовал обычай ритуальных приношений богам. Во времена Империи об этом уже стали забывать, но Овидий, писавший во времена правления Августа, упоминает еще сохранявшийся обычай подносить Весте, богине-хранительнице очага, предназначенную ей пищу на специальном блюде. Геркулес, несмотря на любовь к пьянству, считался покровителем кухни, другие божества имели свои места в триклинии. Приглашенные никогда не забывали помянуть доброго Гения, иными словами, ангела-хранителя дома. Лары в доме ставились на стол, и приглашенные с почтением их целовали.

Стол являлся священным местом. Он олицетворял собой очаг, возле которого римская семья изначально вкушала пищу. Кроме того, стол, на котором помещались продукты питания, олицетворял для римлян саму плодородную кормилицу-землю. Таким образом, обеденный зал становился как бы малым космосом. Стол являлся центром столовой, подобно тому как Земля являлась центром Вселенной. В своем Золотом дворце Нерон заключил главный обеденный зал в образ Вселенной. Зал был круглым и постоянно вращался, имитируя движение мира. С потолка, сделанного из подвижных пластин слоновой кости, струились ароматы и цветы, казалось, падавшие с неба. Так же и у Трималхиона к концу ужина обеденный зал внезапно задрожал, к великому ужасу гостей раскрылись отверстия в потолке, и оттуда спустился «огромный обруч, должно быть, содранный с большой бочки, по кругу которого висели золотые венки и баночки с мазями». Гости приняли подарки, словно дары самого Неба. В другой момент ужина рабы внесли блюдо, представлявшее двенадцать знаков Зодиака, «причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Ов-

ном — овечий горох, над Тельцом — говядину кусочками, над Близнецами — почки и текстикулы, над Раком — венок, над Львом — африканские фиги, над Девой — матку неопоросившейся свиньи, над Весами — настоящие весы с горячей лепешкой на одной чаше и пирогом на другой, над Скорпионом — морскую рыбку, над Стрельцом — лупоглаза, над Козерогом — морского рака, над Водолеем — гуся, над Рыбами — двух краснобородок»¹ Трималхион не случайно приказал подать это астрологическое блюдо. Оно позволило хозяину дома продемонстрировать свое знание предмета, подчеркнуть, что сам обед являет собой образ мира и что каждый знак олицетворяет склонности и характеры людей.

Но этот вновь созданный мир, которым служит триклиний, является не только миром живых, но также и миром мертвых. Мертвые присутствуют за столом, они находятся на Земле. Старинный обычай запрещал подметать пол триклиния. Усыпающие его остатки пищи являются пищей для мертвых. И именно из вполне понятных соображений гигиены на мозаичном полу триклиния стали изображать отбросы, чтобы дать возможность подмести его, не лишая мертвых того, что им предназначено. Впоследствии этот обычай претерпел некоторые изменения: запрещено было подметать обеденный зал во время еды. Бросать под стол несъеденное считалось нормальным (обычай этот сохранился во Франции до XV века). Первоначально оставшиеся после приема пищи отбросы приносили на могилы предков. Так становится понятно, почему запрещено было поднимать упавшую на пол пищу: она предназначалась душам умерших. Трималхион также дал оплеуху рабу, уронившему еду и подобравшему ее. Он тут же приказал снова бросить еду на пол.

Присутствовала на пиру и смерть. Жизнь представлялась пиром, но если чаша опустеет, наступит смерть. Трималхион с горечью говорит о недолговечности человека в сравнении со столетним фалернским вином: «Увы! Увы нам! Так, значит, вино живет дольше, чем люди. Посему давайте пить, ибо в вине жизнь». Пока гости

¹ *Петроний*. Сатирикон, 35.

пьют, раб приносит хозяину серебряный скелет, «так устроенный, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны»; Трималхион некоторое время играет со скелетом и сетует на судьбу бедных смертных, а потом добавляет:

Горе нам беднякам! О сколь человечешко жалок!
Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит,
Будем же жить хорошо, други, покуда живем.

Впрочем, это не мешает Трималхиону представить пир своей погребальной тризной и потребовать от гостей произнести «по сему случаю что-нибудь хорошее». Силий Италик во время пира в Кампании проводит кровавые бои, и иногда кровь жертв брызжет на столы. Это варварство могло бы поразить нас, но следует вспомнить то, что мы говорили о природе и происхождении гладиаторских боев.

Триклиний представляет собой закрытый микрокосм, своего рода сакральное пространство. Трималхион приказывает принести в обеденный зал изображения богов Ларов, а также свой портрет и заставляет трех мальчиков обойти зал по кругу, в то время как каждый гость целует Ларов и портрет хозяина. Мальчиков же зовут Добытчиком, Счастливымчиком и Наживщиком. Подобные процессии проходили обычно вокруг какого-нибудь священного места. Они очерчивали магический круг, отделяющий сакральное пространство от остального мира. Но триклиний остается изображением космоса даже тогда, когда его не используют. Существовал обычай никогда не оставлять эту комнату пустой, поскольку она являлась образом земли-кормилицы. Стол, подобно земле, должен нести на себе продукты. Также принято было не гасить лампу после ужина, так как пламя священно, оно являлось символом человеческого существа и, поскольку оно освещает пищу, ассоциировалось с домашним очагом. «Да не погасишь ты горящий светильник», — говорится в книге пророка Исаии (ср.: *Ис. 42: 3*). От этого обычая все же отказались — из соображений экономии.

Ужин в Античности проходил совсем не так, как он проходит в наше время. Еда являлась ритуалом, и гостю

следовало уважать предписанные ритуалом правила. Так, придя в дом, он снимал свою уличную одежду и надевал легкое развевающееся платье без пояса — эту перемену нес раб, сопровождавший его на пир. Речь шла о праздничной домашней одежде. Отсутствие пояса было очень важно. На госте не должно было быть никакого узла, поскольку узел означал замкнутый круг, наличие которого являлось пагубным: он мешал циркуляции магического течения, которое проходит Вселенная, когда человек участвует в пире. Мозаики Северной Африки представляют эту особую одежду, которую Светоний описал, рассказывая о Нероне. Император любил показаться на публике в такой домашней одежде. Кроме того, гость должен был разуться, потому что сандалии были зашнурованы и также завязаны на узел. По той же самой причине было принято снимать перед ужином кольца. Замкнутый круг, подобно веревке и узлу, мог помешать магическому общению с духами. Эта традиция сохранилась до нашего времени в мусульманской религии: паломники, отправляющиеся в Мекку, не должны иметь на своей одежде никаких узлов и снимают с себя все кольца.

Переодевшись, гость мог войти в триклиний, где все было сделано для его примирения с богами. Особую роль играли цветы и ароматы, защищающие от колдовства и злых сил. Пол обрызгивали настойкой вербены, возможно, потому, что вербена является священной очистительной травой. Император Элагабал приказывал разбрасывать розы — божественные цветы, лилии — средство против ядовитых грибов и морщин, и фиалки — цветы бессмертия. Сам он садился на ложе, устланное цветами, которые выделяли драгоценные эфирные масла. Он также любил разбрасывать эти цветы с потолка в таком большом количестве, что некоторые приглашенные, говорят, умирали от удушья! Цветы шафрана также использовались на пирах, из них плели венки, их добавляли в вино, поскольку их аромат использовался для предупреждения опьянения и способствовал безмятежному сну тех, кто слишком много выпил. Гости очищались омовением. Принять ванну перед едой было недостаточно. До и после еды мыли

руки, рабы омывали участникам пира ноги и стригли ногти, опрыскивали их духами. Речь шла не только о гигиенических мерах, поскольку римляне брали пищу руками (они не знали ни ножа, ни тем более вилки), но также о профилактических ритуалах морального очищения, которые мы также находим в христианской и мусульманской традициях.

Итак, во время еды все имело магический и религиозный смысл. Даже число гостей имело значение. Их должно было быть как минимум трое, по числу Граций, и как максимум девять, по числу Муз. Но следовало всеми средствами избегать четного числа гостей. Четное число являлось дурным предзнаменованием; тот, кто заканчивал еду последним или вставал последним из-за стола, рисковал навечно остаться холостым; тот же, кто вставал из-за стола во время ужина, мог умереть в течение года. Элагабал любил собирать за столом совершенно одинаковых людей. Чтобы присутствовало ровно девять человек, он приглашал к себе восемь лысых, восемь одноглазых или восемь толстяков.

Весь ужин основывался на символической цифре «три». Он состоял из трех частей — закуски, трех основных блюд и десерта. Во время развлекательной части (*comissatio*), следовавшей за ужином, выпивали три или девять чаш вина.

Считалось неблагоприятным входить в обеденный зал с левой ноги. Само слово «левый» (*sinistra*) означало на латыни «зловещий». Точно так же участник пира всегда опирался на левую руку, чтобы иметь возможность есть правой. Плиний отмечает, что уже маленьких детей учили брать пищу только правой рукой. «Если они брали левой, то их наказывали».

Добавим к этим предосторожностям еще несколько: не стоило, например, опрокидывать солонку — это означало смерть; не стоило накалывать мясо кончиком ножа, так как таким образом можно было ранить мертвого. Не стоило за столом говорить на грустные темы или молчать. Были запрещены некоторые слова. Если кому-то случалось заговорить о пожаре, тут же выливали под стол воду, чтобы символически потушить пламя и не дать сбыться предсказанному. Если приносили яй-

ца всмятку или улиток (эти блюда были широко распространены), следовало разбить скорлупу, прежде чем начинать их есть, чтобы никто не мог задумать дурное. Многие из этих ограничений пережили римскую цивилизацию и сохранились до нашего времени. Например, известен случай наведения порчи в одной из французских провинций с помощью скорлупы яйца: колдунья вводила в скорлупу смертельный раствор и прядь волос жертвы, наполняла ее росой и клала на куст боярышника; по мере того как солнце осушало росу, должен был высохнуть и умереть тот, кто ел яйцо. Римляне же всеми силами стремились избежать плохих предзнаменований. Когда во время ужина у Трималхиона во дворе запел петух, хозяин тут же воскликнул: «Дальше от нас!» (Крик петуха в неурочный час возвещал смерть.) Следовало убить петуха и незамедлительно съесть его, а затем брызнуть вином на стол и светильник, символ очага. Так можно было предупредить дурное предзнаменование.

Приготовление пищи является настоящим искусством. Развитие кулинарного искусства отражает экономическое и историческое развитие страны. Рим учился готовить, и кулинарное искусство прошло эволюцию от приготовления жидкой каши пастухами до создания изысканных блюд, подобных тем, которыми потчевал своих гостей Трималхион. Этим поразительным прогрессом римская кухня была обязана победам римского оружия, поскольку именно из завоеванных стран римляне вывезли большое число блюд, готовившихся в период Империи. Вначале же основу кухни составляли овощи, бобы, зерновые, немного фруктов, дичь, продукты из козьего и овечьего молока, а также рыба.

Римская еда отличалась от нашей. Римляне варили продукты, жарили на вертеле и в масле, но перед жаркой или тушением мясо всегда отваривалось. Они предпочитали скорее мягкую консистенцию, чем хрустящую, что объяснялось, судя по всему, изобилием соусов, употреблявшихся даже с жарким. Пищу готовили на оливковом масле. Сливочное масло было известно,

но использовалось только в медицине как лекарство. Среди характеристик римской кухни можно назвать обилие разнообразных ароматических специй и ярко выраженную любовь к сладкому.

Рецепты знаменитого кулинара Апиция позволяют оценить использование разнообразных приправ. Например, для соуса, использовавшегося к вареному кабану, Апиций советовал взять перец, тмин, любисток, жареные зерна кориандра, зерна укропа, сельдерей, тимьян, душицу, лук, мед, винный уксус, горчицу, гарон и растительное масло. Перец использовали очень широко, использование же гарона вообще превосходило все мыслимые пределы. Об этой национальной римской приправе следует сказать несколько слов. Ее получали путем вымачивания внутренностей рыбы в выставленных на солнце горшках в течение двух-трех месяцев. Соль в качестве антисептика препятствовала гниению. Этот продукт использовался чрезвычайно широко. Существовало несколько его сортов. Лучшими считались внутренности тунца, консервированного с жабрами, сывороткой и кровью — «кровоавый гарон». Можно сравнить эту специю с рыбным соусом в индокитайской кухне, который также готовится с помощью вымачивания в рассоле. Любопытно, что подобная технология производства гарона применялась в Турции вплоть до начала XX века. Повсеместное использование этой приправы объяснялось тем, что она хорошо сочеталась с пресными лепешками из зерновых, люпина или лущеного гороха, подобно тому как рыбный соус используют для придания вкуса рису.

Римляне обожали сладкую пищу. Разумеется, сахара еще не было, но его заменял мед, который нередко использовали в приготовлении даже мяса и рыбы. Вареное мясо готовили с вымоченными в меду фруктами, кислоту винного соуса при приготовлении разнообразных мясных блюд смягчали медом. Также любили посыпать молотым перцем сладкие десерты. Подобное контрастное сочетание вкусов используется в китайской кухне.

Первоначально для приготовления пищи использовали продукты сада и огорода. Каши, овощи были по-

вседневными блюдами первых римлян и остались едой бедняков в городах и деревнях. Как пишет Ювенал, «к праздничным дням сохранять в обычае некогда было / Ножку копченой свиньи, подвешенную на стропилах / Редких, и салом родных угощать с прибавкой парного / Мяса в рождения дни, коль оно оставалось от жертвы». Древний римлянин не имел в своем распоряжении большого числа поваров. При необходимости повара нанимали на рынке. Подобно крестьянину из Моретума (из поэмы, приписываемой Вергилию), римлянин сам пек хлеб — лепешку из пресного бездрожжевого теста:

Горстью Симил кладет муку сыпучую в сито
И начинает трясти. Наверху весь сор остается,
Вниз оседает мука, сквозь узкие льется ячейки
Чистый Церерин помол. Его на тонкую доску
Ссыпав кучкой, Симил наливает теплую воду;
Чтобы смешалась мука с добавляемой влагой, он месит
Тесто, и мягче оно становится, воду вбирая,
Соль подсыпает порой, а потом готовое тесто
Вверх поднимает, и в круг широкий ладонями плющит,
И намечает на нем продольные равные ломти.
После несет к очагу...
Глиняной миской поверх накрывает и жар насыпает.

Выпечка появилась в Риме только в конце III века до н. э., и речь поначалу шла лишь о пресном хлебе. Но в имперскую эпоху уже существует множество видов хлеба, от черного до белого, считавшегося роскошью. Некоторые повара начинают придумывать новые блюда. Например, специальный хлеб к устрицам, хлеб с молоком и яйцами, хлеб с молоком, в который добавили перец и растительное масло, — разновидность блинов; еще один хлеб вымачивался долгое время, затем перерабатывался с сухим виноградным соком и т. д. В далекое прошлое канули пресные лепешки первых римлян.

Среди наиболее употребительных овощей первое место занимали репа и рапс. Использовали морковь, свеклу и прочие корнеплоды. В питании важное место занимали лук и чеснок. Древним римлянам также были известны спаржа и капуста. Очень любили салат: латуком, употреблявшимся с соусом на основе винного ук-

суса или гароном, заканчивали еду при первых римлянах и начинали при Империи. Насчитывалось множество сортов латука: белый, красный, пурпурный, кочанный. Выращивали и другие виды салата, например, цикорий или кресс-салат, шпинат, порей, у которого использовали в пищу только листочки, сорванные у основания. Нерон ел его без хлеба, чтобы улучшить голос.

Большим спросом пользовались стручковые, особенно у бедняков. Бобы составляли основу римской пищи. Вареные бобы с салом являлись типичным блюдом крестьянина. Целыми ели только бобы. Другие стручковые — лущеный горох, чечевицу, люпин, фенугрек — сушили и толкли в ступке (кроме лущеного гороха), чтобы использовать для каши.

Добавим сюда очень любимые римлянами огурцы, которые ели с медом, и тыкву (бутылочную). Также широко использовались грибы.

В целом можно насчитать 54 вида культивируемых овощей и 43 диких.

Большой любовью пользовались фрукты. Известно не менее сорока четырех видов различных фруктов: 32 вида яблок и груш, 16 видов слив, не считая многочисленных сортов винограда. Много видов фруктов было привезено в Италию после завоевания Востока, например айва. Гранат пришел из Карфагена, туовник из Персии, вишня из Малой Азии, персики из Китая через Персию (они появились в Риме только в начале Империи), арбуз и дыня из Африки через Египет и Грецию.

К фруктам надо добавить фундук, фисташки (появившиеся при Империи), лесные орехи, миндаль и особенно каштаны, составлявшие важный элемент питания во время голода. Национальным блюдом очень рано стали оливки.

В отличие от овощей, которые с самого начала стали основой рациона непривилегированных классов, мясо быстро заняло избранное место у наиболее обеспеченных римлян. Говядина, телятина, баранина и свинина готовились все более разнообразными способами. Римляне любили рубленое мясо, колбасы и фарш. Фаршированное свиное вымя являлось очень популяр-

ным блюдом классической эпохи. Римские повара также придумывали новые способы приготовления дичи, особенно кабанины (лучшими считались кабаны, которых привозили из Тосканы или Умбрии), оленины, мяса лани, дикой овцы и зайчатины. Также любили мясо диких птиц — уток и гусей, голубей, горлиц и даже фламинго, аистов и попугаев. Что касается домашней птицы, то больше всего употребляли цыплят и кур, которых очень рано завезли из Индии через Грецию и Персию. Но наибольшим предпочтением пользовались гуси, особенно из-за печени, которую вымачивали в медовом молоке. Также популярны были цесарка, завезенная из Карфагена после Пунических войн, фазан и павлин, завезенный из Индии через Грецию и Персию. Фазан и павлин приберегались в основном для богатой клиентуры.

Этот список гастрономических пристрастий римлян был бы неполным, если бы мы не упомянули о рыбе. К тому времени, о котором идет речь, наиболее популярны были тюрбо, мурена и султанка. Устрицы, мидии и другие ракообразные также являлись любимым блюдом на столе привилегированных классов.

Интересно отметить, что большая часть продуктов, оставивших след в кулинарном искусстве, являлась предметом импорта и появилась в Риме только в начале Империи. Гастрономия начинает развиваться едва ли в самом конце Республики, и вряд ли мы найдем хоть какие-то следы существования кулинарной литературы до правления Августа, особенно по сравнению с книгой рецептов Апиция. Рецепты, записанные до этого писателями, например Катонем во II веке до н. э., представляют исключительно простые блюда. А сравнение одного из этих рецептов с тем или иным рецептом Апиция, родившегося в начале принципата Августа и прославившегося в качестве кулинара при Тиберии, позволяет нам понять, какое место кухни и застольные наслаждения с их изысками занимали в повседневной жизни римлян, начиная с классической эпохи.

Вот, например, рецепт каши по Катону:

«Положите фунт пшеничной крупы в воду; проследите, чтобы она хорошо впиталась; опрокиньте в

чистый черпак. Добавьте туда три фунта свежего сыра, полфунта меда и одно яйцо; хорошо все перемешайте»².

А вот рецепт поросенка с овощным рагу по Апицию:

«Выньте кости из поросенка через глотку на манер бурдюка. Нафаршируйте его нарубленным во фрикадельки цыпленком, дроздами, мухоловками, его же рублеными потрохами, колбасами из Лукании, финиками без косточек, сушенными в кузнице луковицами, улитками без раковин, мальвой, свекольной ботвой, луком-пореем, сельдереем, вареным брокколи, кориандром, зерновым и стручковым перцем. Добавьте сверху 15 яиц и гарон с перцем — яйца следует разбить; зашейте поросенка, обжарьте, затем запеките в печи. Тогда разрежьте его по спине и полейте следующим соусом: смешайте перец, руту, гарон, бледноокрашенное вино, мед и немного растительного масла. Когда закипит, добавьте крахмал»³.

Подобную изобретательность мы находим в рецепте приготовления минутала. Минутал, очень любимый римлянами, представлял собой фрикасе (рагу) из филе рыбы, потрохов или порезанного кусочками мяса:

«Возьмите растительное масло, гарон, перец горошком, мяту, мелкую рыбу, совсем маленькие фрикадельки, петушиные яички и сладкое мясо молочного поросенка. Отварите все вместе. Растолките перец, любисток, свежий кориандр или его зерна, смешайте с гароном, добавьте немного меда и бульона, образовавшегося при варке, соедините с вином и медом. Доведите до кипения. После кипения соедините с раскрошенным тестом, перемешайте, посыпьте перцем и подавайте»⁴.

И до Апиция существовали блюда, хорошо известные в высшем обществе. Но Апиций прославился созданием и некоторого числа собственных блюд, например верблюжьих пяток или павлиньих и соловьиных языков. Одно упоминание о подобных изысках

Катон. О сельском хозяйстве, 94.

² *Апиций. Кулинарное искусство, VIII, 7, 14.*

⁴ Там же, IV, 3,3.

свидетельствует о том, что пищу вкушали не только для того, чтобы утолить голод.

Такая же изобретательность видна и в выборе вин, которыми сопровождали еду. О классификации вин в Италии известно только со 121 года до н. э. Но в классическую эпоху было известно множество иностранных вин — с Крита, Кипра. В этой области также любили придумывать новое: вино нередко смешивали с морской водой, добавляли туда мед или создавали вина с помощью брожения продуктов растительного происхождения в сусле. Так, существовало розовое вино, фиалковое, очень любили грушевое вино.

Без труда можно представить себе, как с появлением подобных изысков зародилось настоящее наслаждение чревоугодием. И хотя меню по-прежнему состояло из трех перемен — закуски, основного блюда и десерта, сами перемены включали в себя иногда такое количество блюд, что превосходили блюда праздничного ужина нашего времени. Мы можем судить об этом по описанию инаугурации жреца Марса, сделанному Макробием:

Закуски:

- моллюски: морские ежи, сырые устрицы, петушки;
- дрозды;
- жирная курица на спарже;
- паштет из устриц и петушков;
- мухоловки;
- филе козленка и кабана;
- пирог с жирной домашней птицей;
- моллюски: мурексы и багрянки.

Основные блюда:

- свиное вымя;
- кабанья голова;
- блюдо из рыбы;
- утка;
- вареная утка;
- заяц;
- жаркое из домашней птицы.

Десерт:

- мучной крем и печенье.

Понятно, почему некоторые врачи рекомендовали искусственно вызвать рвоту, чтобы иметь возможность спокойно дождаться конца ужина. Выносливость необходима была еще и потому, что за ужином часто следовала попойка или оргия. Хозяин дома, бросив кости, назначал пропорции, согласно которым наливалось вино, и количество, которое надлежало выпить. Вино, иногда смешанное с теплой водой или чистой водой с ледника, иногда кипяченое (как предпочитал Нерон), подавалось в чашах, способных вместить до полулитра! А каждый тост требовал осушения полной чаши! Гость обязан был выпить вино одним глотком. На протяжении всей попойки гостям предлагались развлечения: шуты, мимы, танцовщицы (предпочтительно из Гадеса или Сирии с эротическими танцами), певицы и гораздо реже музыка, театр или литературные декламации. Предпочтение, как правило, отдавалось непристойным песням и игре в кости. Женщины также играли с мужчинами. Дети участвовали в попойках отцов, которые могли учинить ссору или затеять драку, пока рабы, оставив свои шутовские роли, не уведили своего хозяина в постель.

К счастью, не все ужины были такими и не все завершались в столь веселом окружении. Гораций, например, любил скромные ужины, где каждый ел и пил в свое удовольствие то, что ему нравится, без всякого принуждения. Еде сопутствовали рассуждения о добродетели, счастье, моральном благе. Подобная умеренность встречалась и у богатых. Плиний упрекает друга, что тот не пришел на ужин, на который он его пригласил: «Был подан латук, три улитки, два яйца, пирожное из полбы с вином и медом... оливки, свекла, кабачки, лук и тысяча других не менее изысканных вкусовностей». Кроме того, были приглашены актер и игрок на лире. Подобный ужин комментаторы иногда неправомерно трактуют как «смехотворно скромный». Правда же заключается в том, что скромный ужин был в Риме нормой. Но, как всегда, когда речь идет об изучении нравов, в памяти остается не норма, а как раз ее нарушения.

Действительно, крайность существовала, и именно о ней нам всегда рассказывают. Плиний обвиняет своего друга, что тот предпочел ужин, на котором ели «устриц, морских ежей и рукоплескали гадитанским танцовщицам». Эта крайность была заклеяна Петронием в описании ужина у Трималхиона, проходившего в середине I века н. э. Но уже во II веке до н. э. чрезмерные расходы на ужины небольшой прослойки общества вынудили сенат проголосовать за принятие законов о роскоши. Первый закон датируется цензурой Катона; второй, принятый 22 года спустя, регламентировал расходы на праздники, запрещая пить привозное вино и подавать какую-нибудь другую домашнюю птицу, кроме нежирной курицы. Было также ограничено число приглашенных — от трех до пяти, и количество приглашений — не чаще трех раз в месяц. Но несмотря на это, увлечение новыми застольными нравами было столь велико, что граждане предавались пьянству прямо на Форуме. Те же, кто не проживал в Риме, вообще считали себя свободными от этого закона и не выполняли его. Закон запрещает откармливать кур? Тогда мы будем откармливать цыплят! Спустя 20 лет другой закон угрожает гостям теми же карами, что и хозяевам, и распространяется по всей Италии. За ним следуют другие законы. Ничего не помогает. Страсть к застольной роскоши принимает у некоторых зажиточных римлян такие масштабы, что они закладывают целые состояния, чтобы устроить один ужин! Только Сулла нашел способ борьбы с подобными излишествами: он стал фиксировать цены на продукты питания, вынуждая таким образом поставщиков дорогих продуктов продавать их за бесценок. Но наследники Суллы не придерживались этой политики, и все вернулось на круги своя. Цезарь, а затем Август тщетно пытались изменить сложившееся положение. Доходило до того, что Цезарь посылал на рынки солдат, чтобы силой изъять продукты, запрещенные законом. Все было напрасно. Жажда роскоши накрепко засела в людях.

Чревоугодие становится модой. Как горько заметил Сенека, школы философов и риторов, составлявшие гордость Республики, при Империи опустели. Зато кух-

ни полны народу. В прошлое кануло то время, когда цензор лишал коня всадника, имевшего слишком большой живот! Повсюду толпятся пекари, повара, готовые по первому сигналу бежать со всех ног исполнять свою службу. Повару платят золотыми монетами! Если работой повара довольны, хозяин приглашает его в триклинний, предлагает выпить и одаривает подарками. Антоний как-то подарил повару дом одного гражданина из Магнезии.

Рассмотрим поближе этих любителей вкусно поесть. Внешне они похожи на жрецов, потому что именно жрецов легко узнать по их дородности, огромному животу, «дрожащему под весом жира». Об удачном ужине говорили, что это был ужин понтифика или жреческой коллегии. Ювенал показывает нам этих любителей вкусно поесть на рынке, когда они ищут любимые блюда: «Прихотям их никогда не послужат препятствием цены; / Правду сказать, им приятнее то, что стоит дороже». Они, не колеблясь, залезают в долги. Но разорение не единственное следствие их страсти. За всякое наслаждение приходится расплачиваться:

«Потом понадобилась пища, не утоляющая, а разжигающая голод, и придуманы были сотни приправ, распалюющие прожорливость, и то, что было питанием для проголодавшихся, стало бременем для сытых. От этого и бледность, и дрожь в суставах, где жилы ослаблены вином, и злейшая, чем при голодании, худоба от поносов; от этого нетвердость ног, всегда заплетающихся, как в хмелю; от этого набухшая влагой кожа по всему телу и живот, растянутый от привычки поглощать больше, чем может вместить; от этого разлитие желчи, вызывающее желтизну бескровного лица; от этого хилость, и внутреннее гниение, и сухие пальцы с окостеневшими суставами, и жилы, либо онемевшие до потери чувствительности, либо трепещущие постоянной дрожью. А что говорить о головокружениях? о мучительной боли в глазах и ушах? о мурашках, пробегающих по горящему мозгу? о тех частях, через которые мы испражняемся, сплошь изъязвленных изнутри? о бесчисленных видах лихорадок, либо свирепствующих

щих приступами, либо крадущихся тихой сапой, либо грозно нападающих и сотрясающих все члены?»⁵

Едва ли более привлекательным выглядит портрет чревоугодника, нарисованный Марциалом. Правда, речь у него, как и у Сенеки, идет о сатире, и, следовательно, возможно ироническое преувеличение:

В наряде желтом он один на всем ложе,
Гостей толкает локтем справа и слева,
На пурпур легши и подушки из шелка.
Рыгнет он — тотчас подает ему дряблый
Развратник зубочистки с перышком красным;
А у лежащей с ним любовницы веер
Зеленый, чтоб махать, когда ему жарко,
И отгоняет мальчик мух лозой мирта.
Проворно массажистка трет ему тело,
Рукою ловко обегая все его члены;
Он щелкнет пальцем — наготове тут евнух
И тотчас, как знаток мочи его нежной,
Направит мигом он господский уд пьяный.
А он, назад нагнувшись, где стоит челядь,
Среди собачек, что гусиный жрут потрох,
Кабаньим чревом всех своих борцов кормит
И милому дарит он голубей гузки.
Когда со скал лигурийских нас вином поят
Иль из коптилен массилийских льют сусло,
С шутами вместе он Опимия нектар
В хрустальных кубках пьет иль в чашах из мурры;
И, надушенный сам из пузырьков Косма,
Из золотых ракушек, не стыдясь, мази
Нам даст такой, какую мажутя шлюхи.
Напившись пьяным, наконец, храпит громко⁶.

Некоторые чревоугодники прославились одной лишь своей страстью к застольному искусству, в то время как другие удостоились сохраниться в памяти людской по более славным поводам. Кто не знает Лукулла? История представляет его одним из первых, кто способствовал доведению кулинарного искусства до совершенства. Его чревоугодие вошло в легенду: к нему был приставлен специальный раб, останавливавший за столом руку своего хозяина, когда тот уже мог заболеть от переедания. Однажды, когда он ужинал дома в оди-

⁵ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 95, 15—17.
Марциал. Эпиграммы, III, 82.

ночестве и раб принес ему извинения за то, что ужин из-за отсутствия гостей оказался менее роскошным, чем обычно, Лукулл в гневе воскликнул: «Разве ты не знал, что сегодня у Лукулла ужинает Лукулл?!». Выражение «лукуллов пир» известно всем, но кто помнит, что Лукулл был также блистательным завоевателем Армении и победителем Митридата? Слава его желудка оказалась громче военных успехов.

Знаменитый Апиций демонстрирует нам степень безумия богача — раба своего желудка. На этот счет в Риме были в ходу два анекдота. Рассказывают, что как-то императору Тиберию подали рыбу в полтора килограмма весом. У императора возникла мысль отнести ее на рынок, решив, что рыба в два раза больше обычной непременно обратит на себя внимание таких непревзойденных гастрономов, как Апиций и его соперник Октавий. И действительно, люди императора продали рыбину с аукциона. В конце концов Октавий, обойдя Апиция, купил ее за 5 тысяч сестерциев!

В другой раз Апиций узнал, что в Африке только что поймали лангуста неведомых доселе размеров. Тем же вечером повар оказался у африканского берега! Не успел его корабль пристать к берегу, как к нему приблизились на лодке рыбаки, чтобы показать ему самые крупные экземпляры. Увы! Ни один лангуст не отличался от обычных, и Апиций развернулся назад, даже не пристав к берегу.

Возможно, единственное достоинство этой болезненной страсти к изысканной пище заключалось в том, что хозяева пиров стали настоящими экспертами в области кулинарии и мгновенно определяли качество масла или то, поймана ли поданная им рыба в открытом море или в устье Тибра (ибо усталость, вызванная подъемом рыбы против течения реки, придавала ее мясу особую изысканность)... Точно так же гурманы различали вкусовые качества матки свиньи, заколотой до того, как она опоросилась, или после опороса. Первая считалась лучше второй. Зато свиньи сосцы обретали свой оптимальный вкус, если свинья опоросилась, но при условии, что поросята ее

не сосали. Следовательно, момент, когда забито животное, считался очень важным. Для приготовления лучшей гусиной печени Апиций откармливал своих гусей сушеным инжиром и закалывал их только после того, как напайвал медовым вином. Очень важен был также способ, каким убивали животное. Так, часто в обеденную залу приносили еще живую рыбу, чтобы гости могли наблюдать за ее агонией. Только после того, как все видели, что рыба, сделав несколько последних прыжков, наконец замирала, повар мог уносить ее готовить. Ели только определенные части животного: верхняя часть бедра или грудка пулярки были весьма любимы чревоугодниками, у утки же предпочитали грудку и мозг.

Немаловажную роль играло также происхождение животного. Мы могли бы начертить настоящую географическую карту чревоугодия. Лучшие павлины были с Самоса, фазаны — с берегов Фаза, в Амброзии выращивали лучших козлят, в Халкедонии — молодых тунцов. Лучшие устрицы были из Тарента, Цирцеи и с озера Лукрин, рыба тюрбо — из Равенны. Галлия славилась ветчиной и колбасами, так же как Ликия и Иберия. Самые лучшие улитки были в Африке, орехи — на острове Тасос, финики — в Египте. Этот список можно было бы продолжить. Теперь мы можем лучше понять, до какой степени эти люди были рабами собственного наслаждения. Роскошная пища, сравнимая с наркотиком, опустошала самые тугие кошельки. Только очень богатые люди могли избежать долгов, часто приводивших к ссылке или доводивших до самоубийства. Апиций в один прекрасный день принял чашу с ядом, когда окончательно погряз в долгах. Он остался должен 2 миллиона сестерциев. Это была огромная сумма, составлявшая четверть тяжелейшего ежегодного налога, который галлы после завоевания их Цезарем были обязаны выплачивать Риму. Для богатейшего гастронома долг в десять миллионов оказался невыносимым. Правда, его страсть обошлась ему в 10 раз дороже этой суммы. Марциал, желчный, как никогда, написал на смерть несчастного Апиция эпитафию:

Апиций, шестьдесят миллионов дав брюху,
Ты все ж десяток сохранил себе с лишком.
Но, опасаясь жажды с голодом вечным,
Налив последний кубок, ты глотнул яду.
Такой, Апиций, не был ты вовек прорвой!⁷

Было бы ошибкой считать, что застолье являлось наслаждением только для желудка. Оно предоставляло также наслаждения артистические и культурные. Все римские ужины, описания которых сохранились до наших времен, имеют нечто общее: они устраивались хозяином дома как театральные представления. Распорядок, предлагаемые блюда и развлечения превращали мир в иллюзию театра. Эти постановки могли выявить плохой вкус хозяина, а гости иногда присутствовали на ужине, чтобы повысить значимость пьесы, которую хозяин давал для самого себя. Нередко кто-нибудь обращался со своими гостями самым постыдным образом, подавая им вино из виноградных выжимок, когда у него хранилось хорошее старое вино, или приказывал подавать посредственного качества блюда, которые никогда бы не стал есть сам.

Устриц себе ты берешь, упитанных в водах Лукрина,
Я же ракушки сосу, рот обрезаю себе;
Ты шампиньоны жуешь, а я свинухом угощаюсь,
С камбалой возишься ты, я же лещами давлюсь;
Ты набиваешь живот золотистого голубя гузкой,
Мне же сороку на стол, сдохшую в клетке, кладут.
Что это? Вместе с тобой без тебя я обедаю, Понтик?⁸

Император Элагабал пользовался еще более жестокими способами. Когда за его столом ели прихлебатели, он приказывал подавать искусно сделанные муляжи, например из воска, изготовленные настолько точно, что приглашенные часто ошибались. Иногда он даже предлагал им питаться духовно, глядя на картины или искусно нарисованные блюда.

⁷ *Марциал*. Эпиграммы, III, 22.

⁸ Там же, III, 60.

Но речь идет о театре лишь в первом приближении. Настоящее искусство иллюзии заключалось в представлении блюд, и знающий Gastronom умел превратить изначальный продукт совершенно в другой. Крайний случай мы находим в эпиграммах Марциала. Этот сатирический автор рассказывает нам об одном ужине, где единственным продуктом, использовавшимся поваром, была тыква, представленная во всех блюдах от закусок до десерта, что, по крайней мере, было выгодно с точки зрения экономии. Гастрономическое искусство превратило тыкву в грибы и кровяную колбасу, тунца и корюшку, чечевицу и бобы, разнообразные пирожные и даже финики.

Несколько таких примеров позволяют нам понять, что инсценировка, предложенная своим гостям Трималхионом в «Сатириконе» Петрония, покоится на реалиях того времени. Один этот роман предоставляет нам множество деталей и подробных описаний доведенного до крайности ужина конца II века н. э. Все кажется фальшивым у Трималхиона вплоть до собаки, испугавшей Энкалпия и оказавшейся всего лишь настенной росписью. Само появление Трималхиона столь же театрально. Ужин уже начался, когда происходит пышное появление хозяина, которого вносят под музыку на множестве маленьких подушечек. Он одет в алый плащ и тут же высвобождает из-под него руки, чтобы все могли полюбоваться его богатыми браслетами из золота и слоновой кости. Затем он прочищает зубы серебряной зубочисткой, прежде чем взять слово и заявить, что он «пренебрег всеми удовольствиями», чтобы не заставлять ждать своих гостей, но что желает закончить начатую партию. Тут же он приказывает принести игровой столик и погружается в игру.

Этот бывший сирийский вольноотпущенник, ставший богачом, вносит некоторые потрясения в нормальный порядок вещей. И превращает будущий ужин в постоянную игру в правду и ложь.

Так, в качестве закусок рабы приносят корзину, в которой находится деревянная курица с растопыренными крыльями, как будто она сидит на яйцах. Тут же двое

слуг поднимают солому и вынимают оттуда павлиньи яйца, которые предлагают гостям. Тогда Трималхион восклицает: «Друзья, я велел подложить под курицу павлиньи яйца! И, ей-богу, боюсь, что в них уже цыплята вывелись. Попробуйте-ка, съедобны ли они»⁹ Ложь очевидна, поскольку курица деревянная, стало быть, можно надеяться, что хоть яйца настоящие. Но на самом деле яйца такие же фальшивые, как и курица, поскольку гости замечают, что они сделаны из теста. Но ложь становится правдой, когда яйца (которые таковыми не являются) от курицы (которая не является курицей) оказываются высиженными: гости находят внутри маленькую птичку, «винноягодника, приготовленного под соусом из перца и яичного желтка». Кухня с помощью чуда имитации сделала невозможное возможным.

Таково искусство трансформации и имитации — мы еще неоднократно увидим его до конца ужина: рабы приносят жирного гуся, обложенного рыбой и всевозможными видами птиц. Едва каждый из этих продуктов узнан гостями, как Трималхион тут же восклицает: «Пусть я разбухну, а не разбогатею, если мой повар не сделал всего этого из свинины!» Вновь хозяин дома становится хозяином иллюзии. «Дорогого стоит этот человек. Заходи он только, и он тебе из свиной матки смастерит рыбу, из сала — голубя, из окорока — горлинку, из бедер — цыпленка!» Это больше не кулинария, это волшебство, но волшебство, граничащее с поэзией в чистом смысле слова, то есть оно уподобляется реальности, чтобы воссоздать ее целиком согласно кодексу, не поддающемуся правилам самой же этой реальности.

Самый прекрасный пример этой инсценировки заключается, конечно, в эпизоде с невыпотрошенной свиньей¹⁰ Трималхион приказывает повару убить и приготовить самую старую свинью. Несколько мгновений спустя приносят и водружают на стол огромную свинью. Гости кричат в удивлении: «Мы были поражены быстротой и поклялись, что даже куренка в такой

⁹ *Петроний*. Сатирикон, 33.

¹⁰ Там же, 49.

небольшой промежуток вряд ли приготовить можно». Трималхион, побелев от гнева, требует привести к нему повара, который сконфуженно заявляет, что забыл выпотрошить животное. Хозяин дома тут же приказывает, чтобы он был раздет перед всеми, и уже приближаются два палача, готовые выпороть провинившегося. Гости начинают умолять Трималхиона даровать бедняге прощение, несмотря на то, что его проступок ужасен: как можно забыть выпотрошить свинью? Хозяин смеется и приказывает: «Ну, если ты такой беспамятный, вычисти-ка эту свинью сейчас, на наших глазах». Без труда можно вообразить отвращение гостей. Вывалить на пиршественный стол внутренности этого животного? Повар взрезает живот свиньи, и вдруг оттуда, «поддавшись своей тяжести, градом посыпались кровяные и жареные колбасы». Бурные аплодисменты! Трималхиону удаются двусмысленности благодаря умелой подготовке, которая в данном случае принадлежит не повару, а постановщику, поддерживающему иллюзию и смешивающему правду и ложь. Конечно, это обман, свинья не могла сохранить свои внутренности и была выпотрошена заранее, но это тем не менее правда в той степени, что эти самые внутренности, обработанные и переделанные в колбасы, вновь занимают свое первоначальное место в животе свиньи. Сырое становится печеным, натура скрывает культуру, сырые внутренности претерпевают изменения, позволительные благодаря культурному вкладу общества в приятное и цивилизованное потребление пищи.

Эта инсценировка усиливается иногда культурным контекстом, очень утонченным и способным удивить даже такого персонажа, как Трималхион. Речь идет о знаменитом появлении кабана. Кабан вызывает в памяти охоту, излюбленное занятие римлян. И вот слуги вносят в обеденный зал и стелют перед ложами ковры со сценами охоты: «Были тут и охотники с рогатинами, и сети». Затем раздается крик, и в зал вбегают лаконийские псы. «Вслед за тем было внесено огромное блюдо, на котором лежал изрядной величины вепрь, с шапкой на голове, державший в зубах две корзиночки из пальмовых веток: одну с сирийскими, другую с фиванскими

финиками. Вокруг вепря лежали поросята из пирожного теста, будто присосавшиеся к вымени, что должно было изображать супоросов»¹¹. Слуга, наряженный охотником, подходит к кабану, достает нож и вскрывает кабану брюхо. Тут же оттуда посыпались дрозды; птицеловы ловят птиц, разлетевшихся по обеденному залу. Этот эпизод особенно интересен. С самого начала и в противоположность другим моментам ужина мы переходим не от правды к вымыслу, а от вымысла к правде. Охота является всего лишь представлением и притворством; и тем не менее именно настоящей охотой заканчивается театральное представление. Именно здесь жареное порождает сырое, смерть позволяет вырваться жизни. Однако аллегория более сложна. Почему кабан приготовлен во фригийском колпаке, являющемся отличительным признаком вольноотпущенника? На ум тут же приходит естественный ответ: Трималхион — вольноотпущенник, и кабан носит колпак, символизирующий положение хозяина дома. Но культурный символизм идет дальше. Плиний дает нам ключ к загадке. Самыми известными финиками являются сиягры (*syagres*), а их вкус напоминает вкус кабашины. Настоящее название сиягра к тому же на греческом означает «кабан». С другой стороны, пальма, на которой растут эти фрукты, обладает особенностью воспроизводить себя в одиночку, подобно птице феникс, и по этой причине называется фениксом. Следовательно, семантическая связь соединяет кабана, феникса (пальму и птицу) и финики. Финики в корзине из пальмовых листьев напоминают о финиковой пальме, а кабан напоминает, что речь идет о разнообразии фиников, растущих на пальме феникс. А мертвый феникс возрождается к жизни точно так же, как мертвый кабан дает возможность улететь живым птицам — ибо феникс является птицей. Таким образом, с помощью метафорической и метонимической игры Трималхион предлагает на ужин своим гостям феникса. Наверняка немногие гости Трималхиона смогли расшифровать этот символ!

¹¹ *Петроний*. Сатирикон, 40.

Возможно, более понятными являются мифологические ссылки. Трималхион внезапно требует тишины и пускается в несколько фантастический рассказ о Троянской войне: «Как и следовало, Агамемнон победил и дочку свою Ифигению выдал за Ахилла: от этого Аякс помешался, как вам сейчас покажут». И «тотчас же на серебряном блюде весом в 200 фунтов был внесен вареный теленок со шлемом на голове. За ним следовал Аякс, жонглируя обнаженным мечом и изображая сумасшедшего, под музыку разрубил на части теленка и разнес куски ошеломленным гостям». Инсценировка с точностью воспроизводит мифологический сюжет: Аякс, не получив доспехи Ахилла, был поражен Афиной безумием и набросился на стадо быков, думая, что убивает греков. Теленок представляет стадо, а шлем напоминает, что Аякс зарубил это стадо ради доспехов Ахилла. Так поварское искусство соединяется с культурой.

Застольные наслаждения не являются, следовательно, исключительно гастрономическими или кулинарными. Конечно, некоторые богатые чревоугодники прославились именно благодаря своей эксцентричности, но у нас речь и не идет о большинстве римлян, доходы которых не позволяли им предаваться оргиям. Но и эти чревоугодники не чужды эволюции пиршественного искусства и изыскам, которые познала римская культура. Однако верно и то, что для большей части населения ужин после бани становится главным моментом наслаждения жизнью и каждый умеет извлечь из него выгоду в зависимости от своего темперамента, социального положения и культурного уровня. Именно поэтому ужин — акт практически религиозный, каковым он и был, — превратился в настоящую церемонию, даже празднество, в котором еда является всего лишь одним из элементов. Ужин, как мы уже видели, был настоящей театральной пьесой, где каждый исполнял свою роль. В этом микрокосме, которым являлся обеденный зал, хозяин пира становился хозяином Вселенной и командовал ею. Развлечений, предложенных шутами, танцовщицами и музыкантами, было недостаточно, каждый превращался в актера: рабы пели и приносили блюда, исполняя некое подобие балета, гости

играли в кости и иногда позволяли себе предаться плотским наслаждениям. Этот замкнутый и театральный мир в некоторых случаях использовал даже искусственные механизмы, как, например, в Золотом дворце Нерона или в доме Трималхиона. Игры актеров, балеты, песни, развлечения — это больше, чем театр, это уже настоящая опера. И от оперы ужин времен Империи берет основную особенность: это мир условностей, где каждый играет в свою игру, не забывая, что речь идет об игре.

ЗАГОРОДНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Мало кто из столичных жителей мог похвастаться тем, что его род уходил корнями в римскую историю. Римляне в большинстве своем являлись в полном смысле слова провинциалами, людьми земли (это относится и к тем великим людям, которые, подобно Катону, Марию или Цицерону, творили римскую историю; все они были подлинным продуктом итальянской глубинки). Да и сам Рим некогда образовался благодаря объединению пастухов и крестьян. Легенда гласит, что Ромул, пожелав населить свой город, широко распахнул ворота, предоставляя «приют» людям лесов и полей. Во времена завоеваний множество чужестранцев увеличивали население города, лишь усиливая феномен космополитизма, о котором мы говорили в предыдущей главе.

Все эти провинциалы имели свою «малую родину», как называл ее Цицерон. Этой «малой родиной» являлся не Рим, а какой-нибудь небольшой сельский городок или затерянная в горах деревушка, где они появились на свет. Каждый из них был крепко привязан к своей «малой родине». Римлянин не терял своих корней, он оставался верен тому клочку итальянской земли, который возделывали его предки и где покоились их останки. «Малая родина» с ее могилами и очагом являлась первой родиной в глубине души каждого. Дру-

гая, «большая» Италия, часто оказывалась в сердце патриота на втором месте. Менталитет римлян постепенно менялся по мере объединения Италии и завоеваний Империи, но в конце Республики все обстояло еще именно так, и Цицерон в своей первой речи о Катиллине, произнесенной в 63 году до н. э., вынужден был уточнить: «Если вся Отчизна, которая мне гораздо дороже жизни, если вся Италия...» И добавил, боясь оказаться непонятым: «Если моя малая родина Арпинум...»

Для великих государственных мужей, например Катона, именно простая сельская жизнь давала силу характера, упорство, добродетели, необходимые, чтобы превратить Рим в столицу мира. И все эти великие римляне оставались верными своей родной земле, которую старались навестить, едва позволяли дела. Ибо римлянин всегда оставался близок к природе. Катулл воспел свою радость от возвращения в родной город Сирмион на озере Гарде:

Всех полуостровов и островов в царстве
Нептуновом, в озерных и морских водах
Жемчужина, мой Сирмион! О, как рад я,
Как счастлив, что я здесь, что вновь тебя вижу!¹

Эту любовь к природе, это наслаждение, испытываемое при чувстве единения с ней, никто не смог воспеть лучше, чем Вергилий. Его жизненный путь — путь настоящего римлянина. Он родился в 70 году до н. э. в районе Мантуи, в сельской местности, где холмы редки и в основном каменисты, возле ручья, омывающего плодородные равнины; он рос в союзе с природой, а воспитание, которое он получил в маленьких городах своей земли, никогда не позволяло ему забыть родные пейзажи. Рим очаровал его, но все же он не остался в Риме и вернулся на свою «малую родину». Вергилий воспевает природу, и каждое его стихотворение, неся отпечаток той искренности, которую сообщает подлинность, позволяет нам почувствовать наслаждение, испытываемое им при виде любимой им сельской ме-

¹ Катулл, 31, 1—4. Перевод С. Шервинского.

стности. Размытые контуры холмов возбуждают его воображение. Он блуждает по равнине, где в реках плавают белоснежные лебеди, где плодородные поля, разделенные живыми изгородями, питаются водами ручьев, где какой-нибудь крестьянин, подобно Мелибию, «прививает груши, рассаживает лозы». Вся поэзия Вергилия наполнена подобными сельскими сценками: пастух тащит козу, которая «только что скинула двойню, стада надежду»; жнец, истомленный изнуряющей жарой, «в тени шелковистого бука» ест «чабер и чеснок, душистые травы»; садовод «под высокой скалой, на приволье», поет свои песни, а ему вторят «голуби в роще и неустанно стенает на соседнем горлинка вязе». Без труда можно представить поэта, медленно погружающегося в мистическое время сумерек, когда все фибры души пропитываются чарами наступающего вечера. «Уж в отдаленье... задымились сельские кровли, и уж длиннее от гор вечерние тянутся тени». А «в доме у нас и очаг, и лучины смолистое пламя жарко горит»; там ждут крестьянина его жена и «милые детушки», которые повиснут у него на шее, осыпая его поцелуями.

Несомненно, Вергилий выражал то, что другим достаточно было чувствовать, ибо все эти крестьяне, приходившие на протяжении веков искать прибежища в Рим, теснившиеся там в сдающихся внаем домах, хранили в глубине души тоску о полях, о своей ферме, какой бы маленькой и бедной она ни была, о том месте, где вся семья собиралась вечером вокруг Лар и Пенат вместо того, чтобы рассеяться и потеряться в огромных, лишенных какого бы то ни было лица городских домах.

Часто римляне — как самые бедные, так и самые богатые — уезжали навестить свою родную провинцию — конечно, при условии, что там было кого навещать. Римляне вообще путешествовали много и часто — скорее для удовольствия, чем из обязанности. Античная жизнь, очень централизованная, много раз в году давала повод приехать в Рим: или для участия в играх во время какого-нибудь праздника, или для участия в ежегодных выборах магистратов, проходивших летом. Но поводы для путешествия могли быть и другими. По-

литики любили ездить по Италии: они посещали своих клиентов и пытались завоевать себе голоса на предстоящих выборах. В то время существовал уже и туризм в нашем смысле этого слова, а медлительность транспортных средств совершенно не обескураживала путешественников. Разумеется, столь дорогое удовольствие могли доставить себе только самые богатые. Особенно в моде были несколько мест: летом высшее общество посещало Тибур, Пренесту или Тускулум; зимой огромным успехом пользовались Тарент и Байский залив. В прибрежных городах отмечался такой упадок нравов, что Цицерон писал: «Ни один институт предков не может там сохраниться неизменным».

Любовь к путешествиям заставляла граждан позабыть о своем долге. Военные трофеи и импорт, стимулирующей потребностью в роскоши, а также само очарование этих мест порождали искушение отдалиться расточительности и праздности. Общественное мнение запрещало добродетельной женщине ездить, например, в Байи — дабы не потерять свою добродетель. Жизнь на этих курортах по преимуществу протекала по ночам. Днем приезжие отдыхали, а с наступлением вечера все оживало. Бухты заполнялись многочисленными разукрашенными лодками с элегантными красавицами. Носовая часть лодок была посеребрена или позолочена. Весла блестели перламутром и серебряными пластинами. Паруса из пурпурного и белого, очень тонкого льна смущали взор эротическими фигурами. На маленькой мачте на корме развевалась на ветру длинная полоска ткани. Галантные дамы и кавалеры ужинали на воде, слушали музыку, распевали похотливые песенки, в это время на суше некоторые особо пылкие красавицы забывались в объятиях какого-нибудь случайного любовника. Марциал назвал Байи «брегом золотым счастливой Венеры».

Но при том Байи был курортным городом. В моду входили термальные воды. Многие врачи прописывали эти спасительные поездки для здоровья тела — но, увы, душевное здоровье там терялось! (Между прочим, именно в Байи император Август каждый год лечил воспаление седалищного нерва.) «Там наслаждению

предаешься от всего сердца, — писал Сенека, — там словно само место требует вести себя разнузданно... Эти пьяницы, блуждающие по берегу, гребцы в лодках, оглашающие пением и музыкой бухту, и все эти безумные наслаждения, нарушающие всякий закон, — разве это необходимо?» Похоже, да, поскольку курортные города служили настоящими храмами наслаждений. Клиентура в них самая разнообразная, и часто бывает, что рядом с военными, приехавшими излечить свои раны или настоящими больными оказывались люди совершенно здоровые, приехавшие лишь для того, чтобы, наоборот, растратить свое здоровье. Так ведут себя и те, кто приезжает на трехнедельное лечение и останавливается в более или менее комфортабельных гостиницах, и те, кто на своей великолепной вилле или на вилле друга живет на курорте весь сезон.

В моде были и более далекие поездки. Уже в эпоху Античности существовали путеводители, содержавшие сведения о крупных, наиболее посещаемых городах. Семь чудес света, Греция, Малая Азия (особенно Смирна и Эфес), острова Делос, Кипр, Самос, Родос, а также Сицилия, Галлия, Египет были среди мест, наиболее посещаемых богатыми путешественниками, которые не упускали случая нацарапать свое имя на исторических памятниках. Император Адриан был в числе таких путешественников. Страсть императора к путешествиям была столь велика, что его упрекали за то, что он слишком часто уезжал из Рима. Между 124 и 134 годами он посетил Галлию, Бретань, Испанию, Мавританию, Грецию, Сицилию, Малую Азию, Сирию, Аравию и Египет. Его вилла в Тибуре сохранила воспоминания об этих многочисленных путешествиях.

Путешествовали конечно же по-разному. Для бедняка транспортным средством служил мул (магистраты также располагали мулами для официальных поездок). Одетый в тунику, плащ с капюшоном и шляпу с широкими полями, путешественник проезжал в среднем 30 километров в день. Только самые бедные путешествовали пешком, но это было редкостью: римляне ненавидели ходьбу! На лошади можно было преодолеть от 60 до 65 километров в день. Требовалось от

восьми до девяти дней, чтобы добраться из Бриндизи до Рима, а Цезарь из Рима добрался до Роны за восемь дней. Цицерон утверждал, что курьер мог преодолеть за одну ночь почти 100 километров. Экипажи, естественно, были не такими быстрыми: все зависело от числа лошадей. В основном использовалось от одной до четырех, но могло быть и больше: Светоний сообщает об экипаже, запряженном десятью лошадьми. Надо отметить, что римляне не знали хомута, появившегося только в Средние века. Простая шлейка, пропускавшаяся под грудью лошади, позволяла животному тянуть груз с наименьшей нагрузкой, и все же вес даже самых больших повозок не мог превышать 500 килограммов.

Существовало множество разновидностей двухколесных экипажей, маленьких — быстрых и легких кабриолетов для пассажиров без багажа с откидным верхом, влекомых двумя мулами. Для более долгих поездок использовали четырехколесные повозки. Среди них были и роскошные, позволявшие даже спать в дороге, настоящие кареты. Можно было нанимать лошадей и экипажи на постоянных дворах или в особых пунктах проката. Когда богатые граждане путешествовали, случалось, что за ними следовал целый кортеж со множеством повозок для перевозки посуды и мебели, а также эскорт. В поезде Нерона никогда не бывало меньше тысячи повозок. Люди состоятельные также использовали носилки или портшезы, мода на которые пришла с Востока. Разлегшись или сидя среди подушек, защищенный от нескромных взглядов занавесками, путешественник продвигался с комфортом, не спеша, с помощью двух, четырех или восьми рабов, одетых в ливреи ярких цветов.

Сеть дорог во времена Империи охватывала всю Италию. Всего насчитывалось тридцать дорог, состояние которых варьировалось в зависимости от эпохи и района. Разумеется, одновременно использовались не все дороги, и иногда дожди или половодье прерывали движение. Вот почему римляне часто пользовались водными путями, по крайней мере, в период навигации, то есть с апреля по октябрь.

Путешествия длились много дней, а в пути необходимо было спать. Вдоль дорог располагались постоянные дворы, в которых мог отдохнуть путник, не имевший возможности остановиться у кого-нибудь из своих друзей. Могло случиться, что на постоялом дворе останавливалась какая-нибудь важная персона, подобно будущему императору Вителлию, который к тому же даже не имел денег. Хозяева постоянных дворов старались привечать клиентов и даже предлагали им утром завтрак. Но в основном на постоянных дворах останавливались граждане среднего достатка, торговцы, погонщики мулов. Условия там были весьма посредственными, если не сказать больше. Иногда постояльцам самим приходилось готовить себе пищу, а некоторые привозили с собой свою посуду. Дело в том, что еда на постоялых дворах была плохой. Гораций, остановившийся в Ариции по пути в Бриндизи, «от несвежей и мутной воды повздорив с желудком», предпочел лечь спать не поужинав. Но обстановка там была веселой, особенно когда «лодочник пьяный с погонщиком нашим / Взапуски петь принялись про своих далеких подружек / Вскоре один захрапел; а другой зацепил за высокий / Камень свою бечеву и мула пустил попастися, / Сам же на спину лег и спокойно всхрапнул, растянувшись»². Спокойно поспать удавалось редко: путешественника одолевали мошкара, блохи, ящерицы, ядовитые пауки. Комфорт в комнатах отсутствовал, но дверь закрывалась на ключ или задвижку. Кровать, подсвечник и матрас, зачастую набитый соломой, — вот вся обстановка.

Римляне из высшего общества, обладающие некоторым состоянием, редко останавливались на постоянных дворах. Как правило, они располагали виллами или, по крайней мере, временными пристанищами, служившими им убежищем на время путешествия. Так, кроме домов в Риме у Цицерона было не менее восьми резиденций: фамильный дом в Арпинуме, дом в Тускулуме, а в Кампании виллы в Форми, Антинуме, Помпеях, Куме — это наиболее известные. Цицерон не входил в число самых богатых граждан своего времени; у других бо-

Гораций. Сатиры, I, 5.

гатых людей домов было не меньше. Тускулум являлся одним из этапов на пути в Рим, так же как Арпинум, а кампанийские виллы Цицерона располагались на пути из Арпинума, что позволяло ему ночевать только в собственных домах, когда он посещал свои частные владения в Кампании. Для путешествий в других направлениях Цицерон располагал десятком временных пристанищ, более скромных, чем вышеперечисленные дома. Плиний Младший, чьи письма остаются для нас ценнейшим источником, поступал подобно Цицерону: он, не колеблясь, покупал дом, расположенный на полпути к одной из своих вилл, чтобы иметь возможность переночевать в нем, отправляясь в свои владения. Разумеется, эти богатые римские путешественники имели дома не на каждом направлении, а только там, куда ездили чаще всего.

Широко был распространен закон гостеприимства. Путешественник мог остановиться у какого-нибудь родственника или друга. Мог он также остановиться и у друзей своих друзей, представив рекомендательное письмо. Прием был всегда самый радушный. В одном из своих писем Плиний рассказывает, как его принимали у тещи. Он предупредил о своем приезде простой запиской. По приезду его ожидала баня. Все рабы были к его услугам и столь почтительны, что он чувствовал себя как дома, на одной из своих собственных вилл. В другой раз он рассказывает, как был принят в доме своего друга, к сожалению, на тот момент отсутствовавшего. Но оказанный ему прием был таким теплым, как если бы присутствовал сам хозяин. «Тебя нет, но переселился ты сюда целиком. Столько городской и деревенской снеди нанесли мне от твоего имени. Хоть это и бессовестно, но я все взял: и твои меня просили взять, и я побоялся, что, если не возьму, ты рассердишься и на меня, и на них»³, — благодарил он в письме своего друга. В свою очередь, Плиний никогда не забывал пригласить хозяина, чтобы тот мог насладиться его гостеприимством.

Начиная с конца Республики, но особенно в период Империи, загородная вилла становится настоящим раем для наслаждений. Изначально слово «вилла» означа-

³ Письма Плиния Младшего, VI, 28.

ло ферму сельскохозяйственного назначения, часто управлявшуюся экономом, которую посещал хозяин, наблюдая за правильным использованием своих земель. Постепенно богатые городские собственники начинают приезжать в деревню в поисках отдыха и развлечений. Ферма обзаводится домом, предназначенным для хозяина и более роскошным, чем остальные строения. Потом забота об обработке земли отходит на второй план, и самые богатые из римлян строят на фермах великолепные дворцы, где в полной мере наслаждаются прелестями бытия. Однако римлянин не забывал и о первом предназначении фермы, и вилла включала в свой состав сельскохозяйственные угодья.

На протяжении веков эти дома становятся все более и более роскошными. Но назначение их остается неизменным и свидетельствует о все той же любви римлянина к природе. В то время как римский дом, как мы видели, остается полностью замкнутым, оставляя открытым лишь маленький внутренний атриум, вилла все более открывается навстречу окружающей ее природе, саду, широким бухтам. У ее обитателей создается впечатление, что они полностью открыты миру, имея над головой лишь крышу, защищающую от солнца и дождя. Главную роль в концепции дома играет ориентация по солнцу. На первое место выходит сад, а вместе с ним и перистиль. Атриум отодвигается на второй план, и часто именно через перистиль попадают на виллу. Эта тенденция становится заметной уже в республиканскую эпоху даже в самых скромных домах. Вилла, которую имел в Сабине благодаря Меценату Гораций, являет такой пример. Она хотя и не слишком большая, но ориентирована таким образом, что одно крыло дома заливало солнце, в то время как другое погружено в приятную тень. Большой, в две с половиной тысячи квадратных метров, сад был огражден криптопортиком — большой крытой галереей шириной больше трех метров, позволявшей прогуливающимся там в любое время находиться по желанию то в тени, то на солнце. О том же позаботился Цицерон, когда пытался перестроить старый фамильный дом, чтобы придать ему надлежащие блеск и комфорт. В письмах, адресованных брату, он настаивает на сохранении сада и на

изменении его планировки, позволяющей наслаждаться прохладой с наибольшим комфортом.

В самом деле, естественное, природное обрамление остается очень важным, и пейзаж играет первостепенную роль в наслаждении, которое получает владелец такой роскошной виллы. Это поистине жемчужина, помещенная в естественную среду. Гораций уже обрел «необширное поле, / Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник, / К этому лес небольшой!». Амфитеатр холмов, море, река являются элементами идеального обрамления. Подробно описывая одну из двух своих вилл, Плиний все время возвращает своего читателя к природному ее окружению. Так он представляет свое владение в Тоскане:

«Общий вид местности прекрасный: представь себе огромный амфитеатр, такой, который может придумать только природа. Широко раскинувшаяся равнина опоясана горами, вершины которых покрыты высокими старыми рощами. Охота там занятие обычное, дичь разнообразная. Дальше спускаются по горе леса, откуда берут листья на корм скоту; между ними холмы с жирной почвой (если даже будешь искать здесь камни, вряд ли они попадутся), плодородием не уступающие полям на равнине; обильная жатва тут ничуть не хуже, только вызревает позднее. Ниже по всему боковому склону сплошные, широко и далеко раскинувшиеся виноградники представляют вид однообразный; по краю они как бы окаймлены деревьями, по которым вьются лозы. Дальше идут луга и поля — поля, которые могут поднять только очень крупные вола и самыми крепкими ралами; при первой вспашке из вязкой земли выворачиваются такие глыбы, что совсем их измельчить удастся только при девятой. Луга в пестрых цветах с клевером и другими нежными травами, всегда мягкими, словно весенними: их питают непересыхающие источники, но даже там, где воды много, болот не бывает. Земля здесь со склоном, и вся вода, которую она получает, но не впитывает, стекает в Тибр. Он пересекает поля, судоходен, и по нему везут в Рим и зерно, и плоды, но только зимой и весной; летом он мелеет, русло у него высыхает: назвать его полноводной рекой в это время нельзя, но по осени

опять можно. Ты получишь большое наслаждение, если оглядишь всю эту местность с горы; тебе покажется, что ты видишь не просто земельные угодия, а картину редкой красоты: куда ни обратишь глаза, они будут отдыхать на этом разнообразии, на этой упорядоченности»⁴.

Важное место в окружающем виллу пейзаже занимала вода. Река, озеро, море привлекали римлян своей поэтической красотой и прохладой. Цицерону нравилось, что его вилла в Арпинуме расположена в месте слияния двух рек. У Плиния было две виллы на берегу озера Комо, а Катулл любил свою виллу в Сирмионе, расположенную на краю полуострова, вдававшегося в озеро Гарде. Сенека писал как-то: «До каких пор не будет у твоей виллы озера или источников, избыточно омывающих твой сад?» Самыми многочисленными были виллы на берегу моря, особенно в Кампании или в Байском заливе, где римские богачи «погружали в море мраморные стены своих дворцов; обширные портики смотрелись в голубые волны; в них жили мраморные боги под сенью рощ с блистающей листвой».

Марциал воспевает счастливое пребывание в Формии:

Фетиду бороздит здесь ветерок мягкий,
Не дремлют волны, но живая гладь моря
При легком дуновенье челн несет пестрый;
Прохладой веет тут, как будто бы дева
Полой пурпурной машет, не любя зноя;
Добычи в море леска здесь не ждет долго,
Но лишь закинь ее с постели иль с ложа,
Уж сверху видно: тащит в глубь ее рыба¹.

Это ли не настоящий рай?!

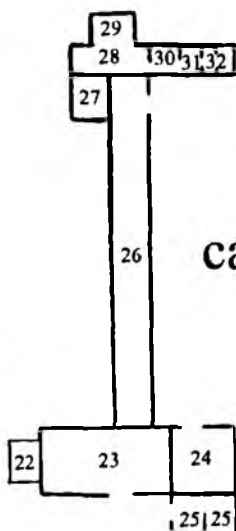
Сейчас мы вместе с Плинием совершим обзорную экскурсию на его виллу в Лавренте. В своем описании автор углубляется в многочисленные детали, могущие показаться скучными. Тем не менее воспользуемся этими сведениями, выданными нам в беспорядке, а также археологической реконструкцией дома, по крайней мере, гипотетической. Воспроизводимый нами план представляет одну из таких реконструкций.

¹ Письма Плиния Младшего, V, 6, 7—13.

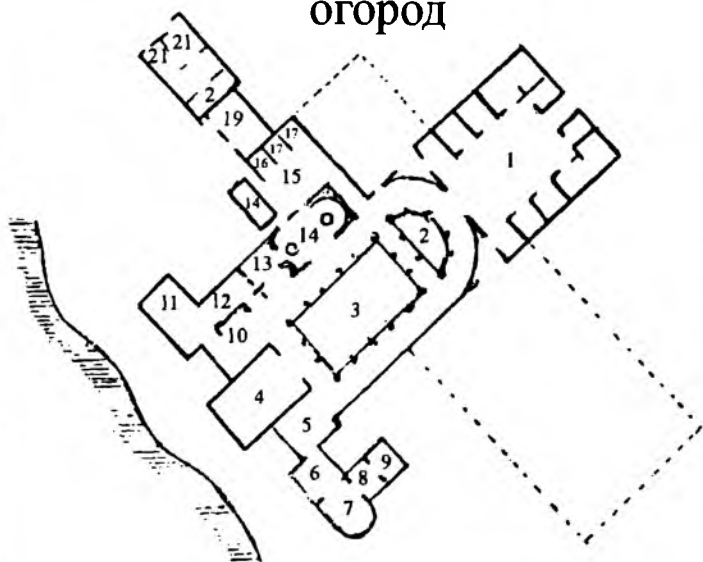
Марциал. Эпиграммы, X, 30, 11—18.

терраса

сад

огород

В виллу входят через простой, но элегантный атриум (1). Затем идет маленький дворик в форме буквы D, обрамленный колоннами (2). «В плохую погоду нет убежища лучше — от нее защищают рамы со слюдой, а еще больше нависающая крыша». Дальше идет «веселый перистиль» (3), а за ним «красивый триклиний (4), выдвинутый вперед к побережью. Когда при юго-западном ветре поднимается волнение, то последние волны, разбиваясь, слегка окатывают триклиний. У него со всех сторон есть двери и окна такой же величины, как двери: он смотрит как бы на три моря». Через портик и атриум видны «леса и дальние горы». Рядом с обеденным залом расположены две спальни (5 и 6), из которых меньшая (6), выходящая на море, насчитывает два окна: в одно заглядывает восходящее солнце, в другое — закатное. «Угол между стеной этой комнаты и стеной триклиния залит полуденным солнцем; нагретые стены еще увеличивают жару. Тут мои домашние разбивают зимний лагерь. Здесь никогда не чувствуется ветер, и надвинувшимся тучам надо совсем затянуть ясное небо, чтобы они оттуда ушли». Другая комната (7) закруглена «в виде абсиды, солнце, двигаясь, заглядывает во все ее окна»; именно в ней Плиний хранил в библиотеке труды, посвященные учебе. Этот уголок дома включает также комнаты, предназначенные для рабов. С другой стороны обеденного зала расположены другие комнаты (10, 11, 12), великолепно ориен-

Рисунок 2. План виллы Плиния Младшего. Реконструкция Виннефельда:

1 — Атриум (4); 2 — дворик в форме буквы D (4); 3 — внутренний двор (5); 4 — обеденный зал (5); 5 — большая спальная комната (6); 6 — малая спальная комната (7); 7 — комната, заканчивающаяся аркой (8); 8 — надстроенный пассаж (9); 9 — комната (9); 10 — изящно декорированная комната (10); 11 — большая комната (10); 12 — комната с прихожей (10); 13 — холодная баня (11); 14 — туалетная комната (11); 15 — комната отопления (11); 16 — парильня (11); 17 — две маленькие комнаты (11); 18 — бассейн (11); 19 — зал для игры в мяч (12); 20 — башенка (12); 21 — комнаты на первом этаже башенки (12); 22 — другая башенка (13); 23 — амбар (13); 24 — обеденный зал (13); 25 — две комнаты, соединенные с башенкой (15); 26 — крытая галерея (16); 27 — в павильоне: солнечная парильня (20); 28 — комната (20); 29 — ниша (21); 30 — ночная комната (22); 31 — маленькая комната для отопления (23); 32 — комната с прихожей (23).

Цифры в скобках соответствуют цифрам в письме Плиния (II, 17).

тированные и защищенные от ветра, из которых в одной (11) особенно «светло и от солнца, и от моря». Это «комната с прихожей, летняя по своей высоте и зимняя по своей неприступности ветру». Затем идут роскошные бани. Сперва попадаешь в «просторный фригидарий (13) с двумя бассейнами, которые, круглясь, словно выступают из противоположных стен. Если принять во внимание, что море рядом, то они даже слишком вместительные». Затем идут туалетная комната (14) и комната с отоплением (15), парильня (16), обрамленная двумя комнатками, «отделанными скорее со вкусом, чем роскошные» (17). Простота не исключает роскошь: «Тут же чудесный бассейн с горячей водой (18), плавая в котором, видишь море. Недалеко площадка для игры в мяч, на которой очень жарко даже на склоне дня». За залом для игры в мяч возвышается башенка (20), на вершине которой находится зал для вечерней еды с видом на море, берег и расположенные на нем многочисленные виллы. В саду другие здания (амбар, комнаты, триклиний, удаленный от яростного моря, и длинная крытая галерея для прогулок, чтобы укрыться от палящего солнца) дополняют этот уже немаленький ансамбль⁶.

В таких роскошных домах имелось несколько обеденных залов разного назначения. Существовали триклинии летний и зимний, просторные залы для больших приемов и маленькие для интимных ужинов. Их декор варьировался в зависимости от их назначения, а подававшиеся там блюда иногда могли повторять декор или наблюдаемый из окон пейзаж. Таким образом, наслаждения для глаз сочетались с наслаждениями гастрономическими.

К тому же все эти комнаты были богато украшены фресками и мозаиками с мифологическими и сельскими сценками или пейзажами. Часто декор комнаты учитывал открывавшийся из окна вид, являвшийся, таким образом, в некотором роде продолжением интерьера виллы. Комнаты отдыха также были очень важны: они предназначались для расслабления или послеобе-

⁶ Письма Плиния Младшего, II, 17.

денного сна, во всяком случае здесь не разговаривали и не читали. Нередко они выходили в парк, в маленькие павильоны, соединявшиеся между собой длинными крытыми галереями, позволявшими попадать в них, не подвергаясь воздействию слишком жаркого солнца. Что касается библиотеки, то это была необходимая на вилле комната, знак богатства; начиная с конца Республики, она служила также рабочим кабинетом. И, наконец, бани до мельчайших деталей предлагали все то же, что и большие городские бани, с их раздевалкой, холодным, теплым и горячим залами и часто бассейном с подогретой или холодной водой на свежем воздухе, к которому примыкала палестра, спортивная площадка. Все эти комнаты естественно выходили на широкие террасы и портики, служившие при прогулках убежищем как от солнца, так и от дождя.

Прогулка была излюбленным занятием богатых граждан на их сельских виллах. Весь садовый пейзаж способствовал тому, чтобы радовать взор прогуливающегося. Описывая свои виллы, Плиний много времени уделяет садам. Конечно, он упоминает также и огород, являвшийся необходимой частью виллы и изначально служивший единственным обрамлением сельского дома, но сад для развлечений занимает первое место. Вот как он описывает свой ипподром — не то место, которое предназначалось для скачек лошадей, а разновидность парка в форме ипподрома, где прохлада под сенью деревьев сочетается с прохладой, даримой многочисленными фонтанами:

«Эта планировка и эти удобные помещения ничто перед ипподромом. Он весь на виду, и вошедшие сразу и целиком охватывают его взглядом. Он обсажен платанами, а их увивает плющ, и они зеленеют своей листвой вверху и чужой внизу. Плющ пробирается по стволу и ветвям и, перекидываясь с дерева на дерево, соединяет платаны; между ними низенький букс; букс с наружной стороны обсажен лаврами, добавляющими свою тень к тени платанов. Прямая широкая дорожка вдоль ипподрома в конце его изгибается по полукругу; его окружают кипарисы; от них ложится густая черная тень; дорожки, идущие внутри кругами, залиты светом;

тут растут розы, тут прохладно в тени и приятно на солнце. Кривая дорожка, опоясывающая пестрое многообразие этого полукруга, выпрямляется, но теперь она уже не одна: множество дорожек идет внутри ипподрома, отделяясь одна от другой буксом; тут в одном месте лужайка, в другом посадки букса, подрезанного на множество ладов: иногда в форме букв, из которых складывается имя хозяина или искусника-садовода; тут он стоит в виде милевых столбов; там ему придан вид фруктовых деревьев: в изысканнейшем парке вдруг появляется некое подобие деревенского сада. Посередине украшением ипподрому служат посаженные с обеих сторон низенькие платаны. За ними волнами ходит гибкий аканф, затем букс, подрезанный во множестве разных форм и имен. Там, где начало ипподрома, беседка с мраморной белой полукруглой скамьей; ее затеняет виноградная лоза, которую поддерживают четыре колонки каристского мрамора; из скамьи, словно под тяжестью возлежащих, по трубочкам течет в каменную чашу вода; чаша вделана в изящную мраморную доску стола; вода, регулируемая скрытым механизмом, наполняет ее, никогда не переливаясь через край»⁷

Вся садовая архитектура, возведенная вокруг вилл, чаще всего была навеяна греческими традициями. Камень гармонично сочетался с зеленью. Эта гармония и по сей день еще заметна в развалинах. Один из авторов рассказывает нам об аллее, обрамленной яблонями, в которой между каждой парой деревьев стоит маленькая пирамида. Часто природа имитирует камень, а камень принимает форму какого-нибудь природного элемента, словно природа и камень поменялись местами. В описанной выше беседке Плиний любит есть. Сами блюда помещаются в плавающие вазы в форме водоплавающих птиц и кораблей... Садовник становится настоящим художником: он разбивает аллеи, где деревья посажены очень близко друг к другу, роши, цветочные партеры, перголы. Путем стрижки самшитов и кипарисов создавали многочисленные фигуры и

⁷ Письма Плиния Младшего, V, 6, 32—36.

скульптурные группы. (Эта «кустарниковая скульптура» являлась изобретением одного всадника эпохи Августа.) Прогуливающийся мог увидеть жанровые сцены, сцены охоты или инициалы хозяина. Повсюду предлагают приятную тень деревья: пинии, смола которых в изобилии украшает ветви маленькими белыми шариками, образующими, по словам Горация, колонны жемчужин, фиговые деревья и особенно платаны, привезенные из Азии, о которых Плиний говорил, что они смягчают солнечные лучи летом и концентрируют их зимой. Эти природные ландшафты человек заставил подчиниться своей воле. Иногда за каким-нибудь кустом прогуливающийся обнаруживал маленький искусственный грот из шлифованного камня, посвященный Музам, или бюст Приапа, покровителя садов, которому обычай приписывал держать косу, палку или ивовый прут, чтобы отгонять воров. Весной его увенчивают цветами, летом венком из злаков, осенью он украшен грушей или виноградом, а зимой — зелеными оливками. Слабым местом римских садовников было цветоводство: они много потрудились в культивировании мирта, самшита, плюща и даже карликовых деревьев, платанов и кипарисов, которые выводили, чтобы благоустроить небольшие пространства, но не могли создавать огромные цветочные массивы, модные сегодня. Они выращивали фиалки, маки, гвоздики, ноготки, нарциссы, гиацинты, белые лилии, но не знали искусства цветочных композиций. Они также любили розы, особенно розы из Пренеста и Пестума, цветущие 2 раза в год.

Все эти сады были бы невозможны без большого количества воды. Вода являлась важным элементом для комфорта и наслаждения. Мы уже видели, что владельцы вилл любили строить их на берегу моря или реки. Те, кто не имел такой возможности, устраивали дорогостоящие искусственные реки, которым они давали экзотические названия, например Эвпир или Нил. Случалось даже, что с помощью хитроумной системы ванн хозяин дома мог создавать на своих искусственных водоемах бури, приливы и отливы. Самые простые и распространенные водопады и фонтаны являлись обя-

зательным элементом сада и помимо слухового и визуального наслаждения дарили не менее необходимую свежесть. Продолжая описание своего ипподрома, Плиний пишет:

«Тут есть фонтан, вода в котором то появляется, то иссякает. В парке повсюду расставлены мраморные скамьи, на которых, устав от ходьбы, отдыхают, как в спальне. Около скамей фонтанчики. По всему ипподрому журчат ручьи, текущие туда, куда их направила рука садовника; они поливают то одну часть парка, то другую, а иногда весь парк целиком».

Как тут не вспомнить о Лукреции, говорящем о счастье разлечься на «цветочном ковре» с друзьями возле веселого ручейка «под сенью могучего дерева»?! Постепенно эти обширные парки оказываются в окружении интеллектуальной, религиозной и почти философской ауры. Сад становится естественной демонстрацией своего желания наслаждаться бытием. Но это не только театр для наслаждения, но также элемент престижа. Загородные сады испытали на себе влияние великолепных царских резиденций греческих городов. Римскому народу, завоевавшему другие народы, приходится культивировать садоводческое искусство, признаваемое первым проявлением умения жить в роскоши. Вилла, которую приказал построить император Адриан в Тибуре, является самым ярким тому примером. Так как император много путешествовал, он хотел сохранить на своей вилле воспоминания о тех странах, которые ему больше всего нравились. Здесь были Ликей, Академия, Пританей, Каноп, Пойкиль, Темпейская долина⁸ и даже Аид в миниатюре. Чтобы соединить эти места, расположенные довольно далеко друг от друга, были устроены особые ходы или криптопортики.

⁸ Ликей — сад в окрестностях Афин с алтарями Муз, Зевса, служивший местом для прогулок и гимнастических упражнений; здесь в свое время учил Платон. Пританей — здание у подошвы Акрополя, в котором кормили за государственный счет заслуженных граждан и иностранных послов. Каноп — египетский город в устье Нила, здесь был замечательный храм с оракулом. Пойкиль — картинная галерея в Афинах. Темпейская долина — долина в Фессалии, между Олимпом и Оссой, орошаемая рекой Пенеем.

Некоторые археологи считают, что вилла занимала пространство в 10 километров. Мрамор там использовали так щедро, что и до сих пор вся почва покрыта им. Трудно представить себе совокупность зданий более роскошных и более разнообразных и пестрых: они представляют собой невероятную смесь портиков, перистиллий и других построек всяких форм и размеров. Купола больших залов, круглые своды экседр чередуются с треугольными фронтонами храмов, а над крышами высятся башни и террасы, осененные виноградными беседками. В императорском доме находились бани, библиотека, два алькова, в каждом из которых находилось ложе для отдыха: одно, ориентированное на запад, принимало утреннее солнце; второе, ориентированное на восток, принимало солнце послеполуденное... Кроме того, на вилле были одеон⁹ и два театра: один для представления греческих пьес, другой — для латинских, площадка для гимнастических упражнений, библиотека и зал для публичных чтений. Все эти здания утопали в цветущей растительности.

Важная роль в наслаждениях, культивируемых на этих роскошных виллах, была отведена животным. Павлины, голуби, куропатки, фазаны, утки и даже попугаи оживляли рощи своим щебетом и криками. Некоторые богатые собственники строили вольеры, как, например, Лукулл, этот утонченный гурман, который приказал устроить на своей вилле в Тускулуме обеденный зал в центре вольеры, «где мог вкушать изысканные блюда и одновременно любоваться не только жареными и разложенными на блюде дроздами, но и другими, сидящими и летающими по клетке». Другие устраивали у себя на вилле обширные загоны, где выпускали на свободу животных. Так, Гортензий Квинт на своей вилле около Лаврента имел заповедник площадью более 12 гектаров. Там находилась беседка, предназначенная для приема пищи. По требованию хозяина раб играл на трубе, и гостей тут же окружали олени, кабаны и другие копытные... Некоторые собственники занима-

Одеон (*зр.*) — здание, предназначенное для музыкальных и поэтических состязаний.

лись выращиванием рыбы в садках, особенно на виллах на берегу моря. Бассейны достигали иногда невероятных размеров и были снабжены шлюзами, подземными галереями, позволявшими обновлять морскую воду и в то же время не давать потоку воды унести рыбу в открытое море. Так было на вилле Лукулла в Павсилиппе. При Империи страсть к рыбоводству увеличивается. Теперь разводят усача, мурену, султанку. Некоторые дают своим рыбам имена и приставляют к ним специального раба, способного распознать каждую отдельную рыбу. Антония, жена Друза и невестка императора Тиберия, особо нежила свою любимую мурену. Она даже надевала на нее ушные подвески, собирая множество любопытных.

Но чаще богатые собственники вилл искали более тихих удовольствий. Обрести самого себя в уединении, посвященном размышлениям, а также вкушать истинную гармонию природы — таковы были наслаждения, получаемые от пребывания в сельской местности. Плиний бежал из шумного Рима:

«Удивительно, как в Риме каждый день занят или кажется занятым; если же собрать вместе много таких дней — окажется, ничего ты не делал. Спроси любого: “Что ты сегодня делал?” — он ответит: “Присутствовал на празднике совершеннолетия, был на сговоре или на свадьбе. Один просил меня подписать завещание, другой защищать его в суде, третий прийти на совет” Все это было нужно в тот день, когда ты был этим занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: “Сколько дней потратил я на пустяки!”

Так бывает со мной, когда я в своем Лаврентийском поместье что-то читаю или пишу, или даже уделяю время на уход за телом: оно ведь поддерживает душу. Я и не слушаю и не говорю того, в чем пришлось бы потом каяться; никто у меня никого не злословит; никого я не браню, разве что себя за плохую работу; ни надежда, ни страх меня не тревожат, никакие слухи не беспокоят; я разговариваю только с собой и книжками. О правильная, чистая жизнь, о сладостный, честный до-

сут, который прекраснее всякого дела! Море, берег, настоящий уединенный храм муз, сколько вы мне открыли, сколько продиктовали!»¹⁰

Эта радость жизни в деревне была знакома и Цицерону. При малейшем удобном случае он уезжал из Рима, чтобы отправиться на одну из своих вилл. Разумеется, как деловой человек он не мог надолго покидать Рим. Но он всегда испытывал глубокое счастье, оказываясь на природе. В письмах, адресованных своему другу Аттику или своей семье, он говорил об этом. Выросший в деревне, он сохранил любовь к земле и природе. Здесь он вспоминал двух бившихся друг с другом петухов, там маленьких утят, спешивших по воде на зов матери. Он прославляет красоту виноградника, краснеющего и золотящегося под лучами солнца, или зеленые колосья, желтеющие, чтобы стать пшеницей, или бесконечное разнообразие полевых цветов, над которыми жужжат пчелы. Его дом в Арпинуме, больше чем другие, служил для него мирным прибежищем: здесь, на берегу рек, среди лесов он вновь возвращался в детство, узнавая ту тополиную аллею, где он и его брат Квинт часто бегали наперегонки. Он любит Арпинум: «Здесь я обретаю непонятное мне очарование, трогающее сердце». Это очарование — очарование полей, виноградников, фруктовых садов, рощ, ручьев, больших деревьев, хранящих секреты его детства. На другой его вилле в Формии атмосфера была совершенно иной; там он чувствовал себя важной римской персоной. Иногда подобная значительность разжигала его тщеславие, иногда давила, когда болтливые соседи досаждали ему своими деревенскими историями: «Их поля, дома, состояние — вот их единственная забота». Если же он хотел поработать, то отправлялся в Антинум. Впрочем, и там было очень красиво. «Всякий повод хорош для меня, чтобы ничего не делать». Слишком синее море, слишком красивые сады Антинума так и манили к праздности. По утрам он любил прочесть несколько страниц из какой-нибудь книги своей великолепной библиотеки. Этой библиотекой Цицерон

¹⁰ Письма Плиния Младшего, I, 9, 2—6.

очень гордился: она была не только прекрасно оснащена, но и великолепно украшена; «говорят, что мой дом имеет душу», — говорил он об этой комнате. Временами, поддавшись зову моря, великий оратор, надев широкополую шляпу, отправлялся поплавать на лодке с несколькими рыбаками. Ему нравилось считать волны. А великий Сципион получал удовольствие, возводя песочные замки с детьми. Но Цицерон страдал морской болезнью, и потому для рыбалки требовался полный штиль. На своих виллах в Кампании он любил наслаждаться созерцанием пейзажа. Иногда, едва вставало солнце, он отправлялся на маленьких носилках на побережье Неаполитанского залива. Он прогуливался по берегу, глядя на полет птиц в небе, а если приступал к диктовке новой книги, то старался устроиться перед большим оконным проемом, где ему было достаточно поднять голову, чтобы увидеть маленькие лодки, танцевавшие на освещенной солнцем морской глади. А сколько часов было проведено им с друзьями в бесконечных беседах под сенью пиний! Чтобы поужинать у кого-нибудь из друзей, следовало известить его об этом короткой запиской и отправляться на лодке провести приятный вечер в теплой компании. В Тускулуме наслаждение было более интеллектуальным: здесь климат менее располагал к безделью. Здесь Цицерон часто вставал еще до наступления дня, чтобы написать несколько писем при свете маленькой деревянной висячей лампы, дорогой его сердцу, потому что она была подарком брата. Днем основным занятием являлись чтение и дискуссия. Цицерон приказал устроить в саду два гимнасия, которые назвал Лицей и Академия в память о своем обучении в Афинах в юности. Там он принимал своих друзей, вел с ними жаркие политические и философские споры и наслаждался великолепным видом на долину. Воздух был напоен ароматом фиалок... Так текли счастливые и мирные дни, о которых мы читаем в его письмах, дающих нам образ утонченного и благостного наслаждения, далекого от ажиотажа большого города.

На виллах Цицерона вряд ли занимались физическими упражнениями. Другие владельцы предпочитали

более подвижные развлечения. Одним из самых распространенных была охота.

Охота как вид развлечения стала распространяться в Риме начиная со II века до н. э. под влиянием греческой знати. До этого охоту рассматривали исключительно как необходимость. Большие заповедники дичи появляются не ранее конца периода Республики. Одетые в короткую одежду и наброшенный на плечи плащ, гетры или полусапоги, колпак или широкополую шляпу, римляне отправлялись на охоту, вооружившись оружием или сетями. Техника охоты, особая для каждого вида дичи, сегодня могла бы показаться нам удивительной. Очень часто охотник натягивал большую сеть; затем загонщики с помощью веревки, размахивая ветвями и стуча в бронзовые вазы, пугали дичь, устремлявшуюся в сети. Оставалось только захлопнуть сеть. Оружие варьировалось от дротика и лука до рогатины, дубины и даже топора. Чтобы поймать животное, охотник пользовался веревкой с петлей, наподобие лассо. Иногда использовались собаки. Римляне выращивали особый вид пятнистых легавых, которых дрессировали подчиняться свистку и приносить убитую дичь или подранков. Иногда во время охоты на крупного зверя хозяева надевали на своих собак утыканные шипами подпруги: собака была защищена и одновременно сама ранила зверя. Верховая охота была принята в большей степени в период Империи, в ней использовались маленькие лошади из Северной Африки.

Излюбленной дичью римлян, особенно в окрестностях Рима, в Этрурии и Умбрии, были кабан и заяц. Помимо собак для того, чтобы поднять зайца, использовали домашних хорьков. Также охотились на птиц, используя при этом ловушки, силки и сети. Для ловли мелких и водоплавающих птиц использовали также хищных птиц.

Однако охота таила в себе и опасности. Апулей рассказывает о трагическом случае, произошедшем на охоте: были спущены собаки и поднят «огромный, невиданных размеров кабан, с мускулами, горою вздувающимися под толстой шкурой, косматый от вставших дыбом волос, колючий от поднявшейся по хребту щетины, скрежещущий покрытыми пеной зубами, извер-

гающий пламя из грозных глаз и рев из разинутой пасти, весь как молния в диком своем порыве». Собаки бросились в атаку, но зверь «ударами клыков направо и налево вспорол... животы слишком дерзким собакам, которые следовали за ним по пятам... затем растоптал... ничтожные сеточки и побежал дальше в том же направлении, куда бросился с самого начала». Охотники, «пораженные ужасом», пришли в себя и, схватив «рогатину и копые», «сели на коней и во весь опор пустились преследовать зверя. Но тот, не забыв природной силы своей, оборачивается и, пламенной горя жестокостью, стиснув зубы, на мгновение останавливается, оглядываясь и не зная, на кого первого наброситься». Один из охотников метнул свое оружие; другой попытался сделать то же самое, но копые попало в лошадь его товарища, разорвав ей поджилки задних ног. «Истекая кровью, животное опрокинулось и рухнуло навзничь, невольно сбросив при этом седока на землю. Не медлит неистовый вепрь, но, ринувшись на лежащего, раздирает ему сначала одежду, а когда тот хотел приподняться, — самому ему наносит клыком глубокую рану»¹¹.

Эта история контрастирует с юмористическим рассказом Плиния:

«Ты будешь смеяться — смейся, пожалуйста. Я — вот этот я, которого ты знаешь, взял трех кабанов — и превосходных. “Сам?” — спрашиваешь ты. Сам, пребывая, однако, в своей обычной спокойной неподвижности. Я сидел у тенет, рядом были не рогатины и копыя, а стиль и дощечки; я что-то обдумывал и делал заметки, чтобы вернуться домой, если и с пустыми руками, то с полными табличками. Не пренебрегай таким способом работы: ходьба, движение удивительно возбуждают душу, а леса вокруг, уединение, само молчание, требуемое охотой, побуждают к размышлению.

Потому, когда пойдешь на охоту, вот тебе мой совет: бери с собой не только корзиночку с едой и бутылку, но и дощечки: узнаешь, что Минерва бродит по горам не меньше, чем Диана»¹².

¹¹ *Апулей*. *Метаморфозы, или Золотой осел*, VIII, 4—5.

¹² *Письма Плиния Младшего*, I, 6.

Плиний мог позволить себе роскошь по-настоящему дачной жизни, полной комфорта и утонченных наслаждений. В отличие от бедняков, для которых деревенская жизнь была неизмеримо более сложной, чем жизнь в городе, богатым людям деревня предлагала множество радостей, даже по сравнению с Римом: они ничего не теряли из той роскоши, которой наслаждались в столице, но при этом могли осуществить свои самые безумные желания и посвятить свои дни исключительно наслаждениям — конечно, в зависимости от размеров их состояния. Таким образом, развитие наслаждений в деревне четко отражало разделение общества на два класса: класс работающих на земле и класс богатых собственников.

ЖЕНСКИЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Согласно традиционной точке зрения, римская женщина была далека от того, что мы связываем с понятием наслаждения. Само название «матрона», с которым олицетворяется римская дама, предполагает личность сильную и твердую, несколько властную, словом, хозяйку дома, посвятившую себя мужу и заботящуюся о достойном воспитании своих детей. Этот образ пришел к нам из самой Античности, и люди республиканской и имперской эпох обычно ссылались на подобную модель добродетели. Любой молодой римлянин знал историю Лукреции, жены Тарквиния Коллатина, которая во времена римских царей верно ждала своего супруга «вечером при свечах, занимаясь прядением», а став жертвой насилия Секста Тарквиния, предпочла убить себя, чем жить обесчещенной. А рядом с именем великих Гракхов всегда упоминалось имя их матери Корнелии, которая, овдовев, отказалась стать царицей, чтобы иметь возможность воспитать детей в чести и порядочности. Приводили в пример также «легендарных матерей» — Волюнию, мать Кориолана¹, и Аврелию, мать Цезаря.

¹ *Кориолан Гней Марций* — легендарный полководец и герой, который в 491 году до н. э. завоевал вольский город Кориолан. Требовал упразднения должности трибуна, боролся против плебеев, которые добились его изгнания. Бежал к вольским; с ними в 489—488 годах выступил против Рима, но не взял его, уступив уговорам жены и матери. За это вольски его убили.

Сохранилась погребальная стела, относящаяся приблизительно к 8 году до н. э. и дающая нам прекрасный пример супружеской преданности. Из надписи на ней следует, что муж Турии Лукреций сопровождал Помпея в Эпир во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем. Сама Турия во время этой войны потеряла своих родителей, убитых в сельском доме. Не думая о себе, она пожертвовала все свои богатства мужу, переслав ему тайно деньги и людей. Ей пришлось преодолеть многочисленные опасности и вступить в конфликт с собственной семьей, вознамерившейся аннулировать завещание ее отца, по которому она была единственной его наследницей. Она добилась признания завещания. Однако после убийства Цезаря имя Лукреция попало в проскрипции². Сам Лукреций находился в деревне. Турия успела предупредить его, умоляла вернуться в Рим, обещая его спрятать. Ночью Лукреций отправился в Рим с двумя верными рабами. Но случилось так, что у ворот Рима он встретился с выходившими из города солдатами. У него хватило времени лишь на то, чтобы спрятаться за какой-то могилой, где укрылась также банда кладбищенских воров, не гнушавшихся при случае ограбить и путников. В конце концов Лукрецию удалось добраться до дома своей жены. Некоторое время Турия прятала его в маленькой комнатке между крышей и потолком. Затем ей удалось вымолить у консулов прощение для мужа. Наконец супруги смогли жить в мире и покое, но у них не было детей. Турия сама предложила мужу оставить ее и жениться на другой женщине; она обещала относиться к детям, прижитым мужем в этом втором браке, как к своим и даже отказаться от наследства. Но Лукреций не развелся с женой, сказав: «Ты всегда была мне верной и преданной женой, доброй и милой с другими, общительной и радушной».

² Проскрипции — особые списки, на основании которых лица, попавшие в них, объявлялись вне закона. Всякий, кто убивал или выдавал этих людей, получал награду; имущество осужденного продавалось с аукциона.

Эта прекрасная история о супружеской верности и совершенной супружеской любви является тем более ценной, что она касается обычного человека, а свидетельства о жизни граждан из среднего класса очень редки. Она доказывает, что знаменитая римская добродетель существовала даже в те времена, когда, как отмечает в начале эпитафии сам Лукреций, были «редки прочные браки, не прерываемые разводом».

Долгое время римляне не признавали развод. Но в конце Республики он становится все более распространенным. Не только мужчина мог отказаться от жены, прогнав ее из своего дома, но и женщина могла вернуться в родительский дом. Развод стал простой формальностью еще и потому, что изменилась сама процедура заключения брака. Не вдаваясь в детали различных существовавших типов брака³, можно сказать, что в целом брак являлся прежде всего сменой отцовской власти над женщиной на власть супружескую. Муж в некотором роде покупал жену, приобретая над ней ту же власть, что имел отец над дочерью до дня ее свадьбы. Однако эта абсолютная власть, доходившая даже до права на убийство супруги, на протяжении веков все больше ослабевала. Характер брака менялся, и постепенно женщина получила возможность выйти замуж, не переходя под власть мужа: она оставалась под властью отца, причем тот имел право по собственному желанию разорвать брак, даже не спрашивая супругов! В этом было свое преимущество, поскольку женщина оставалась хозяйкой собственного состояния. А поскольку отец передавал управление этим состоянием опекуну, женщина понемногу получала некоторую свободу действий. Одним словом, имела место эманси-

Римляне различали полноправный и неполноправный брак. Первый возможен был только между римскими гражданами и допускал две формы: конфарреацию — торжественный религиозный обряд, совершаемый жрецами, при котором жених и невеста преломляли и вкушали хлеб из освященной муки (был принят только у патрициев); коемпцию — символический обряд купли невесты, предшествовавший или следовавший за изъявлением согласия на брак. В остальных случаях использовался обряд «введения в дом».

пация. Добавим к этому, что император Август, способствуя росту народонаселения, избавлял от опекуна мать троих детей. Впрочем, опекунство оставалось скорее правилом, хотя оно никоим образом не мешало эмансипации женщины, особенно когда опекун был молод. Марциал с юмором описывает одного из таких деловых людей, вечно отирающихся около чужой жены, «у кого на перстах крутятся легкие кольца / И у кого на ногах ни одного волоска», «кто неведомо что лепечет ей в нежное ухо, / Облокотившись рукой правой о стул госпожи...»

Чтобы лучше понять эмансипацию женщин в Древнем Риме, следует знать, что любовь и брак не зависели друг от друга. Конечно, было много счастливых браков, в которых присутствовала любовь, но сами условия заключения брака доказывают, что любовь не была чем-то обязательным. Как правило, брак заключали родители, а первое знакомство молодых происходило во время помолвки. Чаще всего юноша был еще очень молод, да и девушка могла не достигать брачного возраста, то есть двенадцати лет. Таким образом, на момент заключения брака новобрачная была еще подростком. А о какой любви могла идти речь, если муж, скажем, был стариком?

Для римлянина брак не был связан с наслаждением. Вот что говорил цензор Квинт Метелл в 130 году до н. э.: «Если бы мы могли обойтись без жен, каждый из нас воздержался бы, конечно, от женитьбы. Но природе угодно было устроить так, что мы с женами не можем прожить спокойно и счастливо, а без жен и совсем обойтись не можем. Мы должны в таком случае суметь пожертвовать личным интересом для блага общества». И он потребовал призвать граждан к вступлению в брак...

Ясно, что женщина не находила счастья в ведении домашнего хозяйства. Редко когда получалось так, как с Юлией, дочерью Цезаря, которую великий политик выдал замуж за Помпея, чтобы скрепить их политический союз: Юлии было 23 года, Помпею — 46, и между ними царила настоящая, глубокая любовь. Чаще случалось, что до дня свадьбы молодой человек не знал своей невесты. Как сказал Сенека: «Лошадь, осла,

быка, по крайней мере, осматривают, прежде чем купить; женщина — единственная вещь, которую берут не глядя». В подобных обстоятельствах трудно избежать безразличия в совместной жизни! История с Теренцией, супругой Цицерона, типична для того времени. Весьма посредственная, не слишком любезная, она имела состояние, в несколько раз превосходящее состояние мужа. Им занимался управляющий, которого сам Цицерон на дух не выносил. Когда возникала надобность, Теренция давала деньги мужу, но под проценты. Когда карьера оратора подошла к концу, Теренция оставила Цицерона — и это после тридцати лет совместной жизни! — чтобы вновь выгодно выйти замуж. Впрочем, и Цицерон утешился, также вторично женившись.

Итак, если исходить исключительно из юридического и нравственного значения брака, можно сказать, что женщина за счет исполнения своего супружеского долга приобретала некоторую свободу. Мужчина, чтобы основать семейный очаг, нуждался в законной супруге, обеспечивавшей государство будущими гражданами. Его потомки обязаны были хранить семейный культ и служить государству как в мирное, так и в военное время. Следовательно, первой целью брака являлось рождение детей. Пример подобной обязанности предоставляла и мифология. Так, Эней, влюбленный в Дидону, оставил ее, чтобы жениться на Лавинии, которую он не знал и, следовательно, не мог любить, — таков был его долг.

Катулл, лирический поэт, о котором еще пойдет речь ниже, обрел любовь вне брака. Он был человеком сильных страстей, и тем не менее он с полным уважением говорит о браке и о детях, появление которых есть прямое следствие вступления в брак:

Вскоре маленький пусть Торкват,
Потянувшись ручонками
С лона матери, радостно
Засмеется родителю,
Ротик полуоткрывши...
Пусть застенчивость матери
На лице его будет...

Так счастливой живи, чета,
Принося постоянные
Жертвы юности бодрой!¹

Юридическое развитие брака сделало возможной сексуальную свободу женщины. Общество не разрешало ей заниматься общественной деятельностью или политикой, и она обладала только этим средством, чтобы вырваться из-под любой опеки, особенно из-под опеки первого мужа, которого она не выбирала и который часто просто запирали ее в доме. Став свободной, она могла вторично выйти замуж, чем некоторые неоднократно пользовались.

С той поры как закон возродился Юлиев снова
И водворилась, Фавстин, в семьях стыдливость опять,
И тридцати-то еще не минуло полностью суток,
А Телесина пошла замуж в десятый уж раз.
Замуж идти столько раз не брак, а блуд по закону.
Меньше б я был оскорблен, будь она шлюхой, как есть².

Впрочем, это отнюдь не способствовало исчезновению или хотя бы сокращению супружеской неверности, о чем речь ниже.

Постепенно римская женщина приобретала вкус к общественной жизни. Ей нравилось появляться среди мужчин на Форуме, держать свой дом открытым для гостей или показываться в театре. Изначально подобную светскую жизнь вели куртизанки, а римская матрона, часто воспитанная самым суровым образом, не ведала всех этих публичных радостей. Завоевательная политика Рима, особенно на Востоке, облегчив жизнь, открыла для женщины наслаждения роскошью. Чтобы покорять мужчин, женщине следовало уметь украшать себя и быть сведущей в искусствах и культуре. Стремление к украшательству приобрело такие размеры, что пришлось принять закон, ограничивающий подобное сумасбродство: он был принят трибуном Оппием в 215 году до н. э. и запрещал носить материи, вышитые пурпуром или с пурпурными полосами, иметь на себе

¹ *Катулл*. Поэмы, 61. Перевод С. Шервинского.

² *Марциал*. Эпиграммы, VI, 7

более полуунции золота (13,3 грамма), а также ездить в экипаже в окруженном стенами городе, прежде всего в Риме, и его окрестностях на расстояние 1,5 километра, за исключением праздничных дней... Закон просуществовал 20 лет. Он появился во время кризиса, вызванного Второй Пунической войной. Но в 195 году до н. э., когда консулом был Катон и вновь вернулось процветание, женщины решительно вышли на улицы, демонстрируя свое недовольство и требуя себе право наряжаться. Они перекрыли все выходы с Форума, и никто, даже их собственные мужья, не смогли их удержать. Эта женская демонстрация сама по себе уже являлась актом эмансипации. Катон попытался помешать отмене закона. Он начал свою речь с высказывания, которое стбит того, чтобы поместить его здесь: «Женщин украшают не золото, не драгоценные камни, а стыдливость, любовь к мужу и детям, покорность и скромность». Он обращался прежде всего к мужьям, которые позволили погрязнуть свои права и свою власть: «Вы не сумели дома удержать своих жен в узде и вот теперь должны дрожать перед их толпой. Берегитесь, есть остров, имя которого я забыл, где женщины окончательно уничтожили весь мужской род». Но больше всего Катона поразило «бесстыдство», с которым появились на публике женщины. «Какая муха укусила вас, что вы бегаете по улицам и обращаетесь к людям, которых вы не знаете? Разве не могли вы поговорить дома со своими мужьями? Или, может быть, вы менее любезны в семье, чем в обществе? В обращении с чужими, чем с мужьями? Дайте волю, граждане, этой стремительной природе, этому неукротимому животному, а потом ждите, чтобы они остановились без вашей помощи и вмешательства!» Хотя женское честолюбие терпимо, их неистовство укротить невозможно. «Они хотят преимуществ, которые им запрещены, к их большому неудовольствию, нашими обычаями и законами. Они требуют свободы или, что вернее, свободных разговоров». Такова убежденность, к которой пришел Катон после соответственного анализа общества: «Боюсь, как бы вскоре мы не стали рабами этих богатств, привезенных с Востока». И Катон напоминает согражданам, что

во времена Пирра римляне отказывались от богатых подарков, с помощью которых их пытались подкупить, в то время как сейчас такие же развратители находят «женщин, готовых их взять». «Вы хотите возбудить среди своих жен соперничество в роскоши? Бойтесь, граждане, этого опасного соперничества! Богатые захотят во что бы то ни стало отличиться, а бедные из ложного стыда будут тянуться изо всех сил, чтобы с ними сравняться. Та, у которой окажется достаточно денег, чтобы заплатить за свои наряды, — заплатит, та же, у которой не хватит собственных средств, обратится к мужу. Несчастный муж, что ему делать, какое решение принять?! Если он согласится, то будет разорен, если откажет, жена пойдет искать где-нибудь в другом месте... Роскошь станет подобна жадному зверю, вырвавшемуся на свободу из плена»⁶.

Тем не менее несмотря на трезвую, но явно женоненавистническую речь Катона, закон был отменен. Валерий Максим отметил, что, если бы мужчины в то время «могли читать в умах женщин, они постарались бы ограничить распространение роскоши». Но тот же Валерий Максим говорил, что в конце концов наряды являются для женщин единственным способом выразить себя, поскольку их исключение из общественной жизни, «похоже, привело к тому, что все их мысли заняты заботой о собственном туалете».

Со временем заботы о внешнем виде становятся настоящим наслаждением. Под это занятие в доме даже отводилась специальная комната, своего рода лаборатория со столами, заставленными разнообразными горшочками, флаконами, ручными зеркалами (по возможности золотыми и серебряными) и часто оснащенная большим зеркалом, в котором можно рассмотреть себя с головы до пят.

Чтобы скрыть предательские отметины возраста, римская дама крепила во рту с помощью золотых нитей зубы из золота или слоновой кости. Затем следовало отбелить лицо с помощью различных притираний. Наилучший эффект давала мазь на основе экскремен-

⁶ *Тит Ливий*. История Рима от основания города, XXXIV, 2.

тов крокодила, а также свинцовый порошок, смешанный с пастой, привозимой с Родоса. Но последнее притирание, к сожалению, плавилось под лучами солнца. Мел, разведенный в кислоте, не боялся солнца, но смылся дождем.

Немного румян, приготовленных из красной селитры и киновари, окончательно позволяли добиться эффекта юношеской свежести. Паста из жирной сажи давала возможность подкрасить ресницы и подчеркнуть их стрелками. Кусочек угля использовался для чернения бровей. Некоторые дамы предпочитали красить веки шафраном.

С помощью вяжущей пудры боролись с потоотделением. Овидий говорил об этом: «Пусть из подмышек твоих стадный не дышит козел». Крем-депилятор позволял избавиться от «грубых волос» в области подмышек и на ногах, а паста из бобов разглаживала кожу и морщины. Чтобы освежить дыхание, следовало пососать несколько пастилок из мирта и мастикового дерева, замешенных на старом вине, или ягоды плюща и мирры.

Но этих приготовлений было недостаточно, чтобы сохранить свежесть кожи. Вечером полагалось наложить на лицо маску из цветочной муки или хлебный мякиш. Можно было также смешать яйца и ячменную муку, высушив и растерев смесь на мельничном жернове; туда добавляли тертый сброшенный весной олений рог, винный камень, толченые луковицы нарциссов, пшеничную муку, мед — и припарка была готова. Другие дамы предпочитали мазь на основе жира, собранного с шерсти овцы, но этот жир, перетопленный 2 раза и выбеленный на солнце, был неудобен тем, что сохранял слишком сильный запах. При Августе были открыты чудодейственные свойства ослиного молока.

Чтобы замаскировать покраснения и прыщики, использовали ячменную муку, смешанную со свежим сливочным маслом; чтобы убрать загар — пасту, приготовленную из телячьего навоза, растительного масла и камеди. Гусиный жир использовался против трещин на губах. Римская дама пользовалась также пемзой для полировки кожи. Та же пемза, растертая в порошок, ис-

пользовалась для отбеливания зубов, особенно если она была в пилюлях и смешивалась с измельченными розовыми лепестками, четвертью чернильных орехов и таким же количеством мирры..

И, наконец, прическа. Требования дам в этой области переходили всякие границы. Для начала следовало окрасить волосы. Чаще всего встречались римлянки-брюнетки, но в моде были белокурые волосы. Существовало множество оттенков светлых волос: золотые, пепельные, огненные... Этих оттенков добивались с помощью галльского мыла, использовавшегося в пастообразном или жидком состоянии и состоявшего из букового пепла и козьего жира, или с помощью настойки ореховой кожуры, или с помощью смеси осадка винного уксуса и масла мастикового дерева, выбеливавшего волосы за одну ночь. Все эти вещества были небезопасны: например, краска, использовавшаяся для получения золотистого оттенка, ни в коем случае не должна была контактировать с кожей, поскольку вела к появлению опухолей!

Если же какая-нибудь римская красавица-блондинка желала стать брюнеткой, она использовала густую вытяжку из зерен бузины, смешанную с небольшим количеством черной слоновой кости, или настойку из сгнивших пиявок, выдержанных на протяжении шестидесяти дней в свинцовой посуде, смешанную с черным вином и виноградным уксусом. Последняя смесь была столь активна, что ее нельзя было использовать, не взяв предварительно в рот растительного масла — иначе вместе с волосами могли почернеть и зубы!

Само причесывание тоже являлось целой церемонией. Служанки теснились вокруг госпожи. Каждая занималась своим делом: одни красили, другие причесывали, третьи накручивали волосы, четвертые разогревали спицы для завивки, пятые придавали форму.. А если хоть одна вызывала неудовольствие дамы, неумеху в наказание били зеркалом, таскали за волосы, царапали или даже кололи длинной спицей. Овидий отказывается перечислять существующие прически. Их больше, заявляет он, чем звеньев в плотной цепи. «К длинным лицам идет пробор, / Проложенный ров-

но... Волосы в малом пучке надо лбом и открытые уши — / Эта прическа под стать круглому будет лицу». Дама также могла распустить волосы по плечам или по спине, или завить их в маленькие локоны, или перевить их золотой лентой, или с помощью парика поднять их в умелую пирамиду, заканчивавшуюся наверху виноградной гроздью. У каждой эпохи была своя мода, каждый день имел свой каприз, а каждая прическа была по-своему очаровательна.

Накрасившись и причесавшись, римская женщина приступала к процессу одевания. Она начинала с того, что укрепляла на талии небольшие валики, чтобы скрыть с их помощью недостатки фигуры. Чтобы поддержать грудь, обматывались широкой лентой из бычьей кожи. Большая грудь была не в моде, и многие женщины предпочитали не кормить детей, чтобы сохранить грудь небольшой и упругой. Мода в одежде была очень переменчива, фасоны и цвета — бесконечны. В римской Античности носили стóлу, длинное белое платье. Начиная с эпохи Республики, светские женщины носят стóлы разнообразных расцветок с говорящими названиями: имплювиат — тога с вырезом в форме домашнего имплювия (бассейна для дождевой воды); расцвеченная — туника золотого или пурпурного цвета; мелкоукрашенная — туника с золотой вышивкой в форме перьев; куматилий — с узором, напоминающим морские волны; шафранная, фиалковая и т. д. Цвет следовало подбирать в соответствии с цветом волос. «Белой коже — черная ткань... темной коже — белая ткань», — советовал дамам Овидий.

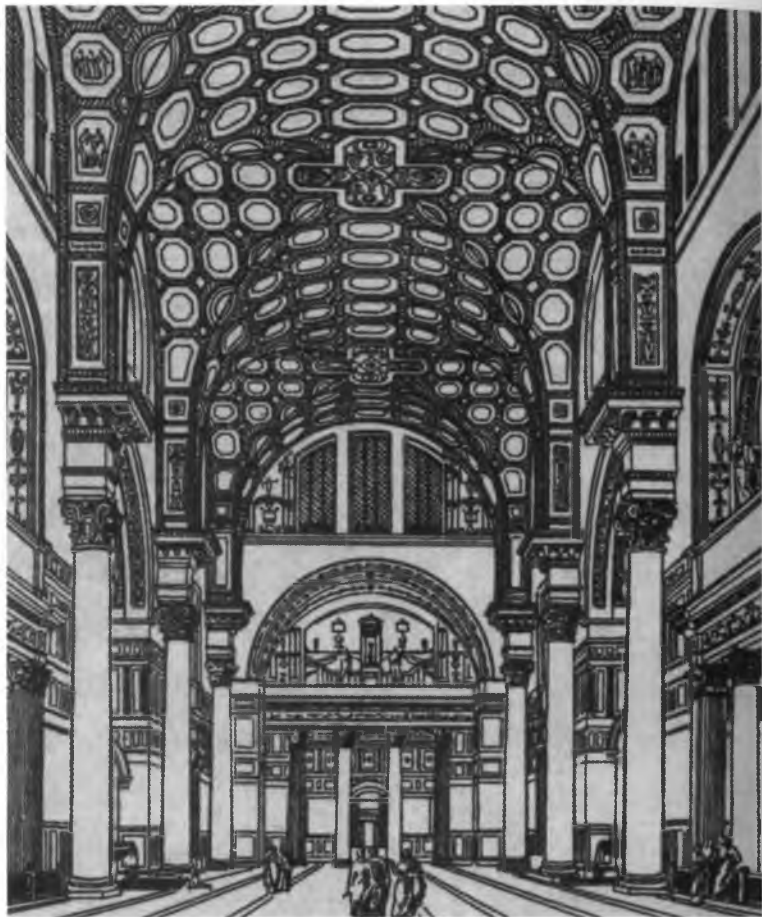
На ногах носили тесную обувь: мода требовала маленькой ножки. Если у дамы ножка была от природы стройной, она могла носить пурпурные котурны, позволявшие это оценить.

Нарядившись, дама прохаживалась перед своими служанками, которые, в соответствии с иерархией, высказывали свое мнение.

Оставалось только подобрать украшения: золотые цепи, колье с изумрудами или другими драгоценными камнями, кольца, жемчуга, браслеты, весившие иногда до трех килограммов! В каждое ухо вдевалось две-

Фреска из Помпей с изображением мистерии.

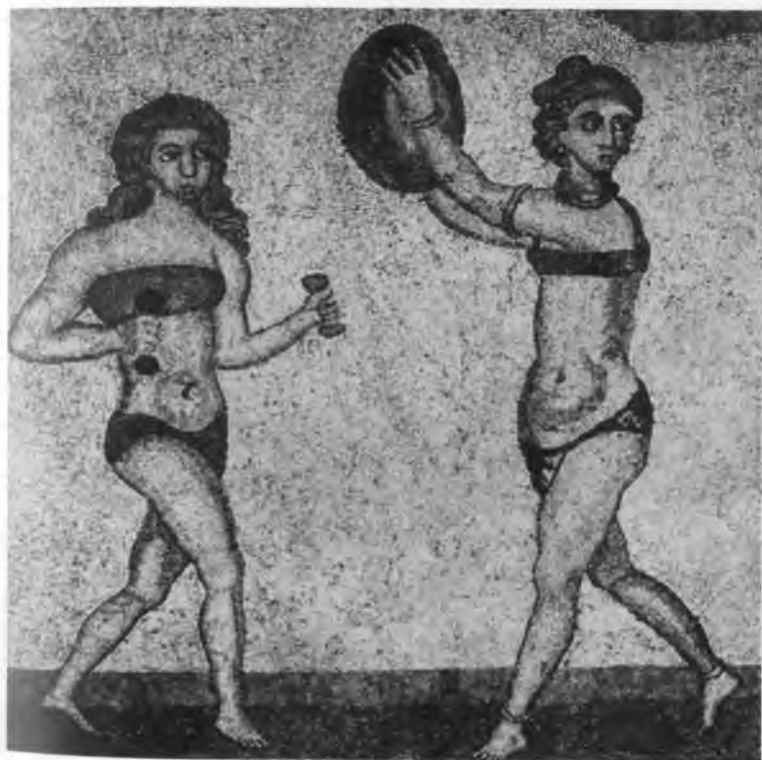

Термы Каракаллы. Внутренний вид. Реконструкция.

Банные принадлежности.

Женщины-гимнастки.

Комедианты. Ж.-Л. Жером. Театральные маски позволяли актеру точно передать типаж и усиливали голос, так как одновременно являлись рупором.

Спектакли мимов сопровождалась музыкой и танцами.

Дети, играющие в орехи.

Сцена охоты. Заяц и кабан были самыми распространенными животными, на которых охотились в Риме.

Собака. Мозаика.

Портрет старого патриция.
Мрамор.

Портрет пожилого
римлянина из Фаюма.

Бронзовые жетоны с эротическими сценами.
Предположительно, использовались в публичном доме (лупанарии).

Внутреннее помещение лупанария со входами в отдельные комнаты.

Эротическая сцена из дома Веттиев в Помпеях.

◀ Продажа невольницы
в Древнем Риме.
Ж.-Л. Жером.

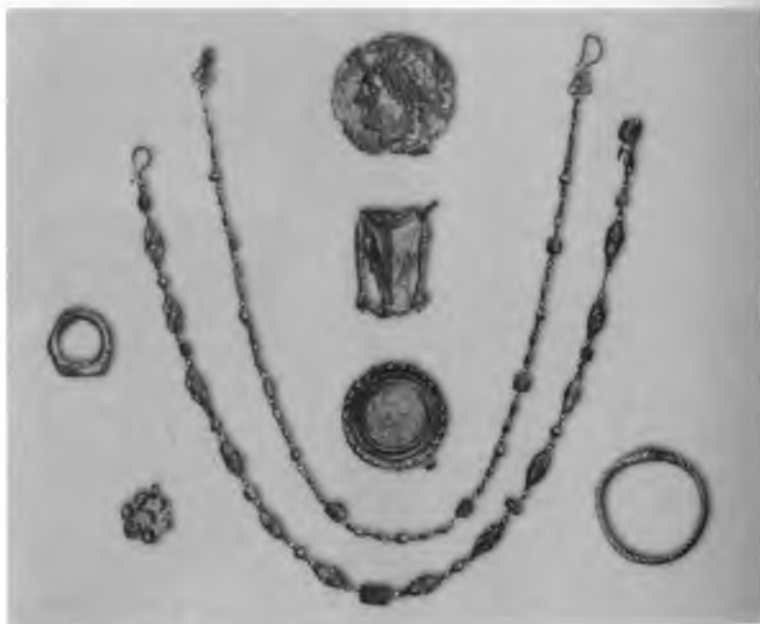

Женские портреты из Фаюма.

Прически знатных римлянок. Справа — Ливия, жена Августа.

Женские украшения.

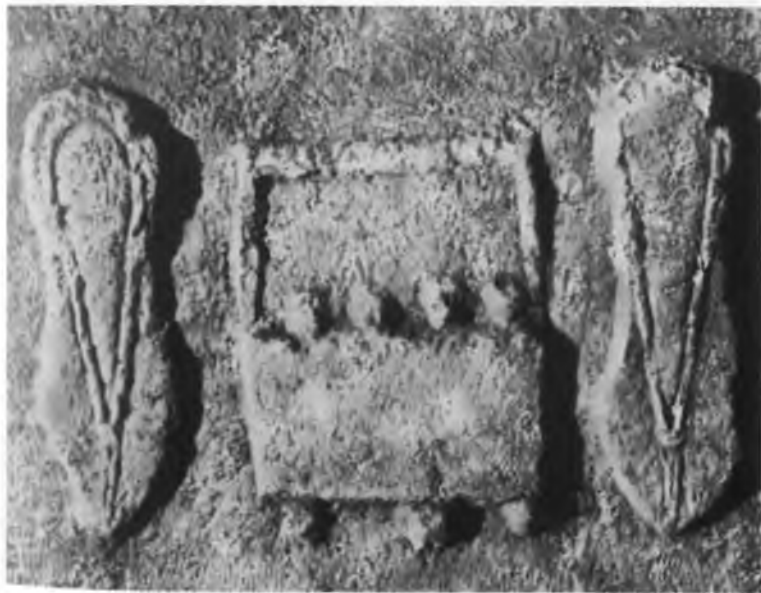

Женские аксессуары: корзина для шитья, веретено, ваза, тазик, туалетный столик, игольник, ларец.

Золотой браслет из Помпей.

Женские сандалии и сумочка.

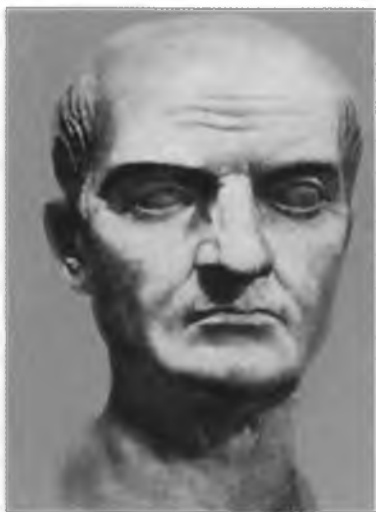
Овидий.
Гравюра резцом XVIII в.

Атриум дома Веттиев
в Помпеях.

Вергилий.

Меценат.

Рим. Идеальный ландшафт с отдыхающими пастухами.
К. Ф. Шинкель. 1823 г.

Изображение из гробницы Вестория Приска в Помпеях.

«Когда римлянина навещал какой-нибудь друг, правила хорошего тона требовали, чтобы хозяин дома показывал ему самые красивые вещи из своей серебряной посуды».

три подвески, звякавших друг о друга, словно погремушки. Иногда в ухо вставлялся всего один алмаз, настолько он был крупным. Римская женщина питала страсть к драгоценностям, особенно к жемчугу, появившемуся только в конце Республики вследствие победы Помпея над Митридатом. Жемчуг стал настолько популярен, что Август использовал его в качестве средства для борьбы с безбрачием: он запретил носить украшения из жемчуга незамужним и бездетным женщинам.

Теперь дама была готова принять поставщиков, осаждавших ее двери, или выйти из дома; экипаж или носилки ожидали ее вместе с эскортом рабов, следящих за малейшим беспорядком. Она также готова была принять своих любовников, поскольку никто ни под каким предлогом не имел права войти к ней, пока не был завершен ее туалет. Столь длительные приготовления были призваны скрыть возраст, в котором никогда не признавалась римская дама. Следовало ждать за дверью, пока не завершится ее туалет.

...лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом.
Не мудрено оробеть, увидя, как винное суло,
Вымазав деве лицо, каплет на теплую грудь!
Как отвратительно пахнет тот сок, который в Афинах
Выжат из грязных кусков жирной овечьей шерсти!

Овидий рассудительно замечает, что процедура прихорашивания женщины способна оттолкнуть даже самого постоянного возлюбленного. Если какой-то мужчина хочет порвать с женщиной, но все еще любит ее, добавляет он, ему достаточно лишь силой проникнуть к любовнице, когда она совершает свой туалет, и его чувства тут же угаснут.

Согласимся: немалый путь прошла римская женщина эпохи конца Республики от самых истоков Рима, когда, как с иронией говорил Ювенал, женщина «несла свою грудь для питания рослых младенцев, / Вся взломачена больше, чем муж».

Овидий. Наука любви, III, 210—214. Перевод М. Гаспарова.

Нарядившись, женщина отправлялась соблазнять и покорять. Она жаждала быть прекрасной, и все ее поведение было нацелено на это. Овидий в своей «Науке любви» дал практические советы, которым должна была следовать женщина, чтобы понравиться.

Первое правило касалось внешнего вида. Женщине следовало скрывать свои физические недостатки. Если она маленькая, ей лучше сидеть, если она слишком худая, ей следует носить пышные одежды. Если у нее большие пальцы, ей не следует слишком жестикулировать во время разговора, если же у нее кривые зубы, ей следует воздержаться от смеха. Женщина должна уметь смеяться и плакать. Во время смеха не следует реветь подобно старой ослице, а подобает лишь слегка приоткрывать рот:

Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.
Не сотрясай без конца утробу натужливым смехом —
Женственно должен звучать и легкомысленно смех.

Также следует уделять внимание походке, которая выдает происхождение и «породу» женщины:

Женская поступь — немалая доля всей прелести женской,
Женскую поступью нас можно привлечь и спугнуть.
Вот выступает одна, развешаются складки туники,
Важно заносит ступню, ловким бедром шевелит;
Вот другая бредет, как румяная умбурская баба,
И отмеряет шаги, ноги расставив дугой...
Но непременно сумей обнажить свою левую руку —
Локоть открой напоказ, ниже плеча и плечо.
Это я вам говорю, у которых белая кожа:
Каждый к такому плечу рад поцелуем припасть*

Очень важен и голос. «Голосом часто берет та, что лицом не берет», — утверждает Овидий. Не менее важно хорошо уметь петь, держась «правой рукою — за плектр, а левой рукой — за кифару». Следует также изучать и знать поэтов, уметь танцевать, «щегольнув ловким движением рук», знать игры и играть в них в светском обществе. «За игрою часто родится любовь».

* Овидий. Наука любви, III, 283—286, 299—311.

И, наконец, красавица не должна чураться толпы:

Вам, красавицы, вам нужны многолюдные толпы,
Нужно часто ходить там, где теснится народ!
...Свою вы должны красоту показывать всюду,
Чтобы из многих один вашим поклонником стал.
Всюду старайся бывать, где есть кому приглануться,
Не позабудь ничего, чтобы пленительной быть.
Случай — великое дело: держи наготове приманку,
И на незримый крючок клюнет, где вовсе не ждешь⁹

Таковы, например, похороны: часто даже в таких обстоятельствах можно найти друга: «Волосы в распуск и слезы в глазах пленяют нередко — / Плача о муже, подчас нового мужа найдешь».

Не так уж много требуется, чтобы вступить на путь наслаждений:

Скромно и нежно смотри — в этом приманка любви,
Взглядом на взгляд отвечай, улыбайся в ответ на улыбку,
Ежели кто-то кивнет, не поленись и кивнуть.

Читая эти правила, легко можно представить, каким популярным местом для свиданий являлись бани, которые, как нам известно, были смешанными вплоть до II века до н. э. и где купальщики расхаживали обнаженными. Все это благоприятствовало супружеской измене. Ювенал со своей обычной язвительностью отмечает:

Хочет казаться красивой она? Блудникам — благовонья!
Им покупается все, что пришлют нам инды худые...
Это лицо, что намазано все, где меняется столько
Снадобий разных с припарками из подогретого теста
Иль просто с мукой — не лицом назовешь ты, а язвой¹⁰.

Женщина готова на все; ничто не кажется ей постыдным, «лишь стоит на шею надеть изумрудные бусы / Или же ухо себе оттянуть жемчужной сережкой».

Что может быть несноснее, чем... богатая баба:
Видом противно лицо, смехотворно, от множества теста
Вспухшее все, издающее запах Поппеиной мази, —
Губы марают себе несчастный муж в поцелуе¹¹.

⁹ Овидий. Наука любви, III, 417—426.

¹⁰ Ювенал. Сатиры, VI, 466—467, 471—473.

¹¹ Там же, VI, 458—473.

Так, богатая Эппия, о которой мы уже упоминали, забросив мужа и детей, следует на углу корабле за уродливым любовником, чьим единственным достоинством является то, что он гладиатор. А что сказать о жене императора Клавдия, роковой Мессалине, которая, когда муж спал, отправлялась торговать своим телом в ближайший к дворцу лупанарий. К сожалению, утром ей приходилось возвращаться:

Все еще зуд в ней пылал и упорное бешенство матки;
Так, утомленная лаской мужчин уходила несытой,
Гнусная, с темным лицом, закопченная дымом светильни,
Вонь лупанара неся на подушки царского ложа.

Эти два портрета созданы остроумием Ювенала в той же степени, что и его политическими предпочтениями. Но поэт гораздо больше трогает за живое, когда анализирует причины этой жажды наслаждений:

Спросишь: откуда же гнусность такая и в чем ее корни?
Некогда скромный удел охранял непорочность латинок,
И небольшие дома не давали внедряться порокам
Там, где был труд, где недолог был сон, и грубые руки
Были от пряжи этрусской жестки, а к самому Риму
Шел Ганнибал, и мужа охраняли Колинскую башню.
Ныне же терпим мы зло от долгого мира: свирепей
Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побежденных.
Римская бедность прошла, с этих пор у нас — все преступленья
И всевозможный разврат; на наши холмы просочился
Яд Сибариса, Родоса, Милета, отравы Тарента,
Где и венки, и разгул, и господствует пьянство.
Деньги презренные сразу внесли иностранные нравы;
Нежит богатство — оно развратило роскошью гнусной
Все поколение...¹²

Иной раз супружеская жизнь действительно напоминала ту, что описывает жестокая сатира, где «спальня замужней жены всегда-то полна перебранок». Согрешившая супруга обвиняет собственного мужа за то, что у того есть любовница, в то время как ее личная шкатулка полна писем, говорящих о супружеской измене.

Сексуальная свобода порождала настоящую жажду к действию. Овидий советует дамам научиться танце-

¹² Ювенал. Сатиры, VI, 286—300.

вать, петь и знать поэтов. Множество женщин шли еще дальше. Они хотели быть красивыми, но при этом не желали безмолвствовать. В глазах римлян это выглядело подозрительным. Образ матери Брута Семпронии, как ее изображает Саллюстий, вызывает не только осуждение, но и восхищение, которого не в силах скрыть историк:

«Эта женщина, знатная и красивая, достаточно счастливая мужем и детьми, была хорошо знакома с литературой греческой и римской, умела играть на кифаре и танцевать с большим совершенством, чем нужно честной женщине, и вообще знала много других вещей, необходимых в роскошной светской жизни. Для нее все было дороже чести и целомудрия; трудно сказать, чем она меньше дорожила, своим ли добрым именем или деньгами; она была так сладострастна, что чаще сама искала мужчин, чем они ее. Часто и раньше нарушала она свое слово, шла на клятвопреступление, чтобы не платить долгов, бывала соучастницей убийства; вследствие страсти к роскоши и недостатка средств она неудержимо падала все ниже и ниже. При этом врожденный ум ее был далеко не заурядным; она могла писать стихи, блистать остроумием; речь ее была то скромной, то полной неги, то кокетливо задорной; вообще в ней было много изящества и блеска»¹³.

Доступ к наслаждению искали через культуру. Римская женщина старательно изучала греческих авторов. Ювенал писал: «Мне прямо противна / Та, что твердит и еще раз жует Паллемона «Искусство», / Вечно законы блюда и приемы правильной речи...»¹⁴

И Ювенал, возможно, не так уж неправ. В его время римские женщины наряду с мужчинами имели право составлять общества с выборным главой. Одно из таких обществ носило почтенное название «общество для распространения стыдливости». Случалось, что подобные организации вмешивались в муниципальные дела и играли в них определенную роль. Иногда на таких собраниях случались даже драки.

¹³ *Саллюстий*. Заговор Катилины, XXV.

¹⁴ *Ювенал*. Сатиры, VI, 451.

Нравы менялись очень быстро. Женщины, даже лишенные права вмешиваться в общественную жизнь, часто играли влиятельную роль в политике. Супружеская измена становится настоящим бедствием, против которого борется уже Август, но безуспешно. Возможно, потому что сам он также был любовником жены своего друга Мецената... Знаменитая поэзия Овидия свидетельствует о воцарившейся сексуальной свободе. А дети? Похоже, они не слишком интересовали женщин из высшего общества. Во всяком случае, рождаемость была не очень высокой и ребенок не занимал того места, которое он занимает в семье в наши дни. Практиковалось прерывание беременности, и женщина часто даже не интересовалась мнением мужа, прежде чем избавиться от ребенка. Это было распространенной причиной разводов в первое время эпохи Республики. Иные времена, иные нравы!

Действительно, не стоит воспринимать историю Рима как единое целое. Римская женщина не могла быть одной и той же на протяжении двенадцати веков римской цивилизации. Ее эволюция соотносится с эволюцией морали, и женщина утверждает себя в обществе ценой постепенного ослабления заветов предков. Конечно, случались перегибы, особенно в начале этой эволюции, но в этом нет ничего противоестественного. Огромные изменения в жизни женщины связаны с тем, что все более важное место стала занимать любовь — в том числе и в ущерб долгу. А злоупотребление наслаждением привело к тому, что мораль, бывшая основой брака, перестала учитываться в этой новой реальности. Необходимость выходить в свет, принимать возлюбленного или искать любовных развлечений толкала некоторых женщин к открытому нарушению морали. Несомненно, именно поэтому латинские тексты дают нам так мало примеров верных жен.

Завершая эту тему, поговорим о судьбе женщины, которая завоевала себе свободу в ту эпоху, когда подобное слово вообще не употреблялось по отношению к женщинам. Речь пойдет о знаменитой Клодии. Она является прообразом тех новых женщин, жадных до наслаждений, о которых мы уже говорили. Клодия оста-

вила яркий след в сердцах и произведениях двух великих писателей эпохи: поэта Катулла и оратора Цицерона. Они оба любили ее, но первому она недолгое время отвечала взаимностью, в то время как второго никогда не любила.

Клодия принадлежала к самым верхам аристократии, и уже поэтому на нее были обращены все взоры. Все ее предки на протяжении нескольких поколений были консулами, а самым знаменитым среди них был, несомненно, Аппий Клавдий Цекус (Слепой), дважды избиравшийся консулом и один раз — цензором. И так, этой женщине, родившейся на заре последнего века до нашей эры, досталось тяжелое наследство. Ее старшая сестра была супругой потомка царей (по крайней мере, так утверждали) и консула; ее младшая сестра, также звавшаяся Клодией, была супругой знаменитого Лукулла, известного чревоугодника, но также прославленного военачальника, победителя Митридата. Старший из ее братьев был консулом, второй — жрецом, а третий, Публий Клодий, проявил себя не самым пристойным образом в политической борьбе, приведшей к власти Цезаря. Именно к этому брату, человеку вспыльчивому и склонному к авантюрам, постоянно попадавшему в неприятные ситуации, Клодия была больше всего привязана.

Клодия была весьма культурной женщиной, любившей жизнь. Она получила прекрасное образование и была выдана замуж за своего двоюродного брата Цецилия Метелла, являвшегося деверем Помпея. Он возглавлял на Востоке одну из его армий и стал консулом через два года после Цицерона, а потом проконсулом в Галлии. Именно его сменил на этом посту Цезарь, когда молодая Клодия осталась вдовой в 60 году до н. э. Впрочем, она едва ли горевала, поскольку, похоже, в ее чувствах к покойному мужу не было ни грамма страсти.

Встреча Клодии и поэта Катулла произошла еще при жизни Цецилия Метелла. Семью только что потряс беспрецедентный скандал, виновником которого явился еще не достигший совершеннолетия Публий Клодий. Влюбившись в жену Цезаря, Клодий тайно проник в его дом, переодевшись женщиной, и принял участие в об-

ряде поклонения Доброй Богине, проводившемся раз в год, на который мужчины не допускались. Одна из женщин узнала его, и это святотатство наделало много шума. Состоялся суд, на котором Цицерон выступил против Клодия. Вопреки ожиданиям, молодой человек был оправдан; за него заплатил выкуп Красс, друг Цезаря. И уже на следующий день после этого разгорелся скандал вокруг Клодии и ее связи с поэтом.

Катуллу было двадцать, Клодии — тридцать. Он был сыном нотабля Вероны, города Галльской Цизальпинской провинции, наместником которой, как мы уже знаем, являлся муж Клодии. Вероятно, отец Катулла разместил у себя нового наместника с супругой. Несомненно, во время этого первого пребывания супругов в Галлии у поэта не было времени как следует узнать ту, кого он называл Лесбией. Но он был сражен любовью. Клодия и в самом деле была очень красива.

Кажется мне богоравным или —
Коль сказать не грех — божества счастливей,
Кто сидит с тобой, постоянно может
 Видеть и слышать
Сладостный твой смех; у меня, бедняги,
Лесбия, он все отнимает чувства:
Вижу лишь тебя — пропадает сразу
 Голос мой звонкий.
Тотчас мой язык цепенеет; пламя
Пробегает вдруг в ослабевших членах,
Звон стоит в ушах, покрывает очи
 Мрак непроглядный¹⁵

Вполне понятно, что в следующем году, когда Катулл приехал в Рим, чтобы продолжить там свое образование, он счел своим долгом поприветствовать наместника и его супругу. Однако в Риме жизнь прекрасной Клодии была очень насыщенной, а ее страсть, похоже, уже поутихла, даже если раньше она благосклонно относилась к увлечению молодого человека. К тому же любовникам было трудно встречаться в огромном доме на Палатине, всегда полном посетителей. Чаще всего местом свиданий им служил дом одного общего дру-

¹⁵ *Катулл. Поэмы, 51, 1—12. Перевод С. Ошерова.*

га. Но эти свидания вряд ли были долгими, и мы не можем с уверенностью сказать, что любовники провели вместе хотя бы одну ночь. Во времена Клодии супружеская измена на виду у всех еще не вошла в обыкновение, но Катулла все меньше и меньше заботило то, как он выглядит в глазах общественного мнения:

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики, — что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной!
Пусть восходят и вновь заходят звезды, —
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы взглянуть не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались!¹⁶

Метелл, должно быть, так ничего и не знал. Но вот муж умирает, причем столь внезапно, что Клодию обвиняют в отравлении. Клодия вынуждена надеть траур, и Катулл возвращается в Верону. Он хочет жениться; Клодия отказывается несмотря на прошлые обещания, и в сердце поэта постепенно зарождается ненависть, столь же сильная, как бывшая любовь. Он понимает, что чувства Клодии были мимолетными, а возможно, кто-то из друзей передает ему, что его возлюбленная завела нового любовника, Целия. А ведь еще не прошел положенный год траура... Страсть Катулла к Клодии слишком сильна, и поэт мстит из ревности, описывая не слишком приятный облик неверной Клодии:

Со своими пусть кобелями дружит!
По три сотни их обнимает сразу,
Никого душой не любя, но печень
Каждому руша!¹⁷

Цицерон также описывает Клодию с пристрастием. Ее образ возникает в речи, которую он произносит в

Там же, 5. Перевод С. Шервинского.

¹⁷ Там же, 11, 17—20. Перевод А. Пиотровского.

защиту Целия. Новый любовник Клодии оказывается замешанным в политический заговор, в данном случае нас не интересующий. Целий, красивый, талантливый, умный, из богатой семьи, смог очаровать прекрасную молодую вдову. Публий Клодий, брат Клодии, снял для нового любовника роскошный дом на Палатине. Связь Целия и Клодии ни для кого не является секретом. Клодия больше не видит смысла ее скрывать. За пределами Рима они веселятся в Байи и ведут себя вызывающе. Но по прошествии двух лет Целий внезапно оставляет Клодию, и именно в это время происходит суд, о котором мы уже упоминали. Цицерон с удовольствием защищает Целия, поскольку таким образом он может одновременно отомстить и Клодии, оставшейся равнодушной к тем знакам внимания, которые он ей оказывал, и Клодию, приказавшему выслать его в 59 году до н. э. из Рима. Процесс состоялся в 56 году до н. э., и Цицерон представляет нам Клодию как женщину, «свободную от власти мужа» и «публично предающуюся любовной жизни». Она любит окружать себя молодыми людьми в садах своего дома на берегу Тибра и часто приходит на берег реки полюбоваться плавающими там подростками. «Она свободно ужинает с мужчинами, никем ей не приходящимися, ведя себя таким образом в Риме, в городских садах, среди наплыва известных людей в Байи; не только ее поведение, но и ее наряды и ее сопровождение, не только ее вызывающие взгляды, вольность ее высказываний, но и ее объятия, поцелуи, купания, прогулки на лодке, ужины изобличают в ней женщину обходительную, но также фривольную, вызывающую и соблазнительную»¹⁸. Этот не лишенный тенденциозности портрет тем не менее показывает нам образ светской львицы, которой была Клодия. То, в чем упрекает ее Цицерон, по-видимому, шокировало людей того времени больше, чем по-настоящему предосудительные действия. Клодия была свободна, и слишком явное использование этой свободы является основным упреком, высказанным в ее адрес оратором. Действительно, и мы говорили об этом,

¹⁸ Цицерон. Речь в защиту Целия, 49.

уже в то время женщина освобождалась от власти отца и мужа с помощью многочисленных браков. Сенека век спустя будет говорить о женщинах, «считающих годы не по именам консулов, а по именам своих мужей». Клодия же предпочла после смерти мужа сохранить свободу, в чем и заключалась скандальность ситуации. Женщина не может быть сама себе хозяйка, если только она не является куртизанкой.

Способ, которым Цицерон старается очернить Клодию, делает ему мало чести: он обвиняет ее в инцесте с собственным братом Публием Клодием. Действительно, в их семье имела место темная история с инцестом, но касалась она младшей сестры, также Клодии, супруги Лукулла. И Цицерону это известно. Однако этот процесс служит для него прекрасным поводом для личной мести, и он готов на подтасовки. Причем похождения, в которых он столь яростно обвиняет Клодию, он одобряет, когда речь идет о Целии. Он находит естественным, что «юность имеет немного свободы... Позволим иногда страсти и наслаждению одержать верх над здравым смыслом». Однако Целий — юноша, да и сам Цицерон не совсем уж безгрешен... Отсюда возникает предположение, что истинная вина Клодии заключается в том, что она предпочла красивого молодого человека самому оратору...

После этой речи о Клодии больше не упоминает ни одна хроника. Остепенилась ли она? Известно, что Клодия пережила печальный 52 год до н. э., когда соперничество Цезаря и Помпея спровоцировало гражданскую войну и Рим наводнили вооруженные отряды, сеявшие беспорядок и панику среди мирного населения. Один из этих отрядов, поддерживавший Цезаря, возглавлял Публий Клодий; в один прекрасный день он выступил против отряда, руководимого Милоном¹⁹. В схватке Клодий погиб, и его покрытое кровью и ранами тело было принесено его соратниками на Форум.

¹⁹ Милон Анний Пуп — народный трибун в 57 году до н. э.; за убийство своего политического противника Публия Клодия в 52 году до н. э. был приведен к суду и, несмотря на защиту Цицерона, приговорен к изгнанию.

Можно представить себе горе Клодии, столь близкой со своим братом. Цицерон, защищавший Милона, воспользовался этим поводом, чтобы вновь очернить Клодию и ее семью.

Вполне возможно, что в те годы, когда Римом правил Цезарь, Клодия принимала у себя в доме царицу Египта Клеопатру или же появлялась у нее при дворе. Но когда она умерла, неизвестно. Любопытно, что в письмах, адресованных своему другу Аттику, Цицерон не упоминает о смерти Клодии. Значит ли это, что он умер раньше нее? Прекрасной римлянке должно было в это время быть около пятидесяти лет. Если так, то ее решительность, вероятно, должна была к этому времени поблекнуть вместе с ее прелестями.

ПЛОТСКИЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Любовники по примеру пчел живут жизнью сладкой, как мед.

Corpus Inscriptionum Latinarum,
IV, 8408

Плотская любовь присутствовала повсюду, заставляя терять голову как простолюдинов, так и патрициев. Разумеется, мораль со временем изменилась, и Овидий позволял себе давать любовникам советы, которые Катон счел бы верхом неприличия. Но если во времена Республики мораль и отвергала некоторые нововведения, демоны плоти не меньше терзали этих защитников добродетели. Знаменитый Катон являет собой пример такого рода: однажды он заставил прогнать из сената уважаемого человека только за то, что тот позволил себе поцеловать свою жену в присутствии дочери; однако постарев, овдовев и живя в одном доме со своим сыном и невесткой, сам Катон предавался преступной любви с юной особой, дочерью своего секретаря, на которой в конце концов и женился.

Впрочем, в те времена в этом не было ничего особо скандального и римляне всегда находили вне брака чувственные удовольствия, которые отвергает наша цивилизация. Чтобы лучше понять этот удивительный парадокс, следует вспомнить, что древние римляне смотрели на женщину неодинаково. Если римлянка из хорошей семьи обязана была вести добродетельный образ жизни, а благородные матери семейства — хранить верность своим супругам, то те, кто не мог всту-

пить в законный брак — рабыни, вольноотпущенницы, куртизанки, — были свободны распоряжаться собственным телом. Как-то проходя по Форуму, суровый Катон встретил молодого человека, выходявшего из публичного дома. Тот покраснел от стыда, однако Катон, напротив, похвалил его за то, что он посещает «продажных женщин» и не покушается на честь благородных римлянок. На следующий день тот же молодой человек имел несчастье вновь попасться на глаза Катону в той же ситуации, и, говорят, Катон опять одобрил его — за то, что он ходит к девкам, а не живет с ними!

Зато девушка из хорошей семьи была предметом сурового надзора. История оставила нам множество тому примеров. Некого учителя застали обнимающим свою ученицу — причем совершенно целомудренно, — и он был предан смерти. Другой учитель вступил в связь со своей ученицей — и отец семейства предпочел убить и учителя, и собственную дочь, навсегда опороченную.

Понятие осквернения, столь важное для римлян, объясняет, почему супружеская измена изначально была невозможна для женщины, в то время как считалась вполне естественной для мужчины. Дело в том, что женщина получала от мужчины семя, и ее кровь могла быть осквернена, если связь была незаконной. В таком случае женщина теряла свою честь и не могла больше исполнять супружеские обязанности. К мужчине это не относилось, потому что он давал, а не получал. Его кровь никем не осквернялась. Следовательно, для мужчины считалось нормальным иметь сожительниц, и римляне практиковали фактическую полигамию, хотя закон предписывал моногамные браки. Однако сожительницы не могли принадлежать к хорошим семьям. Хозяина дома удовлетворяли рабыни, чужестранки, служанки, и случалось даже, что они вызывали ревность у законной супруги.

Мы уже видели, что римляне не слишком спешили жениться, и многие предпочитали жить с сожительницами, которых в любой момент могли отослать от себя. Некоторые персонажи Плавта во всеуслышание заявляют, что лучше будут счастливо жить с рабыней или

вольнотпущенницей, чем подвергаться тирании жены из знатной семьи. Однако незаконные союзы порождают детей, не имеющих права претендовать на отцовское наследство. И если для простого человека это имело мало значения, то для членов высшего общества все выглядело иначе: именно стремясь не допустить сокращения знатных фамилий, Август принял меры, обязывающие мужчин вступать в законный брак. Но эти меры оказались малоэффективными — может быть, потому, что плохой пример подавал сам император. Светоний рассказывает, что собственная жена Августа Ливия подбирала ему молоденьких служанок, покорных его желаниям.

Женщины конечно же тоже вступали в незаконную связь. В самые древние времена виновная в прелюбодеянии предавалась смерти. Участь ее любовника также была незавидной: он или погибал под ударами хлыста оскорбленного мужа, или лишался того органа, который послужил основным инструментом в осуществлении преступной страсти... Но постепенно вместе с эволюцией нравов месть обманутых мужей стала более человеческой, и, чтобы не стать посмешищем, вынеся свой позор на публику, они предпочитали развестись с женой, сохранив ее приданое. Закон, принятый Августом, даже обязывал обманутых мужей развестись с женами — иначе их могли счесть сводниками. На закате Республики римляне начинают смотреть на любовь уже более снисходительно. Трагическая история Виргиния, жившего в середине V века до н. э., к этому времени представляется им несколько устарелой. Эту историю, свидетельствующую о суровости старинных нравов, рассказывает Тит Ливий. Луций Виргиний был центурионом (командующим центурией) римской армии, примерным солдатом и гражданином. И он сам, и его жена в свое время получили строгое воспитание и так же воспитывали свою дочь. Между тем децемвир¹ Аппий Клавдий безумно увлекся юной девой и возна-

¹ Децемвиры — члены центрального административного или законодательного органа — коллегии из десяти членов, которая назначалась для каких-либо дел или избиралась в комициях.

мерился сделать ее своей любовницей. Девушка вошла уже во взрослый возраст и отличалась необыкновенной красотой. Аппий одаривал ее щедрыми подарками, однако все было тщетно. Тогда он велел одному из своих приближенных объявить ее рабыней. Он утверждал, что девушка была не законной дочерью Виргиния, а рабыней, прижитой от одной из рабынь. Несмотря на вмешательство дяди девушки, ее жениха и его отца, суд признал ее рабыней и приказал вернуть к хозяину ее матери. И тогда Виргиний отвел свою дочь в сторону от толпы и заколол ножом в сердце, чтобы спасти ее честь.

Действительно, в последний век существования Республики нравы быстро меняются. Уже в пьесах Плавта изображаются похотливые молодые люди и развратные старики, проводящие свое время на Форуме и преследующие молоденьких девушек. Наиболее обездоленные классы откровеннее выражали свои чувства — очевидно, потому что меньше, чем знать, были скованы рамками старинных традиций.

Пепел Везувия сохранил для нас живую картину этого состояния нравов. Стены некоторых улиц и публичных зданий покрывают граффити, являющиеся свидетельством веселой и беспокойной жизни в Помпеях. Здесь и неприличные словечки, обозначающие любовные подвиги, и прелестные стишки. Влюбленный выражает на мраморе гложущее его нетерпение; погонщик мулов напрасно жаждет утолить страсть с молодым человеком: «Если ты испытываешь любовную страсть, погонщик мулов, поспеши лучше к Венере. Я люблю молодого красивого мальчика»². Некто мстительно пишет, обращаясь к богам: «Прошу о том, чтобы погиб мой соперник».

Часто встречаются надписи, свидетельствующие о нежности любви: «Да здравствует тот, кто любит, да сгинет тот, кто не умеет любить». Или: «О! Как бы я хотел, чтобы твои руки обвивали мою шею, как бы я хотел целовать твои нежные губы...»³ Эти надписи в полной

² CIL, IV, 5092.

³ Там же, 5296.

мере передают любовный пыл, свойственный средиземноморским народам.

Но любовь — это также искусство. Вместе со свободой нравов приходит их утонченность. Не случайно самое известное произведение Античности в этом роде называется «Наука любви». Его автор, поэт Овидий, был изгнан Августом за безнравственные высказывания, помещенные в этой книге. По крайней мере, такова была официальная причина, которой воспользовался император. А ведь Овидий не описывал ничего такого, что не происходило бы ежедневно на улицах и в домах Рима в течение уже долгого времени. Да и Гораций не имел в виду ничего дурного, когда призывал наслаждаться телом куртизанки, поскольку прелести матроны в длинном платье обходятся дороже:

Кроме лица, ничего у матроны никак не увидишь,
Спущена стола до пят, и накинута мантия сверху —
Много всего мешает добраться до сути!

Прозрачная же туника куртизанки позволяет лучше разглядеть ее красоту и убедиться, что запрошенная цена соответствует «товару»:

Здесь же все на виду: можешь видеть сквозь косские ткани
Словно нагую; не тоще ль бедро, не кривые ли ноги;
Глазом измеришь весь стан¹.

Овидий особенно ценен для нас тем, что он скорее являлся хроникером своего времени, нежели скандальным поэтом. Его описания любви являются не столько описанием собственного опыта, сколько изложением общей теории. Овидий обобщает куда больше, чем Гораций. Он не считает, что для наслаждения пригодны только куртизанки. В каждой женщине Овидию хочется видеть желанную. Таково ощущение мужчины-победителя. Овидию нравится сравнивать любовную победу с военной службой. А еще поэт любит представлять любовника охотником, обязанным хорошо изучить территорию. Благоприятной же территорией для люб-

¹ Гораций. Сатиры, I, 2.

ви как раз и является Рим. Разве анаграммой *Roma* (Рим) не является *amor* (любовь)?

Для любовной охоты подходит Форум, а еще больше места для зрелищ:

Здесь ты хоть рядом садись, и никто тебе слова не скажет,
Здесь ты хоть боком прижмись — не удивится никто.
Как хорошо, что сиденья узки, что нельзя не тесниться!
Что позволяет закон трогать красавиц, теснясь!
Здесь-то и надо искать зацепки для вкрадчивой речи,
И ничего, коли в ней пошлыми будут слова⁵

Завязывается разговор. Появляется возможность проявить к красавице знаки внимания:

Если девице на грудь нечаянно сядет пылинка —
Эту пылинку с нее бережным пальцем стряхни.
Если пылинки и нет — все равно ты стряхни ее нежно...⁶

«Наука любви» — больше чем простой учебник практических советов. Это книга, в которой поэт проявляет себя тонким психологом и показывает нам те представления, которые имели о любви мужчины и женщины его времени:

Как ни твердит «не хочу», а скоро захочет, как все.
Тайная радость Венеры мила и юнцу, и девице,
Только скромнее — она, и откровеннее — он.
Если бы нам сговориться о том, чтобы женщин не трогать, —
Женщины сами, клянусь, трогать бы начали нас⁷

Или:

Правда, иную игру начать не решается дева, —
Рада, однако, принять, если начнет не она.
Право же, тот, кто от женщины ждет начального шага,
Слишком высоко, видать, мнит о своей красоте.
Первый приступ — мужчине и первые просьбы — мужчине,
Чтобы на просьбы и лесть женщина сдаться могла.
Путь к овладенью — мольба. Любит женщина просьбы мужские —
Так расскажи ей о том, как ты ее полюбил...
Если, однако, почувствуешь ты, что мольбы надоели,
Остановись, отступи, дай пресыщенью пройти.

⁵ Овидий. Наука любви, I, 139—144.

⁶ Там же, 149—151.

⁷ Там же, 715—723.

Многим то, чего нет, милее того, что доступно:
Меньше будешь давить — меньше к тебе неприязнь.
И на Венерину цель не слишком указывай явно:
Именем дружбы назвав, сделаешь ближе любовь.
Сам я видал, как смягчались от этого строгие девы
И позволяли потом другу любовником стать⁴

Итак, мужчина должен верить в себя и смело приступать к ухаживаниям:

Все хотят посмотреть и хотят, чтоб на них посмотрели, —
Вот где находит конец женский и девичий стыд.

Возможно, придется заручиться поддержкой служанки. Кроме того, следует обещать, уверять, делать подарки, осыпать комплиментами подругу, которая, сдавшись, сложит оружие перед силой красноречия. Однако следует с осторожностью относиться к некоторым вещам, например к дням рождения той, кого любишь:

...Дни рожденья и прочие сроки подарков —
Это в уделе твоём самые черные дни.
Как ни упрямыся дарить, а она своего не упустит:
Женщина средство найдет страстных мужчин обобрать.
Вот разносчик пришел, разложил перед нею товары,
Их пересмотрит она и повернется к тебе,
«Выбери, — скажет, — на вкус, посмотрю я, каков ты разборчив»,
И поцелует потом, и проворкует: «Купи!»
...Ежели денег, мол, нет при себе — попросит расписку,
И позавидуешь ты тем, кто писать не учен.
Ну, а что, коли в год она дважды и трижды родится?
И приношения ждет на именинный пирог?»

Любовник также должен строго относиться к своему внешнему виду. «Будь лишь опрятен и чист» — вот главная заповедь. Овидий набрасывает нам портрет идеального мужчины: загорелая кожа, короткая и без пятен тога, волосы и борода подстрижены, чистые ногти, никаких волос в носу, а особенно: «Пусть изо рта не пахнет несвежестью тяжелой». При соблюдении этих правил влюбленный имеет хорошие шансы добиться желанного. Ему остается лишь воспользоваться своим

⁴ Там же, 703—716.

⁵ Там же, 417—429.

красноречием, чтобы осыпать комплиментами красавицу, восхищаясь ее нежным личиком или крошечной ножкой. Ибо верно, что

скрасить изъян помогут слова...
Если косит, то Венерой зови; светлоглаза — Минервой;
А исхудала вконец — значит легка и стройна;
Хрупкой назвать не ленись коротышку, а полной — толстушку
И недостаток одень в смежную с ним красоту.

И, наконец, любовник должен уметь плакать, поскольку «слеза и алмазы растопит. / Только сумей показать, как увлажнилась щека!». Если же заплакать не удалось, «маслом пальцы полей и по ресницам пройдишься».

Я говорю: будь уступчив! Уступки приносят победу.
Все, что придет ей на ум, выполни, словно актер!
Скажет «нет» — скажешь «нет»; скажет «да» — скажешь «да»: повинуйся!
Будет хвалить — похвали; будет бранить — побрани;
Будет смеяться — засмейся и ты; прослезится — расплачься;
Пусть она будет указ всем выраженьям лица!¹⁰

Подчинение любимой является гарантией наслаждения — наслаждения, которое испытываешь подле своей избранницы. Овидий считает: вступая в брак, исполняешь долг, ведущий в супружескую постель даже тогда, когда вы с женой в ссоре; когда же ты любовник — то ты имеешь дело только с любовью. Любовь, следовательно, прежде всего является наслаждением. И во имя этого наслаждения любовник даже может вынести соперника, уверенный, что его красавица к нему вернется, если он будет терпеливым и сдержанным:

Жарко было в тот день, а время уж близилось к полдню.
Поразморило меня, и на постель я прилег.
Ставня одна лишь закрыта была, другая — открыта,
Так, что была полутень в комнате, словно в лесу, —
Мягкий, мерцающий свет, как в час перед самым закатом
Иль когда ночь отошла, но не возник еще день.
Кстати такой полумрак для девушек скромного нрава,
В нем их опасливый стыд нужный находит приют.
Тут Коринна вошла в распоясанной легкой рубашке,
По белоснежным плечам пряди спадали волос.
В спальню входила такой, по преданию, Семирамида

¹⁰ Овидий. Наука любви, II, 197—202.

Или Лаида, любовь знавшая многих мужей...
Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала, —
Скромница из-за нее все же боролась со мной,
Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда,
И показалась она перед взором моим обнаженной...
Мне в безупречной красе тело явилось ее.
Что я за плечи ласкал! К каким я рукам прикасался!
Как были груди полны — только б их страстно сжимать!
Как был гладок живот под ее совершенною грудью!
Стан так пышен и прям, юное крепко бедро!
Стоит ли перечислять?.. Все было восторга достойно.
Тело нагое ее я к своему прижимал...
Прочее знает любой... Уснули усталые вместе...
О, проходили бы так чаще полудни мои!¹¹

Понятно, что могло разозлить Августа в этих стихах. Тот портрет любовника, который описан Овидием, являет полную противоположность римлянину, каким его изображали политики. У Овидия речь идет о мужчине, предпочитающем свободную любовь браку, согласном на неверность, становящемся рабом той, кого любит; супруг же, как мы уже видели, должен служить образцом добродетели. Где же традиционный образ отца — господина и главы семьи? Что бы сказал старый Катон, для которого интимная жизнь строго регламентировалась авторитетом мужа, соблюдавшего традиции вопреки наслаждению? Однако к тому времени теории Катона устарели. В этом и было оправдание Овидия, поскольку терпение и подчинение любовника имели одну цель: любовь. Эта любовь, по словам Овидия, должна защищаться, подпитываться, стать необходимой с помощью силы привычки. Тогда каждый отдастся другому и получит равную долю наслаждения, а само наслаждение никогда не превратится в обязанность. Овидий в равной мере порицает и проституцию, и... брак: «Слишком легко обладать теми, кто рядом всегда...»

Итак, наслаждение любовников рассматривается не как простое развлечение, а как сладкая участь, в которой рождаются самые глубокие чувства. В то же время Овидий уверяет нас, что любовь не определяется рамками закона, от которого она полностью свободна, но

¹¹ Овидий. Любовные элегии, I, 5. Перевод С. Шервинского.

что она анархична и неуправляема. В этом, несомненно, ошибка поэта. В самом деле, похоже, что нежное взаимное чувство, испытываемое любовниками, знаменует важный переворот в сексуальном менталитете римлян, и в эпоху изменений морали поэт может лишь шокировать власти. Овидий представляет нам любовный акт как союз двух тел, каждое из которых стремится доставить наслаждение другому. Он советует женщине принять такую позу, которая наилучшим образом подчеркнет ее тело:

Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись, навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой — нисколько...
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
Встань на колени в постель и запрокинься лицом.
Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
Ляг на постель поперек, друга поставь над собой.
...Тысяча есть у Венеры забав¹².

«Пусть об отраде твердят и содроганье, и стон, / И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье...» Подобная фраза сегодня кажется вполне естественной, но можно представить, насколько революционной она была для старых римлян. При Республике сексуальность ни при каких условиях не могла быть уделом женщины. Сексуальная мораль учитывала, что существуют два партнера, но один из них пассивен и должен служить для наслаждения и подчиняться мужскому закону, а второй — хозяин, навязывающий свое господство и заставляющий «служить себе». Подобная «мужская» позиция полностью соответствовала образу всемогущего отца семейства, имевшего права на жизнь и смерть даже собственной жены и обладавшего властью как у себя дома, так и в городских делах. Политическая, семейная и сексуальная жизнь были уделом мужчины, и мы уже видели, что изначально женщина посредством брака лишь переходила из-под опеки отца под опеку мужа. Мужчина мог утратить

¹² Овидий. Наука любви, III, 771.

свою честь, подарив наслаждение своей партнерше, а любители орального секса считались опозоренными и лишенными мужественности. Существовал только мужской оргазм, и на сохранившихся росписях в Помпеях мы видим, как женщина, сидя в позе всадника, служит для удовлетворения сладострастно раскинувшегося на ложе мужчины. Это те же отношения хозяйна и рабыни.

К тому же рабыня не обязательно должна была быть женщиной. Удовлетворять хозяина дома мог также миньон, поскольку в эту эпоху широко был распространен гомосексуализм. Точнее, впрочем, говорить о бисексуальности. Римское общество не осуждало «противоестественную любовь», но внушавший подобную любовь был пассивным, то есть служил своему возлюбленному. Подобная роль подходила только существу низшего ранга. Сенека отмечал, что пассивность «является преступлением у человека свободного рождения; для раба это его обязанность; для вольноотпущенника это любезность, его моральный долг по отношению к своему патрону»¹³. Действительно, излюбленным оскорблением римлян было выражение «*te praedico*», означавшее в самых грубых выражениях: «Я возьму тебя в зад», или «*irruo*», означавшее: «Я дам тебе высосать». Пассивный партнер (или партнерша) или любитель орогенитального контакта покрывал себя позором; честь же активного участника акта несколько не страдала. Таким образом, мы видим, что сексуальная мораль опиралась на те же критерии, что и социальная: римский гражданин обязан был сохранять свою активную роль, а раб или рабыня не покрывали себя позором, служа своему хозяину. Вот почему вызывал одобрение хозяин, получавший наслаждение как со своей женой, так и с рабами — мужчинами или женщинами. Юные римляне с четырнадцати лет старались заявить о своей мужественности: сексуальная активность доказывала их зрелость. Девочки, как мы знаем, достигали половой зрелости в двенадцать лет.

¹³ Сенека-ритор. Споры, IV, 10.

Изменения нравов в конце эпохи Республики, осознание опасностей, которые несет свободная любовь, изменяют и сексуальную мораль. Как мы уже говорили, женщина эмансипируется, а любовь в полном смысле этого слова постепенно становится реальностью. Мораль мужественности, покоящаяся на жестком социальном порядке, уступает место признанию добродетели и доминированию супружеской любви. Акцент, следовательно, ставится на целомудрии, а глава семьи из тирана становится спутником жизни. К тому же в эпоху Империи социальный статус мужчины больше не связан со статусом участника политической жизни города; граждане теряют право слова, и даже самые влиятельные из них являются всего лишь императорскими служащими. Новая добродетель запрещает отношения вне брака и осуждает гомосексуализм. Молодой человек II века н. э. стремится остаться целомудренным как можно дольше. Он становится скромным и стыдливым, в нем нет ничего от юного мужчины-республиканца, которого не страшило никакое насилие. Именно этой новой моралью и воспользуется, начиная с III века н. э., христианство.

Следует также сказать несколько слов о гомосексуализме. Его знали все цивилизации, но все они придавали ему разное значение. В Риме гомосексуализм и особенно педерастия не получили такого распространения, как в Греции, поскольку моральные критерии римлян отличались от греческих. Официально римские нравы запрещали гомосексуальные отношения между двумя особами римской крови. Общественная мораль также осуждала этот вид отношений. Однако случаи такого рода известны; некоторые из них закончились смертной казнью виновных.

Чаще всего подобные отношения практиковались в армии: причиной тому были длительные военные кампании вдали от родины. Но связь надлежало держать в тайне, поскольку практиковались показательные наказания. Плутарх рассказывает случай с племянником Мария, Гаем Луцием, который «не мог без дрожи желания

смотреть на молодых людей». Однажды этот Гай Луций, будучи офицером в армии своего дяди, увлекся одним из своих солдат, неким Требонием. Как-то вечером Луций приказал Требонию прийти к нему в палатку. Тот подчинился начальнику. Но когда Луций, основываясь на строгом воинском подчинении, вознамерился потребовать у Требония уступить его домогательствам, тот вытащил меч и убил офицера. Мария в тот момент не было. Вернувшись, он приказал привести к себе Требония, причем никто не хотел защищать того, кто убил племянника полководца. Требоний решился все рассказать и попросил подтвердить свои слова товарищей, присутствовавших при этой сцене. Правда восторжествовала, и Марий вместо наказания наградил отважного солдата и советовал всем следовать его примеру.

Совершенно по-другому поступали, когда ничто не угрожало римской крови, и то, что было запрещено с гражданином, разрешалось с юным рабом. В римских домах было принято иметь одного или нескольких миньонов, чтобы совершенно безнаказанно удовлетворять этот вид плотского наслаждения.

В самом деле, педерастия существовала в Риме задолго до того, как начало сказываться влияние греков. Полибий рассказывает, что еще в VI веке до н. э. римляне покупали за один талант мальчиков для любви. В III веке до н. э. эта практика становится еще более распространенной, а закон Скатиния, принятый в 226 году до н. э. и запрещающий эту форму разврата, не привел к ее искоренению. Самые великие римляне известны своими гомосексуальными похождениями. Так, Цезарь был увлечен прелестями Никомеда, царя Вифинии, и его солдаты во время триумфа своего предводителя вспоминали не только о его воинских, но и о любовных победах: «Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря: / Нынче Цезарь торжествует, покоривши Галлию, — / Никомед же торжествует, покоривши Цезаря»¹⁴.

Тиберий, Калигула, Адриан, Элагабал также подавали в этом деле плохой пример. Нерон же предавался

¹⁴ Светоний. Жизнь Цезаря, 49.

разврату без всякого удержу. Светоний рассказывает, что он кастрировал мальчика по имени Спор и женился на нем прилюдно, справив «свадьбу со всеми обрядами, с приданым и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой», что позволило некоторым сказать: «Счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена!» Нерон везде таскал его с собой, «то и дело его целуя». Нравились императору и другие развлечения: например, «в звериной шкуре он выскакивал из клетки на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя, как насилуемая девушка»¹⁵.

Легко можно представить, с какой охотой следовала аристократия императорскому примеру. Богатые граждане селили у себя юных рабов, прозываемых «мальчиками для наслаждений», и те всегда готовы были ответить на самые сладострастные желания хозяина. Большая часть таких мальчиков происходила из восточных, азиатских или африканских стран и уже умела возбудить чувственность похотливыми позами и словами. Наибольшим успехом пользовались египтяне, сирийцы и мавры.

Трималхион в романе Петрония рассказывает, что попал в Италию из Азии совсем маленьким и добавляет: «Четырнадцать лет по-женски был любезным моему хозяину. И хозяйку удовлетворял тоже». Он сделал на этом состояние, а потому вряд ли согласился бы с Ювеналом, говорившим: «Лучше быть рабом, возделывающим землю, чем возделывать своего хозяина».

Миньоны были предназначены исключительно для сексуального наслаждения. Всегда богато одетые, с длинными завитыми волосами, они служили украшением пиров, которые устраивал их хозяин, и прислуживали, исполняя песни, танцы или декламируя непристойности, что необычайно нравилось дурно

¹⁵ Светоний. Жизнь Нерона, 28—29.

воспитанным гостям, находившим забавным, что подобные вещи произносят столь маленькие дети. Единственной наградой этих бедных мальчиков было покровительство хозяина, обычно отпускавшего их, когда они вырастали, как в случае с Трималхионом.

Но мужская проституция имела и более мрачные формы. Сколько юных провинциалов, приехавших в Рим, столкнувшись с нищетой, вынуждены были продаваться за несколько ассов! В этом виде проституции важную роль играли деньги. Поэт Тибулл влюбился в юного Марата, изменявшего ему с куртизанкой. Тибулл понимает его и даже больше — помогает, но все время просит не торговать собой. Марат и рад бы хранить верность, но не может сопротивляться Титу, старику, уродливому и больному подагрой, потому что Тит богат. Тогда Тибулл прогоняет Марата, желая Титу, чтобы жена сделала его тысячекратным рогоносцем. Многие из этих куртизанов жили со своими любовниками, занимались домом и стряпней, выручая иногда несколько случайных монет. Часто эти молодые люди меняли любовника, если им подворачивался более выгодный покровитель. Поэт Катулл, порвав с Клодией, влюбился в развратного юношу по имени Ювентий, о котором, однако, ходили слухи, что он происходил из хорошей фамилии. Но поэту уже исполнился тридцать один год, и он не смог произвести должного впечатления на этого юношу, бесстыдного и распутного, который предпочел Катуллу Аврелия, красивого, но без гроша за душой. Катулл пытается запугать своего соперника: «Уступи мне этого желанного юношу; меня пугает твой фаллос, губительный для детей, невинных и стариков». Или: «Печальный удел грозит тебе: тебе раздвинут ноги и вставят в отверстие редьку и рыбу»¹⁶. (Таково было наказание для мужчины, пойманного на месте преступления, направленного против нравственности.) Но ничто не может заставить Ювентия расстаться с Аврелием. Катулл не понимает, почему «при такой перенаселенности его юный друг остановил

¹⁶ Катулл. Поэмы, 15.

свой выбор на этом человеке, беднее позолоченной статуи»¹⁷

В самом деле, возраст являлся важным препятствием для мужской любви. Именно своим «пяти десяткам» приписывает Гораций отсутствие интереса к нему юного Лигурина. Поэт сообщает нам, что никогда не был нежным в любви, но искал прежде всего чувственного удовлетворения своего желания. Однако в пятьдесят лет, вопреки возрасту, у него из ума не идет этот еще безбородый юноша, чье лицо «пурпуром блещет», а длинные волосы струятся по плечам. «Лигурин, не тебя ли во сне / Я в объятьях держу, иль по Марсову / Полю вслед за тобой несусь, / Иль плыву по волнам, ты ж отлетаешь прочь!»¹⁸ Но прекрасный юноша предпочел более молодого и богатого любовника.

Неудачливому влюбленному оставалось утешиться в мужском лупанарии. Таких было достаточно, особенно в Субуре, на Эсквилине и у моста Сублиция. Их устраивали также в подвалах некоторых театров и цирков и даже в некоторых кабачках, используя в качестве вывески фаллос. Там хватало как женоподобных молодых людей, исполнявших пассивную роль, так и мужчин волосатых и с мощными членами. Все они, разумеется, были рабами, иногда вольноотпущенниками. Мужская проституция, несмотря на введенный на нее во времена Империи налог, процветала до такой степени, что император Александр Север, взявший власть в 222 году н. э., так и не смог уничтожить ее, испугавшись, что подобная мера слишком возбудит страсти.

Понятно, что в гомосексуализме, как и в гетеросексуализме, крайняя снисходительность сочеталась с суровой безжалостностью, если дело касалось чистоты расы. Однако и это не являлось препятствием для достижения желанной цели, если верить Ювеналу и некоторым другим писателям. Один из персонажей «Сатирикона» Петрония, Эвмолп, рассказывает, как ему удалось тайно соблазнить сына своего хозяина. Во вре-

Катулл. Поэмы, 81.

¹⁸ *Гораций. Оды, IV, 1, 37—38. Перевод Г. Церетели.*

мя военной службы Эвмолп жил у одного человека. «Как только за столом начинались разговоры о красивых мальчиках, я всегда приходил в такой искренний раж, с такой суровой важностью отказывался позорить свой слух безнравственными разговорами, что все, в особенности мать, стали смотреть на меня, как на философа». Как-то, когда все спали после пира в обеденном зале, Эвмолп заметил, что мальчик не спит. Тогда достаточно громко, чтобы тот его услышал, Эвмолп прошептал, обращаясь к Венере: «О Венера, владычица! Если я поцелую этого мальчика так, что он не почувствует, то на утро подарю ему пару голубок». Мальчик «принялся храпеть» и позволил себя поцеловать. Назавтра Эвмолп принес голубей. Тем же вечером он таким же способом пообещал в подарок петухов, если мальчик позволит себя приласкать. Мальчик позволил. На третий раз Эвмолп пообещал македонского скакуна, если мальчик согласится на «счастье полное и желанное». Наслаждение было получено сполна, но на следующий день Эвмолп не смог купить рысака, достать которого было труднее, чем голубей или петуха. Разочарованный мальчик отказался уступать Эвмолпу и пригрозил рассказать обо всем отцу. Сгорая от желания, Эвмолп в конце концов убедил его отдаться еще раз. Однако подросток вновь напомнил своему другу, чтобы тот исполнил свое обещание. Эвмолп пообещал и, получив искомое, заснул. Но мальчик разбудил его и спросил: «Почему мы больше ничего не делаем?» Разозленный и уставший Эвмолп ответил: «Спи, или я скажу отцу!»¹⁹

Наверняка подобное не раз случалось в римских домах без ведома их хозяев. Но развязка не всегда получалась столь же веселой.

Проще всего плотское наслаждение в Риме можно было удовлетворить при помощи проституток. На сей счет мы располагаем весьма богатыми сведениями, которые дают нам латинские комедии и особенно пьесы Плавта и Теренция. Эти пьесы были адресованы преж-

¹⁹ *Петроний*. Сатирикон, 85.

де всего народу, обремененному повседневными заботами, поскольку представления проходили в праздничные дни.

Любви с равной страстью предавались и молодые люди из высшего общества, и подвыпившие солдаты, и наивные провинциалы, и похотливые старики. Богиней же наслаждений являлась куртизанка. Конечно, жизнь, описываемая в этих комедиях, была далека от действительной, поскольку обходила молчанием необходимость ежедневного тяжелого труда, однако и предлагаемое нам язвительное изображение любовных переживаний часто отражает жестокую реальность: ведь комическое берет за основу подлинную жизнь. И конечно же, хотя действие таких пьес разворачивалось в Греции и персонажи носили греческие имена, поднимавшиеся в них проблемы были чисто римскими.

Как мы уже видели, римская мораль допускала определенную сексуальную свободу при условии, что чистота римской крови останется неприкосновенной. Вот что говорит об этом персонаж «Куркулиона» Плавта:

Запрета нет.

Купить товар открыто, коли деньги есть,

Никто не запретит ходить по улице, —

Ходить не смей лишь через огород чужой.

Коль от замужних вдов и дев воздержисься

И от свободных мальчиков, — других люби²⁰.

Проститутка является не чем иным, как вещью, которую можно купить как любой другой товар. Следовательно, нет ничего постыдного в том, чтобы приобрести ее и воспользоваться ее услугами. Мы помним, как Катон хвалил молодого человека за посещение лупанария; в следующем веке Цицерон напишет, что надо быть ригористом, чтобы запрещать молодым людям посещать проституток, что это будет «расхождением с моралью и терпимостью предков». Менее терпимым общественное мнение было в отношении стариков, о чем говорит один из персонажей комедии Плавта:

²⁰ Плавт. Куркулион, 33—38.

Временам ли года иль возрастам — всему свое.
Если есть такой закон, чтоб старикам распутничать,
Что же станет с государством нашим?

Даже в легенде о зарождении Рима, включенной в официальную историю города, имелись сюжеты, связанные с проституцией: ведь близнецов Ромула и Рема, прежде чем их взяла Акка Ларентия, жена пастуха Фавстула, выкормила волчица, а «волчицами» обычно именовали проституток. Согласно же другой традиции, сама Акка Ларентия стала знаменитой куртизанкой, которую жрец Геркулеса предложил своему хозяину в качестве платы за проигранное пари. Став наследницей богатого мужа, она принесла свое состояние в дар римскому народу. Именно в память об этих событиях праздновался в Риме 23 декабря праздник Ларенталия. Проститутки были связаны и с кульгом богини Флоры, античной богини плодородия и наслаждения. Рассказывали, что другая знаменитая куртизанка по имени Флора также принесла в дар римлянам свое огромное состояние. Праздник Флоралий, украшенный играми, проходил с 28 апреля по 3 мая, во время весеннего обновления. Овидий в Пятой книге своих «Фастов» пишет об этой богине, которая «шлет нам дары для услад». И добавляет, что частью праздника является прославление куртизанок, поскольку

Вовсе она не ханжа, надутых речей избегает,
Хочет она, чтоб ее праздник открыт был для всех,
И призывает она жить всласть в цветущие годы,
А о шипах позабыть при опадении роз²¹.

Действительно, во время этих праздников куртизанки проходили перед зрителями и раздевались по их просьбе. Несомненно, это был очень популярный праздник, но религиозный смысл его быстро позабылся. Изначально же нагота продажных женщин была всего лишь символическим ритуалом, способствующим плодородию. Тертулиан, христианский автор и свидетель этих, по его мнению, греховных сцен, ни о чем подобном не упоминает. Единственное, что он от-

²¹ Овидий. Фасты, V, 351—354.

мечает, так это то, что проститутки выставляли себя напоказ и громко называли свою стоимость. «Показывались даже такие вещи, которые должны были бы оставаться скрытыми в недрах их пещер, чтобы не выходить на дневной свет».

Другие праздники также отводили важное место публичным женщинам, особенно Виналии, отмечающиеся 23 апреля, когда вместе с Юпитером чествовали также Венеру в храме, воздвигнутом в 181 году до н. э. консулом Порцием Лицинием. Овидий пишет об этом празднике, придуманном проститутками, чтобы сделать подношения Венере:

Девы доступные, празднуйте праздник во славу Венеры!
Держит Венерина власть много прибытку для вас.
Требуйте, ладан куря, красоты у нее и успеха,
Требуйте вы у нее шуток и вкрадчивых слов²².

Едва занимался день, храм Венеры превращался в огромную ярмарку проституток. Самые некрасивые приходили еще до восхода солнца, а самые знаменитые — около полудня. Здесь собирались все проститутки Рима, а также множество зевак, обсуждавших их достоинства. Горе было тем, которые не обладали совершенным телом: толпа могла подвергнуть их оскорблениям. Здесь обменивались и продавались, как обычный предмет торговли, публичные женщины от самых мерзких шлюх до самых элегантных куртизанок.

В Риме проститутки жили повсюду, но в некоторых кварталах их было особенно много, так что можно составить настоящую карту городских наслаждений. От Авентина до Субуры любой римлянин мог выбрать женщину соответственно своим вкусам и состоянию. Публичные места, места прогулок и особенно места зрелищ являлись основными местами встреч. Самые богатые куртизанки демонстрировали свои роскошные туалеты под элегантными портиками, а возле Марсова поля окрестности храма Исиды были известны тем, что там собирались самые красивые девушки (и потому богиня Исида пользовалась в

Овидий. Фасты, IV, 865—868.

рине славой сводни). Под сводами большого цирка или амфитеатров ожидала приходивших развлечься клиентов из средних социальных слоев самая общеизвестная категория проституток, в то время как на улицах Субуры удовлетворяли свою похоть в невообразимой грязи подонки общества. Был даже целый квартал, Субмений, называвшийся «кварталом проституток». Там стояла целая вереница каморок без окон. Марциал рассказывает, что они закрывались лишь занавесками, за которыми в зловонии и грязи ожидали клиентов практически голые рабыни, девки и мальчишки.

Речь идет о самой низшей категории лупанариев, где за два асса можно было удовлетворить свое желание. Но мало где в городе более дорогие заведения предлагали клиенту лучший комфорт. В Помпеях сохранилось множество таких комнатушек, где стояла лишь каменная скамья, накрытая тощим матрасом. Стены были покрыты непотребными надписями, а при входе в каждую комнату маленькая афишка рассказывала клиентам об услугах проститутки. Чаще всего эти места были рассадниками венерических заболеваний. Стоимость услуг доходила здесь до 16 ассов, но это были гроши по сравнению с тысячами сестерциев, которые запрашивала какая-нибудь известная куртизанка, приглашавшая к себе клиента на дом или приходившая к нему домой. Некоторые богачи создавали у себя собственные маленькие частные лупанарии (такие, например, существовали в некоторых домах в Помпеях) и не упускали случая пригласить на пиры танцовщиц чувственных танцев. По словам Ювенала, они начинали «извиваться / На гадитанский манер в хороводе певучем / Под одобренье хлопков, приседая трепещущим задом». Тут уж гости не могли больше сдерживать возбуждение под «треск кастаньет со словами, которых / Голая девка не скажет, в вертепе зловонном укрывшись», забавляясь «звуком похабным и разным искусством похоти». Если верить поэту-сатирику, плотские наслаждения едва ли отличались у богатых и у бедняков в каморках Субуры. Но, лукаво добавляет он, «лишь бедным / Стыдно и в кости играть, и похабничать

стыдно, когда же / Этим займется богач, — прослышет и веселым, и ловким»²³.

Проститутками становились по разным причинам. Часто рабынь приобретали специально для этих целей. Некоторые сводники воспитывали брошенных детей или детей, которых им продавали. Каждый год несколько тысяч детей и подростков становились предметом купли-продажи. Обычно дети передавались в лупанарии в возрасте четырнадцати лет, но нередко в таких кварталах, как Субура, можно было встретить совсем маленьких детей, вынужденных торговать собой. Часто причиной проституции являлась нищета, и множество проститутки, рожденных в обычных семьях, вынуждены были покориться необходимости. Иногда соблазнялись возможностью легкого заработка. Один из персонажей Теренция прослеживает путь такой девицы:

Сперва она вела тут жизнь стыдливую,
Суровую и скромную; тканьем себе
И пряжею искала пропитания;
Но после появились влюбленные
С посулами и платою, один, другой.
Все люди склонны к наслажденью от труда
Спуститься: принимает предложение,
А там уже берется и за промысел²⁴.

Для других проституция являлась средством получить свободу. Когда хозяин отпускал одну-двух рабынь, они предпочитали, ничего не теряя, зарабатывать на жизнь уже привычным способом. Поскольку вольноотпущенники часто сохраняли «деловые» связи со своим патроном, он получал от предприятия кое-какую прибыль и каждый находил в этом свою выгоду.

Единственным, кто не находил для себя никакой денежной выгоды, был юный повеса, не способный сопротивляться властному зову своей плоти. Зачастую он разорялся или разорял своего отца или друга, содержа куртизанку, — как правило, не испытывавшую к нему никакой благодарности. Харин из «Купца» Плавта от-

²³ Ювенал. Сатиры, XI, 176—178.

²⁴ Теренций. Девушка с Андроса, 69—79. Перевод А. Артюшкова.

кровенно рассказывает свою историю. Ему было едва двадцать весен, когда он влюбился в одну куртизанку, чей хозяин потребовал у него все, чем он обладал. Его отец, прознав об этой связи, попытался воззвать к нему, чтобы он взял себя в руки и не пустил по ветру ради любви красавицы состояние, заработанное непосильным трудом.

Некоторым удавалось приблизиться к куртизанке, подкупив привратницу чашей вина или обманув ее с помощью переодевания; другие проделывали дыру в стене дома. Но самым простым способом добиться ее любви были конечно же деньги. Страбакс в «Грубияне» Плавта воспользовался именем отца для того, чтобы добыть необходимую сумму.

Часто сама куртизанка требовала себе дорогих подарков. Куртизанки латинской комедии отмечены непостоянством, лицемерием и полной бессердечностью. Юный любовник для них всегда предпочтительнее старика, чаще всего слишком жадного:

Словно рыба ведь любовник сводне! Только свеженький
В дело годен, много соку в нем и много сладости,
И готовь его, как хочешь, — жарь, вари, повертывай.
Он охоч давать, податлив к просьбе, ешь откуда взять.
Сколько дал, каков убыток, не смекнет; забота вся —
Как бы угодить подружке²⁵

Диниарх из «Грубияна» говорит то же самое:

Прежде чем успеешь ты одно отдать,
Как сотни новых требований ждут тебя:
То золото пропало, то разорван плащ,
То куплена служанка, то серебряный
Сосуд, а то старинный бронзовый, кровать
Роскошная, иль греческие шкапчики,
Иль... Что-нибудь всегда давать приходится
Влюбленному, всегда в долгу у девки он²⁶.

Требовалось настоящее искусство лицемерия, чтобы принимать любой подарок как должное. Когда соперник Диниарха дарит их общей любовнице двух ра-

²⁵ Плавт. Ослы, 178—184.

²⁶ Плавт. Грубиян, 51—58.

бынь-сириек, она притворно восклицает: «Неужто мало и того тебе, сколько я кормлю служанок?! Ты же сверх того еще мне приводишь целый рой их поедать мой хлеб». Тогда он дарит ей фригийскую накидку, а она заявляет: «За все страдания мне такой ничтожный дар!»

Для куртизанки не важны ни чувство, ни даже красота мужчины. Напротив, она предпочитает некрасивого, потому что он щедро платит, чтобы заставить ее забыть о его уродстве. Служанка одной куртизанки из комедии Плавта рассуждает о том, как должна поступать ее хозяйка. По поводу одного из любовников она говорит: «Покуда было что, давал; теперь — ни с чем; у нас то, что он имел; его удел — что мы имели прежде».

И добавляет:

Хорошей сводне надо обладать всегда
Хорошими зубами. Если кто придет,
С улыбкой встретить, говорить с ним ласково;
Зло в сердце мысля, языком добра желать;
Распутнице ж — похожей на терновник быть.
Чуть притронется — уколет или разорит совсем.
Оправданий ей не надо слушать от любовника:
Оскудел — его в отставку за плохую службу, прочь!
Любовник истинный лишь тот, кто своему именью враг;
Люби, пока имеешь; нет — другого ремесла ищи,
Спокойно место дай другим, что дать еще имеющим.
Пустого стоит тот, кто, дав, не хочет тут же вновь давать.
У нас любим лишь тот, кто дал, да сразу и забыл про то.
Кто дело губит, бросивши дела, — любовник истинный²⁷

Недостаток нежности тщательно скрывался. Требовалось заронить в душе любовника надежду на будущее счастье. Соответственно, куртизанке необходимо было следить за своим туалетом. То, о чем мы говорили в предыдущей главе относительно римской дамы, верно и в отношении куртизанки, особенно когда она имела дело с щедрым любовником. Хотя иногда афишируемая роскошь была показной и скрывала нужду и тяжелые условия жизни. Публичные женщины выходили на улицу одетыми в коричневую тогу, свидетельствующую

²⁷ Плавт. Грубиян, 217–218, 226–236.

об их роде деятельности, но богатые куртизанки соперничали в нарядах с самыми богатыми римлянками. Они должны были быть стройными, хорошо накрашенными, причесанными и усыпанными драгоценностями. Но чрезмерность в их туалетах и макияже отличала их от других женщин. В туниках ярких цветов и экстравагантного покроя, с красными румянами на щеках они уподоблялись тому выдуманному и фантастическому миру, который любили создавать вокруг себя.

Вот как описывает их кокетливое поведение автор одной из комедий:

«Она делает одному знак, а другому бросает взгляд; она любит одного и обнимает другого; ее рука занята с этим, а ногой она толкает того; одному она отдает свое кольцо, а кончиками губ призывает другого; она поет с этим, одновременно выводя пальцем слова для того».

Влюбившись в куртизанку, мужчина попадал в ловушку: его удерживают всеми силами, чтобы заставить истратить состояние. Для этого хороши все средства. Например, можно продемонстрировать внезапную холодность, лишь возбуждающую желание. Или выдумать какую-нибудь ложь, подобно куртизанке из «Грубияна», пытавшейся заставить своего любовника-солдата поверить, что, пока он был в походе, у нее родился от него ребенок. Излюбленным средством также являлось возбуждение ревности. Но едва любовник разорвался, куртизанка отдаляла его от себя, изобретая другую ложь: от невыносимых головных болей до внезапной набожности, требовавшей на некоторое время целомудренного поведения. Это в самом деле было профессиональное искусство.

Куртизанка могла наняться к клиенту на любой срок. В этом случае она являлась к нему на дом для удовлетворения его желаний как на одну ночь, так и на месяц или даже на год. Заключался контракт, который мог быть расторгнут, если куртизанка встречала другого, более выгодного любовника. Так, в «Вакхидах» Плавта, прежде чем перейти к новому любовнику, Вакхида должна вернуть долг жестокому военному,

нанявшему ее сроком на год. «Наниматель» всегда должен опасаться обмана, то есть неверности нанятой куртизанки. Пьеса Плавта «Ослы» сохранила пример такого контракта, разумеется, несколько утрированного, как и положено в комедийном жанре. Адвокат составляет для Диабола договор с Филенией сроком на год за двадцать мин серебром, ставя следующие условия:

Другого никого не смей пускать к себе,
Не выдавать за друга и защитника
Иль за любовника подруги: только ты,
Для всех других должны быть двери заперты,
На двери сделать надпись: место занято.
На письма не ссылаться приходящие,
Ни писем, ни табличек восковых не смей
В дому держать. Картина ль есть опасная —
Продать. На устранение четыре дня
С получки денег сроку, а не сделает,
Тогда твоя тут воля: хочешь — можешь сжечь.
Писать не смей — чтоб воску в доме не было.
Гостей не звать — имеешь право звать лишь ты.
А в позванных глазами не стрелять никак,
А если взглянет, пусть ослепнет тотчас же.
Вино из одного бокала пить с тобой;
Пусть принимает от тебя; она ж начнет,
Ты — после; чтобы смыслила, как ты, она,
Не больше и не меньше...
Ни в чем не даст пусть места подозрениям:
Ноги ногой своею никому не жать,
Вставая, и на ложе ли ближайшее
Всходя, с него сходя ли, никому руки
Не подавать, колечка не давать смотреть
И не просить ни у кого, чтоб он ей дал.
Игральные же кости одному тебе
Пускай подносит; бросивши, не смей сказать:
«Твои»: пускай зовет тебя по имени.
Пусть молится богиням исключительно,
Отнюдь не богу; если ж благочестие
Найдет такое, скажет пусть тебе о том,
Ты богу и помолишься о милости.
Кивать, моргать, подмигивать чужим нельзя.
Когда погашен ночью свет, во тьме она
И шевельнуться не должна...
Словечком не обмолвится двусмысленным,
Пусть говорит она лишь по-аттически.
Начнет ли кашлять, попросту пусть кашляет,
Не так, чтоб показать язык кому-нибудь;

Прикинется, что из носу течет, — ты сам
Под носом выгрешь ей, чтоб не могла она
Послать воздушный поцелуй украдкою.
Мать-сводня пусть к вину не приближается,
О брани пусть забудет. Чуть ругнет кого —
Сейчас же наказание: на двадцать дней
Вина лишить...
Служанке ли, случится, отнести велит
Венки, гирлянды, мази — Купидону ли,
Венере ли, — твой раб пускай следит, кому
Дает, Венере — иль мужчине их.
А если пожелает чистоту блюсти,
Пусть столько же ночей вернет нечистыми²⁸

Этот договор для нас весьма интересен. Видно, что адвокат Диабола пытается предусмотреть все неожиданности, перечисляет как самые обычные, так и самые невероятные ситуации, показывая нам, что у него есть и опыт, и знания об ухищрениях куртизанок. Даже если пренебречь некоторыми деталями, добавленными для усиления комичности, можно представить себе незавидную участь, уготованную Филении, — участь женщины-вещи, используемой исключительно для наслаждения, а еще и для повышения престижа юного влюбленного. Но это тогда, когда куртизанка появляется в доме; если же, напротив, любовник приходит к ней, то в этом случае доминирует куртизанка, которая дает согласие или отказывается подарить оплаченное наслаждение.

Однако главным получателем прибыли с контракта или подарков возлюбленного обычно оказывалась не сама куртизанка, а сводня или сводник. Эти люди были лишены всякой щепетильности. Сводник обычно был посредником между клиентом и проституткой; именно с ним следовало торговаться, и сделка проваливалась, если клиент не платил затребованную цену. Сводник помыкал одинаково и клиентами, и проститутками, которых нещадно эксплуатировал. Часто это был выходец из стран Востока; оттуда же он привозил и девиц. Сводник являлся объектом особой ненависти со стороны римлян. Куркулион Плавта так говорит о нем:

²⁸ Плавт. Ослы, 758 и след.

Права от сводника? Когда их собственность язык лишь,
Чтоб договоры нарушать! Владете чужими
И отпускаете чужих, чужие в вашей власти!
Бесправны вы, отстаивать не вам права чужие.
Род сводников между людей...
Что мужи или комары, клопы, и вши, и блохи.
На зло, на мерзость вы годны, а на добро не годны.
Порядочный на площади стоять не станет с вами,
А станет — так его винят, чернят, подозревают...⁴⁹

Это строгий, безжалостный и грубый хозяин. Никто не может разжалобить его. Он переносит оскорбления с тем большей легкостью, что, как правило, происходит из народа. Иногда он пользуется даже хлыстом. Баллион, сводник из «Псевдола» Плавта, так рассказывает о себе:

Эй, слышите вы, женщины? К вам речь я обращаю.
Вы проводите жизнь в чистоте, в баловстве
И забавах. Мужей величайших
Знаменитых подруг испытаю сейчас...
Обработайте нынче любовников, пусть
Нанесут мне подарков побольше,
Годовой пусть доставят запас, а не то
Завтра уличной каждая будет⁵⁰.

В этом действительно заключалась самая страшная угроза жестокого сводника: как только одна из девиц не удовлетворяла appetитов хозяина, будь она даже в относительно привилегированном положении, она могла оказаться полуголой на улице перед покосившейся конурой, обслуживая за несколько ассов самого обычного клиента.

Одной из этих «девок» Баллион говорит:

С тебя начну, Гедимия,
Подружка зерновых купцов.
Зерна у них и краю нет,
Горами, знай, ворочают.
Пускай они зерна сюда
Понавезут на целый год
И мне, и домочадцам всем,
Чтоб захлебнулся вовсе я.

⁴⁹ Плавт. Куркулион, 495—504.

Плавт. Псевдол, 172—180.

Подобные предложения помогают лучше понять жадность куртизанок, чьи чувства могли быть какими угодно, только не сентиментальными.

Порой сводник давал своим куртизанкам великолепное образование. Но объяснялось это отнюдь не филантропией, а собственным коммерческим интересом. Сводник — это торговец. Он делает все, чтобы приманить клиента, а захватив его на крючок, дочиста высасывает его. Когда у любовника больше не остается денег, сводник становится непреклонным и дает ему те же советы, что и Баллион:

Любил бы, так нашел бы, занял бы,
Да к процентщику сходил бы, да процент прибавил бы,
У отца стащил бы... Ты б масла в долг купил да продал за наличные,
Вот тебе и набезало, смотришь, даже двести мин.

Несчастный восклицает в ужасе: «Как же у отца стащу я?! / Да и если б мог, мешает преданность родителю». — «Преданность и обнимай ты ночью, не Финикию», — отвечает сводник.

Сводник действует в собственных интересах, часто бесчестно. Он может пообещать девицу любовнику по одной цене и тут же продать ее более выгодно другому. Кредо Дориона, сутенера из «Формиона» Теренция, — выбирать того, кто платит вперед других. Его спрашивают, не испытывает ли он стыда. «Вовсе нет, раз это доход мне дает». Такова мораль сводника. Поэтому нет ничего удивительного в том, что влюбленные иногда обманывают его. Чаще всего, как в «Братьях» Теренция, похищают какую-нибудь куртизанку, потом торгуются со сводником, обещая вернуть ее, если он удовольствуется, например, половиной цены, назначенной им изначально. Или обвиняют сводника в укрывательстве раба и присвоении денежной суммы. Оказавшись в такой щекотливой ситуации, сводник вынужден уступить. Так хитрость и ловкость служат наслаждению.

Итак, проституция, как правило, оборачивается ярмаркой обманутых простофиль. Плотскому наслаждению, подобно другим наслаждениям, ведомы различные ступени, соответствующие каждому социальному классу. Но чаще всего оно корыстно. Проститутки

квартала Субуры не оставляют клиентам никаких иллюзий. Несколькими другая картина складывается, когда речь идет о куртизанках, чьи услуги стоят очень дорого. Конечно, большая часть их клиентов ищет лишь сладострастия и чувственных наслаждений, но есть и такие, кого толкают в объятия куртизанок истинные чувства. Мы уже знаем, почему этих несчастных разоряют и обманывают: сутенеры не позволяют своим подопечным отдаваться на волю чувств. И тем не менее было бы преувеличением сказать, что куртизанки всегда лишены чувств. Нравы меняются, и если в театре Плавта куртизанки всегда алчны, то театр Теренция говорит и о любви и куртизанка представляется скорее подругой, нежели простым инструментом наслаждения. «Свекровь» Теренция представляет нам одну такую куртизанку. В этой пьесе молодой человек по имени Памфил отправляется в путешествие. Его жена Филумена скрывается от мира, так как она ожидает ребенка, зачатого до свадьбы, поскольку муж ее обесчестил. Вернувшись, Памфил не признает ребенка своим. У Памфила есть любовница Вакхида. Все родные отворачиваются от молодого человека, но Вакхида улаживает дело, возвращая Памфилу жену и сына, а также расположение родных:

Какую радость мой приход принес Памфилу нынче!
Какое счастье я дала! Сняла заботы сколько!
Спасая сына: с ними он ступить его готов был.
Жену вернула я, на что рассчитывать не мог он.
Другие так любовницы совсем не склонны делать:
Не в наших интересах, чтобы в браке счастье
Любовник находил. Клянусь, до низости подобной
Я никогда не доведу себя из-за корысти.
Пока возможно было, в нем я ласкового друга
И щедрого, и милого имела; неприятен
Мне этот брак был, сознаюсь; но поступила так я,
Чтоб незаслуженной вполне та стала неприятность.
Но от кого приятного испытывалось много,
И неприятность от того снести лишь справедливо!

История сохранила для нас несколько примеров подобного благородства среди куртизанок и в жизни. Такова Гиспала, вольноотпущенница, о которой пишет Тит Ливий: «Она была достойна большего, чем профес-

сия, к которой привело ее рабство, но которой она занималась и после освобождения, чтобы помочь себе в нужде». Гиспала влюбилась в одного молодого человека по имени Абуций, и они стали встречаться. У молодого человека не было денег, и Гиспала у него их не просила. Однако Абуция ожидало посвящение в мистерии Вакха. Этот культ, появившийся в Риме не так давно, был известен Гиспале, сопровождавшей на нем свою прежнюю хозяйку. Она знала все ужасы инициации и понимала, что ее возлюбленный может погибнуть. Несмотря на опасность, грозившую ей самой, Гиспала предпочла все рассказать консулу и спасла Абуция. Ее разоблачения положили начало знаменитому делу о вакханалиях 186 года до н. э.

Подобные примеры показывают, что в области чувств между эпохой Плавта и эпохой Теренция произошли значительные изменения. Так что и среди прогнившего и бесчеловечного мира проституции распустились иногда чистые и бескорыстные чувства.

Несомненно, проституция представляет весьма неприглядный аспект плотских наслаждений в Риме. Но вот вопрос: является ли она более привлекательной в наше время?

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Жизнь римлянина состояла из множества самых разнообразных наслаждений. По большей части это были наслаждения, так сказать, материального свойства. Красноречие, чтение или сочинительство для большинства не являлись необходимостью, и тем не менее интеллектуальная деятельность вполне вписывалась в рамки римского «умения жить». Хотя чаще всего это было не стремление к более глубокому познанию себя самого и жизни вообще, а желание блеснуть своими интеллектуальными способностями в глазах других. Истинное же эстетическое и интеллектуальное наслаждение, похоже, предназначалось только для элиты.

Как правило, подлинная любовь к произведениям искусства не рождается вместе с цивилизацией. Народ должен сперва увериться в собственной состоятельности, повысить уровень своего благосостояния, чтобы выработать в себе вкус и знания в области искусства и чтобы появилось время, необходимое для этого занятия. Это не означает, что в юной цивилизации отсутствует искусство как таковое. Часто оно выражается в различных религиозных проявлениях, но не осознается как собственно искусство. Со времен самой ранней Античности Рим располагал художниками и ремесленниками, особенно ювелирами, создававшими под влия-

янием этрусков многочисленные предметы, от которых сохранилось лишь несколько экземпляров, например «фибула Маниоса» — золотая брошь, на которой выгравирована первая надпись на латыни. Но, как отмечает Плутарх в жизнеописании Нумы, ювелиры, литейщики и гончары являются «ремесленниками», но не художниками¹.

Затем в Рим проникает эллинистическая культура. Завоевание юга Италии, Греции, а затем и Востока имело своим следствием появление в Риме сказочных богатств, к которым римляне вряд ли были готовы. Рим стал хозяином средиземноморского мира. Сюда начинают съезжаться многочисленные иностранные художники, чья продукция за несколько десятилетий развивает неумеренную страсть к художественным произведениям — по крайней мере, в зажиточных слоях населения. Рим открывает для себя искусство. Но могли ли римляне за столь малый срок приобрести настоящий художественный вкус и ощутить при виде этих шедевров иное наслаждение, кроме гордости от того, что у них в домах стоят великолепные вещи, подобные тем, что стояли во дворцах покоренных ими царей? Многие тексты дают нам ответ на этот вопрос, о котором, впрочем, нетрудно догадаться.

Одним из первых событий, познакомивших римлян с эллинским искусством, стало взятие Сиракуз в 212 году до н. э. Военачальник Марцелл вывез из Сиракуз «большую часть самых прекрасных украшений этого города, желая показать их во время триумфального шествия и сделать частью убранства Рима. Ведь до той поры Рим не имел и не знал ничего красивого, в нем не было ничего привлекательного, утонченного, радующего взор», — писал Плутарх².

Первым намерением Марцелла было возвеличить себя с помощью великолепного триумфального шествия. Однако «Марцелла обвиняли в том, что, проведя по городу в своем триумфальном шествии не только пленных людей, но и пленных богов, он сделал Рим

Плутарх. Жизнеописание Нумы, 29, 3.

Плутарх. Жизнеописание Марцелла, 33, 1.

предметом общей ненависти, а также в том, что народ, привыкший лишь воевать да возделывать поля, не знакомый ни с роскошью, ни с праздностью, он превратил в бездельников и болтунов, тонко рассуждающих о художествах и художниках и убивающих на это большую часть дня». Сам же Марцелл без ложной скромности заявлял, что «научил невежественных римлян ценить замечательные красоты Эллады и восхищаться ими»³. В самом деле, если верить Плинию, познания соотечественников Марцелла в этой области оставались еще туманными. Если некоторые умели отличать живопись и определять ее автора по манере, другие из-за своего незнания и наивности попадали в забавные ситуации. Так, один римский военачальник в 146 году до н. э. продал с торгов в Коринфе украденные им картины за бесценок, даже не подозревая об их истинной ценности. А ведь царь Пергама Аттал, человек знающий, предлагал за них 600 тысяч динариев (цена стада в десять тысяч быков!)⁴. Очевидно, «уроки» Марцелла не нашли в нем никакого отклика.

Начиная со II века до н. э. приток произведений искусства в Рим усиливается. Местное изготовление статуй из дерева и терракоты для храмов прекращается: вместо этого в них помещают скульптуры и живопись, привезенные с Востока. После завоевания Малой Азии в Рим привозят добычу на общую сумму 18 миллионов динариев в виде золотых и серебряных изделий, ваз из драгоценных металлов, статуй (всего 134 статуи) и т. п. Храм Аполлона на Марсовом поле превращается в настоящий музей, в котором представлены работы самых знаменитых мастеров Родоса, Греции, Азии. Очень скоро подобные шедевры начинают украшать не только храмы или публичные здания, но и частные дома. На свет появляется новый тип римлянина — частный коллекционер. Рим охватывает настоящее безумие: каждый мечтает поставить у себя в атриуме или перистиле ту или иную статую, что способствует развитию «производства копий», удовлетворяющего потребности бо-

³ *Плутарх*. Жизнеописание Марцелла, 35, 1.

⁴ *Плиний*. Естественная история, XXXV, 24.

гатых собственников. Страсть к собирательству часто толкает коллекционеров на заказ сразу двух копий одной и той же статуи, сделанных так, что вторая является зеркальным отражением первой. Это позволяет располагать их в противоположных углах сада. Искусство внезапно становится социальным феноменом: оно лучше всего прочего свидетельствует о положении хозяина дома в обществе.

Постепенно повсюду вырастает настоящий лес из статуй, особенно на Форуме, о чем пишет Плиний⁵. В Риме даже появляются три статуи самого страшного врага римлян — Ганнибала! Безумие достигает таких размеров, что Катон как-то заметил: «Мне больше нравится, когда спрашивают, почему не воздвигли статую Катона, чем почему ее воздвигли!»⁶ То же касается живописи. Рим становится городом-музеем. Некоторые римляне сами берутся за кисть, как это сделал Фабий Пиктор⁷ в III веке до н. э. (отсюда его имя: Пиктор, что значит художник), который украсил храм на Квиринале. Племянник поэта Энния Пакувий расписал во II веке храм Геркулеса. Многие предпочитают обращаться в своем творчестве к грекам и изображать их подвиги.

Цены на произведения искусства не перестают расти. Известно, что Гортензий, современник Цицерона, купил за 140 тысяч сестерциев картину с изображением аргонавтов работы Лидия и построил специальную комнату для ее хранения на своей вилле в Тускулуме. «Объявляя войну самым богатым и изобильным городам, — говорил Цицерон, — преследуют лишь желание их ограбить»⁸.

Это систематическое разграбление не делало вкус римлян более утонченным. Коллекционеров привлекали скорее редкость или необычность предмета, чем его художественная ценность. Да и как их в этом упрекать? Начало римской цивилизации было отмечено простотой и скромностью. Культурное пространство

⁵ Там же, XXXIV, 6.

Плутарх. Жизнь Катона, 19.

Фабий Пиктор — юрист, автор 16-томного понтификального права.

⁸ *Цицерон. За Манлиев закон*, 22.

этих людей земли едва ли было протяженным, а их доходы не давали возможности иметь что-то кроме простых деревянных или терракотовых изображений, посвященных богам. Роскошь осуждалась. Во II веке до н. э., до наплыва эллинского серебра, консулы все еще пользовались терракотовой посудой. Плиний описывает следующую историю: карфагенские послы, посетившие Рим и принятые в домах многих патрициев, были поражены, обнаруживая всякий раз одну и ту же серебряную посуду. Оказывается, патриции передавали ее друг другу на время больших приемов! И вот внезапно, за несколько лет, в Рим устремились огромные богатства. В 65 году до н. э. Цезарь представлял публике на играх 640 гладиаторов, одетых каждый в серебряную пектораль. Мы уже говорили, что подобный экономический и политический переворот разрушил традиционную мораль и подтолкнул людей к личному обогащению. Эта новая страсть к предметам из бронзы, мрамора или серебра выражала скорее амбиции и тщеславие народа-победителя, чем потребность в удовлетворении истинного эстетического наслаждения. Век спустя, в эпоху Цицерона, познания в области искусства становятся более развитыми, но страсть к коллекционированию, сильная, как никогда, иногда граничит с безумием. Показателен случай Верреса, позволяющий, помимо прочего, понять, насколько важно было эстетическое наслаждение для культурного человека, каким, без сомнения, являлся Цицерон — обвинитель Верреса.

Всем известно: правитель провинции часто поддается искушению присвоить кое-что из местных сокровищ для своего частного музея. Веррес, богатый коллекционер из Сицилии, был подвержен этой страсти особенно сильно. Во всех управляемых им провинциях он систематически отбирал в свою пользу как публичное, так и частное имущество. Обвиненный во взяточничестве, Веррес удостоился сомнительной чести выслушать против себя обвинительную речь Цицерона. Благодаря этой речи мы можем хорошо представить себе жилище богатого коллекционера, охваченного манией собирательства.

Цицерон рассказывает, что, явившись к Верресу, он повсюду увидел великолепные статуи, украшавшие как атриум, так и сад; они выделялись на пурпурном фоне какой-нибудь ткани или зелени беседки. У Верреса хватало как классических, так и архаических произведений, бронзовых изделий Мирона и Поликлета, имелись у него Купидон работы Праксителя, архаичные статуи. Бюсты, серии картин, фигурки из слоновой кости, статуэтки, куски барельефов, сорванные с дверей храма Минервы в Сиракузах, составляли украшения разных комнат. В витринах были выставлены предметы ювелирного искусства, чеканные вазы, серебряные кувшины, золотые и серебряные чаши, инкрустированные алмазами, а также скульптурные предметы, украшенные рельефными фигурками. Столы были уставлены блюдами всех размеров, чашами, подобными посуде с виллы Боскореале в Кампании, которую можно увидеть в Лувре. Среди всей этой роскоши несколько вещей имели особую ценность, например киаф, позволявший черпать вино из кратера, — он был сделан из цельного драгоценного камня с золотой рукояткой. К этим сокровищам следует добавить целую комнату, которую Веррес отвел под выставку своей богатой коллекции украшений. Там, на маленьких треножниках были выставлены кольца и драгоценные камни, которые владелец смог украсть у своих богатых подчиненных. Имелась и великолепно декорированная мебель: инкрустированные бронзой ложа, бронзовые канделябры, столы, изготовленные из лучшего мрамора и ценных пород дерева, таких, например, как туя, очень популярная в то время в высшем обществе. Веррес также присвоил золотой канделябр сирийского царя Антиоха, инкрустированный драгоценными камнями, высотой более двух метров. Наконец, нельзя не сказать о коврах и роскошных тканях, дарящих ощущение уюта и роскоши. Добавим к этому огромное число предметов странных, неожиданных, но не менее ценных, таких как кирасы и шлемы из бронзы или слоновые бивни невероятных размеров, и мы сможем представить все великолепие этой коллекции.

В нашу задачу не входит выяснение того, с помощью каких именно нечистых средств собрал свои сокровища Веррес. Хотя его коллекция и не отвечала общепринятым эстетическим критериям, она все же свидетельствует о том, что Веррес разбирался в искусстве и получал эстетическое наслаждение от собранных им предметов. Сам Цицерон признавал это. Веррес устроил в Сиракузах большую мастерскую, в которой собрал «всех художников-чеканщиков и мастеров, изготавливающих вазы». В течение последующих восьми месяцев там производились исключительно золотые вазы.

«Вот тогда-то украшения, сорванные с каминов, были так умело приделаны к золотым кубкам, так удачно прилажены к золотым чашам, что казалось, будто они были созданы именно для них, — писал Цицерон, — при этом сам претор, чьей бдительности, если верить его словам, Сицилия обязана своим спокойствием, проводил в этой мастерской большую часть дня, одетый в темную тунику и плащ»⁹.

Весьма неохотно Цицерон признает вкус Верреса. Но при этом он показывает нам, что и сам в отношении искусства не является таким уж невеждой, каким он, вероятно, хотел бы казаться. Поразительно, что на протяжении всего процесса Цицерон старается не подавать вида, что понимает толк в искусстве и ценит его. Он неоднократно кичится своим «громадным невежеством» в этой области¹⁰. Произведение искусства, по его словам, является «вещью, которую мы презираем». Цицерон навязчиво обращает внимание на то, что сам он не известен среди коллекционеров (как мы еще увидим, это является ложью)¹¹.

Нас это интересует прежде всего с точки зрения римского менталитета: в отношении искусства римлянин стремился проповедовать невежество:

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,

Цицерон. Речь против Гая Верреса. О предметах искусства, XXIV, 54.

¹⁰ Там же, II, 35, 86.

¹¹ Там же, II, IV, VII, 13.

Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды, — не спору:
Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!¹²

Итак, политическая деятельность, экономика, право, красноречие всегда были куда важнее для римлян, нежели искусство. Цицерон заявлял даже, что Рим по собственной воле отказался от того, чтобы иметь столь же великих художников, как Греция. Римская традиция была враждебно настроена по отношению к искусству даже в тех случаях, когда эту традицию защищали такие просвещенные люди, как Катон, правнук сурового цензора, посещавший греческих философов.

Искусство оставалось частным делом. Публичный человек во времена Цицерона если и получал наслаждение от созерцания предметов искусства или собирал коллекцию, то в своей официальной ипостаси вынужден был исповедовать совершенно противоположное. Таков случай Цицерона: на процессе Верреса он демонстрировал невежество человека, не способного даже запомнить имена великих художников и просившего секретаря называть их. Однако на самом деле он знал эти имена очень хорошо. Да и как могло быть иначе? Живя в Риме, Цицерон с детства мог восхищаться шедеврами, привезенными в город после великих побед римского оружия; в 79 году до н. э. он съездил в Афины, где посетил Акрополь, затем побывал на Родосе, где встречался с выдающимися греческими мастерами и беседовал с ними об искусстве. Наконец, в 75 году до н. э. Цицерон стал квестором на Сицилии: здесь он мог восхищаться всеми теми сокровищами, которые Веррес спустя короткое время оттуда вывез. К этому надо добавить природное чувство, которое позволяло ему наслаждаться красотой произведений искусства и сознавать их ценность. Так, он старался украсить свои многочисленные виллы, особенно виллу в Тускулуме, не жалея для этого средств. Фрагменты его писем другу Аттику свидетельствуют о

¹² *Вергилий*. Энеида, VI, 847—853.

том, что он испытывал настоящее эстетическое наслаждение от оформления собственных домов. Прежде чем приобрести какую-либо статую, он думает о том, будет ли она соответствовать атмосфере той комнаты или того уголка сада, куда он ее намеревается поставить.

«Твои гермы¹³ из пентеликонского мрамора с бронзовыми головами, о которых ты сообщил мне, уже и сейчас сильно восхищают меня. Поэтому отправляй, пожалуйста, мне в возможно большем числе и возможно скорее и гермы, и статуи, и прочее. Что покажется тебе достойным и того места, и моего усердия, и твоего тонкого вкуса, особенно же то, что ты сочтешь подходящим для гимнасия и ксиста¹⁴.

Кроме того, поручаю тебе приобрести барельефы, которые я мог бы вставить в штукатурку стен малого атриума, и две каменные ограды с изображениями для колодцев».

«То, что ты пишешь мне о гермафрине¹⁵, очень радует меня. Именно это украшение подходит для моей академии, ибо Гермес служит общим украшением всех гимнасиев, а Минерва — отличительным украшением этого гимнасия. Пожалуйста, как ты и пишешь, украшай это место и другими предметами в возможно большем числе. Статуи, которые ты мне прислал ранее, я еще не видел. Они в формийской усадьбе, куда я теперь думал съездить. Я перевезу их все в тускульскую усадьбу. Если когда-нибудь начну богатеть, украшу Кайету»¹⁶.

Таким образом, Цицерон рассчитывал согласовать в Тускулуме свои художественные и литературные вкусы и желал, чтобы каждое место напоминало ему Афины и Грецию, родину философии и изящных искусств, где он провел столько счастливых часов. Опять же в связи с этим он пожелал воздвигнуть в садах Тускулума два

¹³ Гермы — четырехгранные столбы, увенчанные головой Гермеса.

¹⁴ Ксист — крытая галерея в греческом гимнасии, рассчитанная на плохую погоду.

¹⁵ Герма с головой Афины Паллады.

¹⁶ Цицерон. Письма к Аттику, I, 4, 3.

гимнасия¹⁷, названных Лицей и Академия в память об афинских Лицее и Академии, куда приходили порассуждать философы. Предпочтение Цицерон отдает Академии: на ее украшение он тратит большие суммы, и можно легко представить дискуссии, разворачивавшиеся там среди греческих статуй, позволявших сочетать эстетическое наслаждение с интеллектуальным.

Следует заметить, что римский художественный вкус на самом деле никоим образом не распространялся на римское искусство. С тех пор как искусство вошло в моду, знатоков привлекали исключительно привозные произведения. Поэтому расцвет собственно римского искусства мог начаться лишь тогда, когда греческие и восточные шедевры перестали наводнять римский рынок. Только в III веке н. э. теоретики римского искусства сформулировали позиции, отличные от тех, что были провозглашены греческими философами. Коллекционеры также стремились к приобретению подлинных предметов старины — даже в начале Империи, когда приток иностранных произведений искусства сильно замедлился, а художественные влияния начали изменяться. Искусство эволюционирует, особенно в эпоху Нерона. К тому же уже в начале Империи значение частных коллекций уменьшается, особенно в связи с ростом фискальных пошлин, ограничивающих число владельцев огромных состояний.

Неизменность эллинистического влияния не означает, что в Риме не существовало своего искусства, более народного и менее подверженного греческому канону. Правда, тексты сохранили для нас очень мало имен собственно римских художников, да и те все равно учились у греков. Плиний, например, приводит имя всего одного художника эпохи Цезаря — Арелия¹⁸.

Искусство портрета, живопись и скульптура существовали в Риме с тех самых пор, когда знатные фамилии

Гимнасий — первоначально школа физических упражнений или место для гимнастических соревнований в Древней Греции. С появлением наемных армий гимнасии стали использоваться как высшие учебные заведения, где выступали с лекциями философы.

¹⁸ Плиний. Естественная история, XXXV, 10.

получили право иметь восковые «образы» своих предков. Именно в этом искусстве проявляла себя римская самобытность. Искусство, называемое «народным», развивалось параллельно. К нему обращались те люди, которые не слишком разбирались в прекрасном, но которым средства позволяли воздвигать статуи или надгробия согласно их фантазии. Так, Трималхион Петрония желает воздвигнуть себе надгробие при жизни: он считает, что «большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше предстоит жить, не заботиться». Трималхион говорит скульптору: «Я очень прошу тебя, изобрази у ног моей статуи собачку мою, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита (гладиатора), чтобы я, по милости твоей, еще и после смерти пожил»¹⁹

Археологи показали, что подобные надгробные изображения с их несовершенными скульптурами были нередки. Они являлись отображением повседневной жизни и лишней раз свидетельствовали о художественном невежестве большей части римлян.

Тем не менее Рим постепенно превращался в настоящий город-музей. Уже с конца Республики ежедневная прогулка римлянина по столице начинает использоваться правящими классами как средство для политического воздействия. Когда Помпей заказывал Никию Афинскому, Павсиасу, Антифилу и Полигноту написать под его портиком мифологические, религиозные и воинственные сцены²⁰, он еще не преследовал никаких особых политических целей. Но уже Цезарь, а потом Август и другие императоры (особенно Траян) рассчитывали укрепить свою власть через удовлетворение эстетических запросов граждан, строя каждый собственный форум как символ власти. В этом случае искусство перестало быть нейтральным. Разумеется, строительство этих форумов диктовалось нехваткой места и приростом населения. Тем не менее ясно, что, создавая монументальный ансамбль с совершенными линиями, реставрируя один за другим на старом Фору-

¹⁹ *Петроний*. Сатирикон, 71.

²⁰ *Плиний*. Естественная история, XXXV, 9, 11.

ме все поврежденные огнем памятники, украшая их великолепным мрамором, Цезарь, а потом и Август хотели выразить таким образом облик политического порядка, который они намеревались установить. Каждый правитель тратил на это значительные средства. Форум Августа, менее удобный, чем форум Цезаря, являлся тем местом, где особенно прославлялось величие Империи. Здесь черпали свое имперское вдохновение философы, риторы и поэты. Август приказал украсить свой форум статуями предков — от Энея и Ромула до Цезаря и на каждой выгравировал особое похвальное слово. К ним прибавились статуи самых знаменитых полководцев Республики — Сципиона, Мария, Суллы... Что касается самого императора, его статуя царила в центре площади на квадриге из позолоченной бронзы. Все это должно было подтверждать династическую незыблемость власти Августа.

Этот тип архитектурного искусства достиг своего апогея при Траяне, чей форум, наполненный мраморными скульптурами, увеличился за счет построенных базилики, библиотеки и рынка. Совершенное искусство этого ансамбля освящало власть императора. Об этом хорошо написал Аммиан Марцеллин, посетивший Рим времен императора Констанция II в 356 году. Он был потрясен великолепием старого форума, «святилища бывлой власти», храмом Юпитера Капитолийского, «столь чудесного, что он славит превосходство вещей божественных над вещами человеческими», термами, «столь же огромными, как целая провинция», Колизеем, Пантеоном, театрами, стадионом... «Но, придя на форум Траяна — единственное в мире сооружение, которому само небо должно воздавать почести и восхищение», он остановился, пораженный «гармонией этих гигантских зданий». И потерял «всякую надежду достичь этого величия»²¹.

Подлинное эстетическое наслаждение, следовательно, было доступно лишь ограниченному числу людей. То же самое можно сказать и о наслаждениях для ума, то есть интеллектуальных наслаждениях, поскольку

Аммиан Марцеллин. Истории, XVI, X, 15.

ку мало людей способны искать счастье, изменяя свой внутренний мир. Такой человек, как Цицерон, знал цену тишине и искал ее на своих виллах. В Антинуме, вдали от политических бурь, он рассчитывал обрести душевный покой и радость²². Для него время делилось математически на два периода: один посвящен трудам и обязанностям, другой — досугу.

Гуманитарное образование определяло особое интеллектуальное наслаждение. Оно было законным и даже желанным. Но термин, используемый для обозначения этого наслаждения Цицероном, не имеет ничего общего с тем, каким мы привыкли определять упомянутые наслаждения — «*voluptas*», то есть удовольствие, приятное волнение, ласкающее чувство. Цицерон презирует наслаждение как таковое и предпочитает называть свое интеллектуальное наслаждение термином «*delectatio*» — отсутствие страданий. Эпикурейское наслаждение, полагает Цицерон, является всего лишь вульгарной радостью в противоположность поискам истинного счастья. Надо сказать, что еще Эпикуру приходилось бороться с извращенными представлениями о наслаждении киренской школы Аристиппа, для которого наслаждение — всего лишь поиск радости, в то время как сам Эпикур, напротив, подразумевал под наслаждением состояние, являющееся следствием постоянства естественных потребностей. Подобная ложная интерпретация мысли философа повлияла и на Цицерона, чье пуританство отвергало любое понятие наслаждения исключительно ради благородных наслаждений, которым не было места в вульгарном материализме Эпикура²³.

Мы не будем углубляться здесь в философские диспуты римской Античности — они слишком далеко увели бы нас в сторону от интересующего нас предмета. Лучше представим себе человека, способного жить в поисках счастья. Мог ли какой-нибудь римлянин, в соответствии с идеями Эпикура, испытывать подлинное интеллектуальное наслаждение через осознание есте-

Цицерон. Письма к Аттику, II, 4, 5.

²³ Цицерон. О пределах добра и зла, II, 23, 39.

ственных потребностей, исключение желаний, часто воображаемых и всегда иллюзорных, через дисциплину тела и ума, призванную усмирить тело и укрепить душу? Отбросим теоретиков, подобных Лукрецию. Обратимся к другому примеру — примеру человека чувствительного и высокодуховного, пытающегося жить тем, во что он верит, человека, род занятий которого свидетельствует о его интеллектуальных исканиях и в то же время о его разочаровании в эпикурейской морали. Этот человек — Вергилий.

Вергилий родился в 70 году до н. э. возле Мантуи. Он рос на природе, в деревне, затем, в возрасте приблизительно двенадцати лет, перебрался в Мантую, чтобы получить образование. Вся его ученическая юность прошла в городах — Кремоне, Милане, Риме, поражавших его своей бурной жизнью... В двадцать лет в Риме он услышал об Эпикуре и его желании сделать людей равными перед законами природы, поскольку политика равенству не способствовала. Рим в это время был тем более восприимчив к эпикурейству, поскольку находился в условиях, практически идентичных тем, что предшествовали зарождению эпикурейства в конце IV века до н. э., когда, предчувствуя грядущее раздробление греческих городов-полисов, философ захотел создать счастливое человеческое общество. Вергилий отправляется в Неаполь, чтобы поступить в школу философа-эпикурейца Сирона. Он уже прочитал Лукреция, и высказывания этого последователя Эпикура кажутся ему как никогда подтвержденными событиями: стремясь захватить власть, люди ненавидят и поносят друг друга. Вслед за Лукрецием Вергилий ищет мира в мудрой безмятежности. Став адвокатом, он понимает, что неправильно выбрал жизненный путь и новая философия предлагает ему средство оправдать свой уход от беспокойного делового мира и преодолеть разочарование, подбодрив себя интеллектуально. С этого момента Вергилий пытается жить в соответствии с заветами Эпикура и собственным философским опытом. Отвергая вульгарные наслаждения, он ищет наслаждений спокойных: разумеется, эти наслаждения основаны на материальном мире, но их следствием является

душевный покой. Убедившись, что подобного счастья можно достичь лишь в уединении, Вергилий уезжает к себе в деревню. Там он пишет свои первые поэтические труды — «Буколики». Форма стихов заимствована из греческой лирики, в основном из сочинений Теокрита²⁴. Имена персонажей также греческие. Вергилий изображает своих героев пастухами, но на фоне пасторальных сцен он передает свое собственное эпикурейское мировоззрение. Читая «Буколики», понимаешь, что Вергилий следовал философии счастья:

Страсть в Коридоне зажег прекрасный собою Алéксис.
Был он хозяину люб — и пылал Коридон безнадежно.
Он что ни день уходил под частые буки, в прохладу
Их густолиственных крон, и своих неотделанных песен
Жалобы там обращал к лесам и горам, одинокий.
«Песням моим ты не внемлешь, увы, жестокий Алéксис!
Иль не жалешь ничуть? Доведешь ты меня до могилы!
Даже и скот в этот час под деревьями ищет прохлады,
Ящериц даже укрыл зеленых терновник колючий,
И Тестеллида уже для жнецов, усталых от зноя,
К полднику трет чабер и чеснок, душистые травы.
Вторя мне громко, пока я слежу за тобою прилежно,
Пеньем цикад кустарник звенит под солнцем палящим...
О, лишь бы ты захотел со мною в скудости сельской,
В хижинах низеньких жить, стрелять на охоте оленей.
Или же коз погонять хворостиной из мальвы зеленой...
Мальчик прекрасный, приди! Несут корзинами нимфы
Ворохи лилий тебе; для тебя белоснежной наядой
Сорваны желтый фиоль и высокие алые маки;
Соединен и нарцисс с душистым цветом аниса;
С благоуханной травой сплела она и лаванду;
Нежных фиалок цветы ноготки желтизной оживляют.
Бледных плодов для тебя нарву я с пуховым налетом,
Таюже каштанов, моей излюбленных Амариллидой.
Слив восковых прибавлю я к ним — и сливы уеажу!
Лавр, тебя я сорву, вас, мирты, свяжу с ним теснее.
Благоуханья свои вы все воедино сольете!
Ты простоват, Коридон! К дарам равнодушен Алéксис.
Если ж дарами борьбу затевать, — Иолл не уступит.
Горе! Что я натворил? В своем я безумии Австра
Сам напустил на цветы, кабанов в прозрачные воды...
Что, безрассудный, бежишь? И боги в лесах обитали,

²⁴ *Теокрит (Феокрит)* (перв. пол. III в. до н. э.) — древнегреческий поэт из Сиракуз. Жил в Александрии. Сохранилось около 30 его стихотворений, идеализировавших жизнь крестьян.

Да и дарданец Парис. Пусть, крепости строя, Паллада
В них и живет, — а для нас всего на свете милее
Наши пусть будут леса. За волком гонится львица,
Волк — за козой, а коза похотливая тянется к дроку, —
А Коридон, о Алексис, к тебе! У всех свои страсти.
Видишь, волы на ярмах уж обратно плуги свои тшатат,
Скоро уж солнце, клонясь, удвоит растущие тени.
Я же горю от любви. Любовь возможно ль измерить?
Ах, Коридон, Коридон! Каким ты безумьем охвачен!
Недообрезал листвы я у лоз виноградных на вязе...
Лучше б сидеть да плести что-нибудь полезное, к делу,
Гибкий камыш применив иль ивовых прутьев нарезав.
Этот Алексис отверг — другой найдется Алексис²⁵.

Этот буколический жанр особенно соответствовал душе молодого поэта. Он позволял ему воспевать пасторальную жизнь и ее простые радости, которым уже пел хвалы Лукреций. Но эта же сентиментальная поэзия позволяла Вергилию излагать собственные взгляды на жизнь. Легкими мазками он изображает разнообразные грани человеческого счастья вдали от беспокойной жизни крупных городов и атмосферу счастливой безмятежности, в которой живет человек, исповедуя эпикурейство. Ясно, что под греческими именами поэт подразумевает своих современников. Коридон является пастухом только в привязке к греческой пасторали. На самом деле это мелкий фермер, каким был сам Вергилий, живущий за счет производства молока, сыра, фруктов и кое-каких овощей. Коридон выращивает яблоки и сливы, собирает каштаны, а в жаркое полуденное время разделяет свой незамысловатый обед, состоящий из простых блюд, приправленных пряными травами и чесноком, со жнецами. Таков образ жизни италийских крестьян. В нем и заключена истинная простота.

Любовь Коридона также рассматривается сквозь призму эпикурейской философии. Эпикур осуждал страстную любовь, заставляющую человека терять состояние покоя — источник счастья и забывать, что душу не должны трогать жизненные случайности и не-

²⁵ *Вергилий*. Буколики, II, 1—4, 28—30, 45—73. Перевод С. Шервинского.

урядицы. Описывая чувства Коридона, Вергилий, показывает, какие страдания может вызвать любовь. Причем, как мы уже видели в предыдущей главе, не важно, какая именно любовь имеется в виду — гомосексуальная или гетеросексуальная. Страсть имеет единую природу. Она является препятствием к счастью и, например, мешает Коридону спокойно разделить обед со жнецами. Тем более что эта любовь является абсурдной, поскольку поэт с самого начала предупреждает нас, что простому крестьянину от нее ждать нечего. И в самом деле, в конце стихотворения мы видим Коридона, бесполезно растратившего силы и по причине этого неспособного наслаждаться красотой завершающегося дня. Привыкший к роскоши Алексис никогда не согласится разделить эту простую жизнь, предлагаемую ему Коридоном, но тот, однако, найдет средство прикоснуться к счастью.

Приверженность Вергилия к эпикурейской философии в это время тверда, но, примененная на практике, она оказывается далека от жизни. Первое значительное поражение постигло Вергилия несколькими годами позже, когда у него конфисковали родительское поместье в пользу ветеранов армии. Хотя впоследствии эта несправедливость была исправлена и поэту вернули его земли, обида терзала его еще долго. С этого времени он понял, что строгая философия Эпикура не всегда верна. Природа, говорил Эпикур, снабжает человека минимумом необходимого и освобождает его от всех забот. Но этого недостаточно для счастья, поскольку природа не может предложить больше того, что необходимо. Философские рецепты бессильны, когда человек испытывает голод и вынужден искать в лесу желуди, особенно если он оставляет за собой полный амбар — свидетельство тяжелого труда. Уже Лукреций сожалел о том, что прошло время, когда человек жил беззаботно, кормясь случайно собранными грибами и ягодами. Вергилий же понимает, что человек должен рассчитывать скорее на себя, чем на природу, и что сельское хозяйство позволяет ему избежать многих препятствий на пути к счастью. Мудрость должна победить безмятежность выступившим на лбу потом. Уже в

конец второй «Буколики» Коридон понимает, что труд дает средство бороться против страсти. Эта новая концепция поиска счастья еще громче звучит в первой «Георгике» Вергилия.

В отличие от Лукреция, Вергилий не считает, что сельское хозяйство и технический прогресс развивают стремление к обогащению и власти. Они просто позволяют вести спокойную, уверенную в завтрашнем дне жизнь. Крестьянин пашет, сеет, возделывает землю, жнет, и результатом его трудов становится простое счастье, в которое никогда не переставал верить Вергилий. Если в его голову и закрадывалось порой сомнение, если некоторое разочарование заставляло его внимательнее прислушиваться к людям, исповедовавшим другие философские системы, например к стоикам, тем не менее идеал буколического счастья прослеживается во всех его «Георгиках» наряду со случайными изменениями, извлеченными им из собственного опыта. «Трижды блаженны — когда б они счастье свое сознавали! — жители сел!»²⁶ Зимними вечерами крестьянин сидит у очага, рядом с женой, напевающей песни, и любимыми детками. Эта картина семейного счастья созвучна эпикурейской морали, даже если некоторые ее аспекты искажают философию Эпикура. Лукреций вслед за своим учителем провозглашал, что счастливые люди не интересуются богами, в то время как крестьянин Вергилия — человек глубоко религиозный. Дело в том, что, хотя идеал поэта остался тем же, средства его достижения с течением времени изменились. Покинув родную землю, Вергилий чаще всего жил в Кампании, а его покровителем был Меценат. Через Мецената Вергилий убедил Октавиана Августа (а точнее, позволил ему убедить себя), что человеческое счастье достижимо с возвратом к простоте, семейным добродетелям и религиозности. Пути достижения простоты, согласно Августу, связаны с беспечным спокойствием, всегда дорогим сердцу поэта. Впрочем, к этому добавлялось еще кое-что — чувство, неизвестное Эпи-

Вергилий. Георгики, II, 458—459.

куру, но пришедшее к Августу вместе с опытом: любовь. Доводы Эпикура о жизни по воле природы были уже недостаточны:

Счастливы те, кто вещей познать сумел основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к молениям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта.
Но осчастливлен и тот, кому сельские боги знакомы, —
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры..
Рима дела и падения царств его не тревожат.
Ни неимущих жалеть, ни завидовать счастью имущих
Здесь он не будет. Плоды собирает он, дар доброхотный
Нив и ветвей; он чужд законов железных; безумный
Форум ему не знаком, он архивов народных не видит²⁷

Религиозные праздники дают крестьянам повод насладиться простой, невинной радостью, оправдывающей поиски счастья. Очевидно, что первым условием этого счастья остаются скромность и умеренность, подобно счастью, испытываемому «стариком корикийским», владевшим «самым скромным участком земли заброшенной, неподходящей / Для пахоты, непригодной для стад, неудобной для Вакха». Старик этот «помышлял, что богат, как цари! Он вечером поздно стол, возвратясь, нагружал своею, не купленной снедью»²⁸.

Все еще оставаясь глубоко привязанным к основам своих убеждений, Вергилий меняется в историческом смысле. Счастье, даже если оно подчиняется умеренности, не может повернуться спиной к будущему, как хотели этого Эпикур и Лукреций, поскольку историческая обстановка подталкивала их сопротивляться разрушительной эволюции своего времени. Лукреций проповедовал невмешательство, потому что Республика агонизировала среди столкновения амбиций и страстей, приводящих людей лишь к тому, что они вредили себе и друг другу. Отсюда возникало желание уединения. Эпикур проповедовал индивидуальное счастье; Вергилий же открыл, что человек, чтобы жить счастливо, не должен удаляться от общества. Некоторые ученые считают, что Вергилий стал жертвой официаль-

Вергилий. Георгики, II, 490—502.

²⁸ Там же, IV, 132—133.

ной пропаганды. Это не столь важно. Важно, что на его примере мы можем проследить эволюцию человека, протестующего против собственного утверждения, что добиться лучшего мира можно лишь в контакте с природой и ее элементами. Из этого мира не может быть исключена любовь, хотя эпикурейцы, а после них Лукреций отвергают ее как безумие, мешающее достигнуть мудрости. Уже в десятой «Буколике» Вергилий произносит: «Все побеждает Амур, итак — покоримся Амуру!»²⁹ Эпикурейство может быть возвышенной индивидуальной моралью, но этого недостаточно для поэтического вдохновения: ему необходима любовь. Так постепенно обретает форму гуманизм Вергилия. Философия природы, помещающая человека в свои примитивные рамки, философия «Георгик» Вергилия обретают среди реформ Августа душевный и умственный покой. Наслаждение, по Вергилию, — это плод поэтической медитации, но речь идет о наслаждении исключительно интеллектуальном, духовном, которое приводит к наслаждению простым существованием, превозносимым его возвышенными посланиями. Они же были возможны только потому, что им было присуще наслаждение.

Это напряженное размышление о жизни, направленное на поиски истинного наслаждения, мы еще более ясно видим в произведениях другого поэта, также друга Мецената, Горация.

Подобно Вергилию, Гораций испытал на себе много философских влияний. Особенно он был подвержен эпикурейству. Но он всегда пытался составить свое оригинальное мнение, основанное на собственном жизненном опыте. Как и многие другие, поэт мог бы пуститься на поиски легких удовольствий, предлагаемых жизнью в Риме, чтобы забыть о собственных заботах. Он же поступает совершенно по-другому, несомненно, благодаря образованию, данному ему отцом в маленьком городке в Апулии, где мораль вдали от соблазнов Рима следовала прямолинейной античной традиции. Отец приучал его с малолетства «склоннос-

²⁹ Вергилий. Буколики, X, 69.

тей злых избегать, замечая примеры пороков» и «умеренно жить, бережливо, / Жить, довольствуясь тем, что он сам для меня уготовил»⁴⁰. Это воспитание путем чести и добродетели часто иллюстрировалось на примере извращенных наслаждений других, ибо правда, что «юную душу от зла удаляет бесславье другого»⁴¹. Это позволило Горацию сохранить холодную голову среди соблазнов столицы. Все эти люди, вечно недовольные своей участью, хотевшие бы быть военными, будучи торговцами, жить в городе, будучи деревенскими жителями, удивляют его. Он с отвращением замечает, что людьми управляют страсти и наслаждения:

Возьми из толпы наудачу —
Этого скупость томит, того честолюбие мучит,
Этому нравятся женщины; этому мальчики милы;
Этого блеск серебра восхищает, а Альбия — бронза,
Этот меняет товары от стран восходящего солнца
Вплоть до земель, где оно закатными греет лучами:
Множа богатства, убытков страшась, он мчится сквозь бури,
Мчится, как пыльный столб, окруженный ударами вихря⁴².

Все это вызывает лишь презрение поэта, ищущего спокойного счастья на маленькой вилле в Сабине, подаренной ему Меценатом. В Горации в эту новую эпоху правления Октавиана Августа зреет уверенность: следует наслаждаться каждым прожитым днем, как если бы он был последним. Его знаменитая формула «*carpe diem*» («живи сегодняшним днем») вызывала смущение. В ней заключалось легкое решение для тех, для кого смыслом жизни являлись простые наслаждения. Но эта формула являлась плодом долгого наблюдения за обществом. Она выражала стремление поэта с пренебрежением относиться к жажде власти или подвига и предпочитать им мир и свободу разума и души, связанные с эпикурейской дружбой, необходимой для наслаждения. Для Горация это наслаждение находит свое осуществление и расцвет в поэтическом творчестве. Именно с помощью поэзии можно утолить жажду сво-

⁴⁰ Гораций. Сатиры, I, IV, 107—108.

⁴¹ Там же, 128—129.

⁴² Там же, I, 4, 26—32.

боды, распространяя свои желания на мир и вновь создавая вселенную ритмом стихов и музыкой слов. Гораций более чем кто-либо другой сумел связать наслаждения ума с наслаждениями искусства, породив красоту:

У богов мореход эгейский
Просит в грозный час налетевшей бури,
Из-за черных туч в небесах не видя
Звезд путеводных.
Мира просит гет, утомлен войною,
Мира просит перс, отягченный луком,
Только мира, Гросф, не купить за пурпур,
Жемчуг и злато.
Ибо никого не спасут богатства
И высокий сан от томлений духа
И забот ума, что и под роскошной
Кровлей витают.
Хорошо тому, кто богат немногим,
У кого блестит на столе солонка
Отчая одна, но ни страх, ни страсти
Сна не тревожат.
Что ж стремимся мы в быстротечной жизни
К многому? Зачем мы меняем страны?
Разве от себя убежать возможно,
Родину бросив?
Всходит на корабль боевой забота,
За конями турм боевых несется,
Легче, чем олень, и быстрее, чем ветер,
Тучи несущий.
Будь доволен тем, что в руках имеешь,
Ни на что не льстись и улыбкой мудрой
Умеряй беду. Ведь не может счастье
Быть совершенным⁴⁴.

Гораций лучше многих других знал истинную цену счастья и то, каких наслаждений позволяет достичь душевная безмятежность. Но он не ведал, что эти наслаждения достижимы только немногими. И хотя он жил в согласии с ценностями традиционной морали, он понимал, что ни философы, ни моралисты не могут требовать от народа строгого порядка жизни, подчиняющегося непонятным правилам:

⁴⁴ Гораций. Оды, II, 16, 1—28. Перевод А. Семенова-Тян-Шанского.

Даже мудрец глупцом прослывет и правый — неправым,
Ежели он в самой добродетели в крайность вдается.
Ну же, дивуйся теперь серебру и мраморам древним,
Бронзе, камням, твореньям искусств и пурпуровым тканям;
Радуйся: ты говоришь — тебя тысяча глаз созерцает;
Рано на форум ходи и поздно домой возвращайся⁴¹.

Каждый волен выбирать, как ему жить. Главное — по крайней мере, иметь иллюзию, что ты счастлив:

Если живет хорошо тот, кто ест, то идемте,
Чуть рассвета — удить, чуть захочется есть — на охоту..
И брюхо набив, будем мыться,
Думав забывши о том, что прилично, что нет,
Если ж, как судит Мимнерм, без любви и без шуток на свете
Радости нет никакой, то живи и в любви ты и в шутках.
Будь же здоров и прощай! Если знаешь ты что-нибудь лучше,
Честно со мной поделись; если нет, то воспользуйся этим⁴⁵

Доказательства здорового оптимизма Горация мы находим даже на надгробных плитах: «Все, что я съел и выпил, все это я уношу с собой»; или: «Что составляет нашу жизнь? Бани, вино, женщины». Но мы чувствуем пронзительную нотку разочарования и нигилизма у этих людей, для которых наслаждения жизни оказались в конце концов лишь призраком счастья. Сам же Гораций упрекает Августа в покровительстве самых извращенных вкусов публики во время театральных представлений: зрители невежественны, глупы и готовы надавать затрещин, если им что-нибудь не по нраву. Прямо посреди красивых стихов они требуют медвежьей забавы или кулачных боев — таковы излюбленные зрелища плебса. Да и всадники не слушают больше тексты, предпочитая более легкие развлечения: «От уха к блуждающим взорам переселились уже все наслаждения в забавах пустячных». Тем не менее император не отказывался удовлетворять этот праздный народ, после того как рабская сила выполняла все основные работы. С помощью этих подачек он привязал к себе народ. Плебс ждал от власть имущих хлеба и зрелищ, а праздность, в основном не слишком способст-

⁴¹ Гораций. Послания, I, VI, 15—20. Перевод Н. Пинзбурга.

⁴⁵ Там же, 56.

вовавшая развитию ума, порождала новые требования, еще более грубые, больше не удовлетворяясь простыми удовольствиями Республики времен Катона.

Рим, став столицей мира, осознал себя обязанным предложить своим гражданам мечту, невозможную, но соразмерную с их невероятной властью. Публика жаждала сенсации, требовала чуда. Ей больше недостаточно было смотреть на экзотических животных, ей хотелось увидеть несуществующих, мифологических зверей, и зачарованные зрители аплодировали страусам, окрашенным в ярко-красный цвет, или львам, чья грива была посыпана золотой пудрой. Арена превратилась в место, где воплощались самые известные мифы, словно устроитель игр, кроме той власти, которую он имел над миром, смог обрести власть над природой и сверхъестественным: Нерон, а затем Тит демонстрировали потрясенным римлянам совокупление чудовищного быка и Пасифаи, помещенной в деревянную корову. Были поставлены все мифы вплоть до падения Икара! Зрители смотрели на Муция Сцеволу, опускавшего правую руку в огонь без единого крика; они смотрели на битвы, в которых сражались насмерть и велся подсчет убитым (не только осужденным на смерть, но и добровольцам!). Не было ничего невозможного для римлян — царей мира, желавших видеть, как их мечты воплощаются в реальность. От народа зависела популярность устроителей игр. Одурманенный таким образом народ меньше думал о своем призрачном существовании и будущем.

Действительно, любопытно отметить, что римскому менталитету был неведом страх будущего. До паники, вызванной Второй Пунической войной, в Риме не существовало предсказаний. Никому не требовалось знать о своем будущем. Практика предсказаний, обнаруживавшая беспокойство человека своим будущим, появилась в Риме почти одновременно с мистическими культами, от которых не смогла избавиться Республика, а еще меньше Империя. Эти культы отвечали психологической растерянности, предлагая сверхъестественные возможности сверхчеловеческого познания с помощью разнообразного числа чувственных и

практически всегда эротических приемов, от опьянения до гипноза. Посвященные, нарушая действующие социальные законы, верили, что, погружаясь в экстаз, достигают идеалов любви и братства, а также равенства и божественности. Пребывая в неуверенности, человек испытывал потребность быть спасенным, он искал помощи, которую больше не давала ему повседневная жизнь. Таким образом, он понемногу осознал, что наслаждения, благодаря которым он забывал на время о превратностях бытия, не могли ему дать единственный предмет его поисков: счастье. Если это счастье не существовало на земле, возможно, его можно было найти в другом месте.

Первые проявления этих изменений в римском менталитете обнаруживаются в стоицизме. Иерокл во II веке н. э. говорит: «Наслаждение подобно концу — такова доктрина блудницы». Веком ранее Сенека уже отмечает, что радость, испытанная человеком в наслаждении, является радостью искусственной. «Один ищет радость в пирушках и роскоши, другой — в честолубии, в толпящихся вокруг клиентах, третий — в любовницах, тот — в свободных науках, тщеславно выставляемых напоказ, в словесности, ничего не исцеляющей. Всех их разочаровывают обманчивые и недолгие улады, вроде опьянения, когда за веселое безумие на час платят долгим похмельем, как рукоплесканья и крики восхищенной толпы, которые и покупаются, и искупаются ценой больших тревог»³⁶.

В III веке мораль наслаждений, гедонизма исчезает. Римлянин ищет более глубокого, подлинного счастья, которое обретает в вечной жизни. Это новое требование объясняет то влияние, которое получит христианство. Христианская мораль в конце эпохи Империи сурова, но она обещает тому, кто ей последует, истинную жизнь. Однако эта истинная жизнь не является жизнью, которой человек живет на земле. Это жизнь в Царстве Божиим. Человек на земле — всего лишь чужак, странник. И эта мораль, уверяющая человека в том, что он попадает в Царствие Небесное, требует строгой

³⁶ *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию, 59, 15.

жизни; иными словами, она противопоставляет себя всему тому, что многие римляне считают смыслом своего существования. Разумеется, обычаи не могут измениться в одночасье. Климент Александрийский допускал, что христиане могут участвовать в пирах или что женщины могут носить украшения, но епископы без конца напоминали верующим, что не следует участвовать в языческих церемониях или ходить в театр или цирк, поскольку можно навсегда лишиться своего единственного спасения: Царствия Небесного.

Понятно, что эти изменения происходили с трудом, но они происходили, оказываясь не всегда приемлемыми для тех, кто прежде всего верил в человека и для кого жизнь имела смысл только при условии получения от нее каких-то наслаждений. Взамен наслаждений христианская мораль предлагала счастье. Можно ли было раздумывать? Единственной помехой было то, что это счастье так и оставалось обещанием, и следовало сперва умереть, чтобы узнать, имеешь ли ты на него право. И многие предпочли все же столь призрачному счастью сиюминутные наслаждения, повторяя вслед за Катуллом:

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики, — что нам их ропот?
За него не дадим монетки медной!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

- 753—509 до н. э. — царский период в истории Рима. В 616 г. до н. э. царя-сабиняне (РОМУЛ, НУМА ПОМПИЛИЙ, ТУЛЛ ГОСТИЛИЙ, АНК МАРЦИЙ) сменились этрусскими царями (ТАРКВИНИЙ ПРИСК, СЕРВИЙ ТУЛИЙ, ТАРКВИНИЙ ГОРДЫЙ).
- 509 до н. э. — установление Республики. Начало завоевания Италии.
- 488—486 до н. э. — КОРИОЛАН ведет войну против вольсков.
- 458 до н. э. — ЦИНЦИННАТ ведет войну против эквесов.
- 406—395 до н. э. — КАМИЛЛ ведет войну против вейвов.
- 281—272 до н. э. — война против государства Таранто и царя Эпира ПИРРА. Окончательное завоевание Италии.
- 264—241 до н. э. — Первая Пуническая война.
- 218—201 до н. э. — Вторая Пуническая война: ГАННИБАЛ приходит в Италию.
- 217 до н. э. — поражение римлян на Тразименском озере.
- 202 до н. э. — СЦИПИОН Африканский побеждает в битве при Заме. *ПЛАВТ (251—184) пишет свои комедии.*
- 195 до н. э. — консулат КАТОНА. *КАТОН (234—148) пишет свои труды по истории и сельскому хозяйству.*
- 184 до н. э. — КАТОН становится цензором.
- 166 до н. э. — *ТЕРЕНЦИЙ пишет свою первую комедию.* Середина II века до н. э. знаменита фигурой СЦИПИОНА МЛАДШЕГО, приемного внука СЦИПИОНА Африканского.
- 155 до н. э. — в Риме поселяются греческие философы. ПОЛИБИЙ становится близким другом СЦИПИОНА МЛАДШЕГО.
- 133 до н. э. — трибунат ТИБЕРИЯ ГРАКХА (убит).
- 123 до н. э. — трибунат ГАЯ ГРАКХА (убит в 121 до н. э.).
- 107 до н. э. — консулат ГАЯ МАРИЯ (также 104—101 до н. э.).
- 88 до н. э. — консулат СУЛЛЫ.
- 83 до н. э. — волнения и восстания в Риме. Гражданская война.
- 82 до н. э. — неограниченная диктатура СУЛЛЫ.
- 79 до н. э. — СУЛЛА слагает с себя полномочия (умер в 78 до н. э.).
- 70 до н. э. — консулат ПОМПЕЯ и КРАССА.
- 63 до н. э. — консулат ЦИЦЕРОНА и заговор КАТИЛИНЫ.
- 60 до н. э. — первый триумвират: ПОМПЕЙ, КРАСС и ЦЕЗАРЬ. *КАТУЛЛ (87—54 до н. э.) пишет свои поэмы.*
- 59 до н. э. — консулат ЦЕЗАРЯ. *ЛУКРЕЦИЙ (98?—55) пишет поэму «О природе вещей».*
- 58—57 до н. э. — волнения в Риме, разжигаемые КЛАВДИЕМ в то время как ЦЕЗАРЬ находится в Галлии.
- 56 до н. э. — *ЦИЦЕРОН выступает с речью «В защиту Сестия».*
- 53 до н. э. — смерть КРАССА. ПУБЛИЙ КЛОДИЙ убит людьми трибуна МИЛОНА.
- 52 до н. э. — ПОМПЕЙ становится единственным консулом. *ЦИЦЕРОН выступает с речью «В защиту Милона».*

- 49 до н. э. — ЦЕЗАРЬ переходит Рубикон. Гражданская война ЦЕЗАРЯ с ПОМПЕЕМ.
- 48 до н. э. — ЦЕЗАРЬ побеждает в битве при Фарсале. ПОМПЕЙ убит в Египте.
- 46 до н. э. — ЦЕЗАРЬ окончательно расправляется с оппозицией Помпея. КАТОН убивает себя в Утике.
- 44 до н. э., Мартовские иды — убийство ЦЕЗАРЯ. САЛЛУСТИЙ (86—35 до н. э.) пишет «Заговор Катилины» и «Югуртинскую войну».
- 43 до н. э. — второй триумvirат: ГАЙ ОКТАВИЙ (ОКТАВИАН АВГУСТ), АНТОНИЙ и ЛЕПИД.
- 40 до н. э. — соперничество и войны между триумвирами. ГОРАЦИЙ (65—8 до н. э.) пишет «Оды».
- 36 до н. э. — отставка ЛЕПИДА. ВЕРГИЛИЙ (70—19 до н. э.) пишет «Георгики».
- 31 до н. э. — ОКТАВИЙ разбивает АНТОНИЯ в битве при Акции. ГОРАЦИЙ пишет «Сатиры».
- 27 до н. э. — ОКТАВИЙ берет имя АВГУСТА и устанавливает принципат. ВЕРГИЛИЙ пишет «Энеиду», ГОРАЦИЙ — «Оды». ТИБУЛЛ (50—19?) составляет первый сборник «Элегий», так же как и ПРОПЕРЦИЙ (47?—15?). ТИТ ЛИВИЙ (59? до н. э. — 17 н. э.) пишет «Историю Рима».
- 19 до н. э. — смерть ВЕРГИЛИЯ. ГОРАЦИЙ пишет «Послания». ОВИДИЙ (43 до н. э. — 17/18 н. э.) пишет «Любовные элегии» (15), «Науку любви» (1 или 2) и «Фасты» (4).
- 14 н. э. — смерть АВГУСТА.
- 14—37 — император ТИБЕРИЙ КЛАВДИЙ НЕРОН. АПИЦИЙ пишет книгу кулинарных рецептов. СЕНЕКА (55—39) становится ритором. ВАЛЕРИЙ МАКСИМ и ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ пишут свои исторические произведения.
- 37—41 — правление КАЛИГУЛЫ.
- 41—54 — правление КЛАВДИЯ.
- 54—68 — правление НЕРОНА. СЕНЕКА (ум. 65) пишет «О блаженной жизни» и «Нравственные письма к Луцилию». ПЕТРОНИЙ (ум. 65) пишет «Сатирикон». СИЛИЙ ИТАЛИК (25—101) становится консулом в 68 г.
- 68—69 — правление ГАЛЬБЫ.
- 69 — последовательное правление ОТОНА, ВИТТЕЛИЯ и ВЕСПАСИАНА.
- 69—79 — правление ВЕСПАСИАНА.
- 79—81 — правление ТИТА.
- 81—96 — правление ДОМИЦИАНА. МАРЦИАЛ (40?—104?) начинает писать свои «Эпиграммы».
- 96—98 — правление НЕРВЫ.
- 98—117 — правление ТРАЯНА. ТАЦИТ (55?—120) пишет «Анналы». ПЛИНИЙ Младший (62—113?) пишет «Панегирик Траяну».
- 117—138 — правление АДРИАНА. Около 120 г. СВЕТОНИЙ (75?—160?) публикует «Жизнь двенадцати Цезарей». ФЛОР пишет «Историю».
- 138—161 — правление АНТОНИНА. В 143 г. ФРОНТОН становится консулом. АПУЛЕЙ (125?—170?) пишет «Метаморфозы».
- 161—180 — правление МАРКА АВРЕЛИЯ.
- 180—192 — правление КОММОДА.
- 193—211 — правление СЕПТИМИЯ СЕВЕРА. Около 207 г. ТЕРТУЛЛИАН (150/160—222) пишет «Spectaculus».

- 211—217 — правление КАРАКАЛЛЫ.
218—222 — правление ЭЛАГАБАЛА.
222—235 — правление АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА.
306—337 — правление КОНСТАНТИНА, принявшего перед смертью христианство. *В эту эпоху пишут АММИАН МАРЦЕЛЛИН (330?—400) и АВГУСТИН АВРЕЛИЙ (354—430).*
410 — АЛАРИХ, король вестготов, захватывает Рим. РУТИЛИЙ НАМАТИАН становится префектом Рима в 414 г. и оставляет город в 417 г.
455 — АТИЛЛА и его гунны захватывают Рим.
476 — ОДОАКР захватывает Рим. Конец Западной империи.

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ ОСНОВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ КНИГИ

АВГУСТ (до 44 г. до н. э. Гай Октавий, с 44 г. Гай Юлий Цезарь Октавиан, с 27 г. Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) (23.09.63 до н. э. — 19.08.14 н. э.), римский император (с 27 г. до н. э.). Внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновленный им в завещании. После смерти Цезаря (44 г. до н. э.) рассчитывал, опираясь на солдат и ветеранов убитого императора, стать его преемником. Не получив поддержки Марка Антония, выступил против него на стороне сената в Мутинской войне (43 г. до н. э.). Затем, не получив консульства от сената, заключил союз с Антонием и Лепидом (2-й Триумvirат). В 42 г. до н. э. триумвиры разбили войска Брута и Кассия (убийц Цезаря). Победив в Перузинской войне сторонников Антония (40) и одержав победу над Секстом Помпеем (36), Октавиан лишил власти Лепида и начал войну против Антония. Победой над ним и египетской царицей Клеопатрой VII при Акции в 31 г. до н. э. завершился период гражданских войн. На заседании сената 13 января 27 г. до н. э. Октавиан, «уступив» просьбам сенаторов, принял ряд полномочий, фактически закрепивших за ним верховную власть. Затем сенат преподнес Октавиану титул «Август» (возвеличенный богами). Власть Августа базировалась на традиционных республиканских публично-правовых нормах: он был прицепом сената, имел империй (высшую власть) высших магистратов, пожизненную власть народного трибуна, неоднократно избирался консулом, был верховным жрецом (с 12 г. до н. э.). Все мероприятия проводились Августом под лозунгом восстановления старых отцовских порядков и мира. Сохранив престиж сената, он в то же время уменьшил его политическую роль. Высшие чиновники стали вербоваться из сословия всадников, потерявшим реальное значение магистратур Август противопоставил бюрократический аппарат. В отношении плебса он придерживался политики «хлеба и зрелищ». Опорой императорской власти была армия, особенно преторианцы. Ряд законов был направлен на укрепление рабовладельческого строя. Все римские провинции были поделены на сенатские и императорские. При Августе было завершено покорение Испании, образованы провинции Египет, Мёзия, Паннония, Германия. Его правление совпало также с расцветом римской литературы («золотой век» — творчество Вергилия, Горация, Овидия, Тибулла, Проперция, Тита Ливия и др.).

АДРИАН (76—138 н. э.), римский император, преемник Траяна с 117 г. Родился в Испании в семье итальянцев. Заботился о сохранении мира, ввел много преобразований внутри империи, улучшил военное управление, ввел больше единства в администрации, издал кодекс «*Edictum perpetuum*». С 120 по 135 г. объездил для ознакомления с нуждами населения почти все провинции. Во Фракии заложил г. Адрианополь, между Англией и Шотландией воздвиг Адрианов вал. Украсил Афины и Рим постройками (мавзолей Адриана — теперь замок Св. Ангела, храм Венеры и Ромы), покровительствовал наукам и искусствам.

АНТОНИЙ Марк (ок 83 — 30 до н. э.), римский политический деятель и полководец. Выдвинулся как начальник конницы во время войны в Палестине и Египте (57—55 до н. э.). В 54 г. до н. э. примкнул к Цезарю и участвовал в галльских походах. Во время гражданской войны 49—45 гг. до н. э. активно поддерживал Цезаря; после битвы при Фарсале в 48 г. до н. э. был назначен начальником конницы. После убийства Цезаря сначала занял примирительную позицию по отношению к его убийцам и сенату, но вскоре отношения Антония с сенатом обострились, в особенности из-за его притязаний на управление Галлией. Дело дошло до открытого разрыва, и сенат направил против Антония войска. В 43 г. до н. э. около г. Мутина Антоний потерпел поражение, но затем под давлением войск произошло его объединение с Октавианом и Лепидом (2-й Триумvirат). В 42 г. до н. э. при Филиппах (Македония) Антоний совместно с Октавианом разбил войска Брута и Кассия. При последовавшим за этим разделом провинций между триумвирами Антоний получил в управление восточные области римской державы. На Востоке вел себя как самодержец; сблизившись с египетской царицей Клеопатрой VII, дарил ей и ее детям огромные владения. Подобная политика привела к разрыву между триумвирами и восстановила общественное мнение в Риме против Антония. Сенат объявил войну Клеопатре. В 31 г. до н. э. у мыса Акций египетский флот был разбит, а после вступления войск Октавиана в Египет Антоний покончил жизнь самоубийством.

ВЕРГИЛИЙ (в позднейшем написании Virgilius) Марон Публий (70 — 19 до н. э.), римский поэт. Родился в г. Мантуя. Очевидец крушения Римской республики. В сборнике «Буколики» («Пастушеские песни», 42—38 до н. э.) пытался воспеть прелести ухода от политических бурь в идиллический мир пастушеской жизни. В дидактической поэме «Георгики» («Поэма о земледелии», 36—29 до н. э.) искал «безмятежную жизнь» в труде селянина. Поэма «Энеида» (закончена лишь вчерне) представляет собой римскую параллель к «Илиаде» и «Одиссее»; автор разрабатывает в ней сказания о странствиях и войнах троянца Энея, выступающего в поэме как предок императора Августа.

ГАННИБАЛ Барка (247 или 246 до н. э., Карфаген — 183 до н. э., Вифиния), карфагенский полководец и государственный деятель. Происходил из аристократического рода Баркидов. Сын Гамилькара Барки. Участвовал в военных кампаниях отца, потом своего шурина Гасдрубала при покорении иберийских племен в Испании. С 225 г. до н. э. командовал карфагенской конницей в Испании, в 221 г. (после гибели Гасдрубала) был провозглашен воинами и утвержден народным собранием главнокомандующим карфагенской армией. В 219 г. до н. э. напал на союзный римлянам г. Сагунт, спровоцировав Вторую Пуническую войну (218—201 до н. э.). В 218 г. до н. э. Ганнибал совершил беспрецедентный переход через Альпы и вторгся в Цизальпийскую Галлию и Италию, где одержал победы в сражениях при р. Тецине, р. Треббии (218) и у Тразименского озера (217). В 216 г. армией Ганнибала была одержана крупная победа при Каннах. Однако сражения на чужой территории в отрыве от своих испанских баз сильно ослабили армию Ганнибала. С 212 г. до н. э. инициатива стала переходить к римлянам, одержавшим ряд побед в Сицилии, Испании и

самой Италии (взятие Капуи в 211 г.). Армия брата Ганнибала, шедшая ему на помощь, была разбита римлянами при Метавре (207). В 204 г. до н. э. римская армия высадилась в Африке, и Ганнибал был отозван на родину. В битве при Заме (202) войско Ганнибала было полностью разгромлено римлянами, и Карфаген в 201 г. был вынужден принять продиктованные римлянами условия мира. После войны Ганнибал возглавлял управление Карфагеном. Заподозренный римлянами в подготовке новой войны, он бежал к сирийскому царю Антиоху III и стал его военным советником. После поражения Антиоха III в войне 192—188 гг. до н. э. с Римом укрылся в Армении, потом в Вифинии. Узнав, что Прусий (царь Вифинии) собирается его выдать, принял яд.

ГОРАЦИЙ (Квинт Гораций Флакк) (65—8 до н. э.), римский поэт. Сын вольноотпущенника. После убийства Цезаря (44 до н. э.) стал на сторону республиканцев. В битве при Филиппах (42 до н. э.), окончившейся неудачно для Республики, Гораций бежал с поля сражения. После объявления амнистии купил должность квесторского писца. В 38 г. до н. э. вошел в кружок Мецената. Первые сочинения — две книги сатир, или бесед на моральные и литературные темы (35—30 до н. э.). Тогда же созданы книги эподов — стихотворений преимущественно обличительного характера. В дальнейшем все больше примиряется с Империей. С 30 по 13 г. до н. э. создал четыре книги лирических стихов (од). Творчество Горация — одна из вершин римской литературы.

ГРАКХИ, братья Тиберий (162—133 до н. э.) и Гай (153—121 до н. э.), политические деятели Древнего Рима. Из знатного плебейского рода Семпрониев. Получили блестящее образование. Тиберий, избранный народным трибуном на 133 г. до н. э., провел с помощью народного собрания законопроект, ограничивавший пользование государственной землей 1000 югерами (около 300 га) на семью. Излишки государственной земли отбирались за особое вознаграждение и небольшими участками в 30 югеров передавались бедным гражданам без права продажи. Проведение реформы, однако, встретило сопротивление крупных землевладельцев и сената. Во время выборов в народные трибуны на 132 г. Тиберий был убит.

Гай, народный трибун в 123 и 122 гг. до н. э., восстановил аграрное законодательство Тиберия и возобновил деятельность аграрной комиссии; им были проведены и другие демократические реформы (дешевая продажа хлеба в Риме, выведение колоний в Италию и провинции с целью наделения земель неимущих граждан и др.). Гай пытался предложить закон о предоставлении прав римского гражданства италийским союзникам. Однако этот проект вызвал оппозицию сената, а также всадников и городского и сельского плебса, не желавших делиться своими привилегиями. Спровоцированный на вооруженное восстание, Гай погиб вместе со своими сторонниками.

КАТИЛИНА Луций Сергий (ок. 108 — 62 до н. э.), римский политический деятель. В гражданских войнах 88—82 гг. до н. э. был приверженцем Суллы. В 68 г. претор, в 67—66 гг. пропретор в провинции Африка, по возвращении был обвинен в злоупотреблениях, но оправдан судом. Процесс не позволил Катилине принять участие в кон-

сульских выборах. К этому времени, по-видимому, относится первый заговор — план переворота, оставшийся без последствий (66). В 64 г. до н. э. Катилина потерпел поражение на консульских выборах (был избран Цицерон), в 63-м вновь выставил свою кандидатуру, попытавшись привлечь всех недовольных и обещая кассацию долгов. После нового провала организовал заговор для насильственного захвата власти. О заговоре стало известно консулу Цицерону, потребовавшему от Катилины немедленно покинуть Рим (7 ноября 63 г.). Катилина ушел в Этрурию, где его приверженцы собрали войско. В декабре 63 г. сторонники Катилины в Риме были схвачены (по доносу) и казнены; сам Катилина погиб в битве против консульской армии.

КАТОН Цензор (Марк Порций) (234—149 до н. э.), римский писатель, основоположник римской литературной прозы и государственный деятель. Участник Второй Пунической войны. В 198 г. до н. э. претор в Сардинии. Будучи консулом в 195 г., подавил восстание местных племен в Испании. Первый историк, писавший на латинском языке. Автор «Начал» (труда, освещавшего историю Рима от основания города до Второй Пунической войны), множества речей и писем, собрания изречений знаменитых людей и других сочинений, дошедших лишь в отрывках. Сохранился трактат «О земледелии» (написан ок. 160), содержащий сведения об организации рабовладельческого поместья, о развитии виноделия, садоводства, оливководства в Италии, а также древних обычаях и суевериях. Непримирым враг Карфагена, Катон каждую речь в сенате заканчивал вошедшей в поговорку фразой: «И все же, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен».

КАТОН Младший (или Утический) Марк Порций (95—46 до н. э.), римский политический деятель. Правнук Катона Старшего. Народный трибун в 62 г., претор в 54 г. Требовал казни Катилины. В период 1-го Триумvirата — противник триумвиров, особенно Цезаря. В годы гражданской войны 49—45 гг. был сторонником Гнея Помпея. После его поражения при Фарсале (48) объединил силы помпеянцев в Африке. Покончил жизнь самоубийством после победы Цезаря при Тапсе (46).

КАТУЛЛ Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 до н. э.), римский лирический поэт. Родом из Вероны. Примыкал к литературному кружку неостериков, испытавших на себе влияние александрийской поэтической школы. В условиях последнего кризиса Римской республики Катулл противопоставил миру, которого он не принимал, идеальный мир поэзии, дружбы, любви. Из наследия Катуллы сохранилось 116 произведений: лирические стихи, эпиграммы, эпилии, послания, эпиталамы и др. Его творчество оказало влияние на развитие римской, а значительно позднее — европейской лирики.

ЛУКРЕЦИЙ Тит Кар (98—55 до н. э.), знаменитый римский поэт-философ. Дидактическая поэма в гекзаметрах «О природе вещей» в шести книгах представляет собой изложение физики, космогонии, психологии и этики по Эпикуру (это единственный достоверный источник эпикурейской философии). Раскрывая перед читателем

свойства природы и ее силы, Лукреций стремился освободить людей от предрассудков, слепой веры в богов, от страха страданий и смерти и убедить в могуществе знания и превосходстве философии.

МАРИЙ Гай (156—86 до н. э.), римский полководец. Сын земледельца. В 107 и 104—100 гг. до н. э. был консулом, в 106-м окончил войну с Югуртой. В 103-м разбил тевтонов при Аквах Секстийских, в 101-м — кимвров при Верцеллах. В 88-м попытался отнять у Суллы главное начальство в войне против Митридата, чем подал повод к первой большой гражданской войне в Риме. После поражения бежал в Африку. В 87-м призван обратно Цинной, вторгся с войском в Рим, где в течение пяти дней избивал противников. Получил вместе с Цинной консульство на 86 г., но вскоре умер.

МАРЦИАЛ Марк Валерий (ок. 40 — ок. 104 н. э.), римский поэт. Родился в Испании, происходил из захудалой ветви аристократического рода. В 65 г. прибыл в Рим и сделался клиентом у своих богатых родственников и других влиятельных лиц. Писание едких эпиграмм для своих патронов было для Марциала средством снискать их покровительство. Выпустил 15 книг эпиграмм — три тематически объединенных («Зрелища», «Подарки», «Гостинцы») и 12 смешанного содержания. Остроумные эпиграммы Марциала рисуют жизнь разных социальных слоев римского общества.

НЕРОН Клавдий Друз (37—68 н. э.), римский император. Сын Луция Домиция Агенобарба и младшей Агриппины, дочери Германика. Усыновлен отчимом, императором Клавдием. В 54 г. избран преторианцами императором. Жестокий и развращенный тиран. В 59 г. убил свою мать, в 62-м — свою жену Октавию. Выступал перед народом в качестве певца, актера и состязателя, преследовал христиан, назвав их виновниками пожара в Риме (64); свергнутой Гальбой, 9 июня 68 г. лишил себя жизни.

ОВИДИЙ Публий Назон (43 до н. э. — около 18 н. э.), римский поэт. В ранних поэмах «Наука любви» и «Средства от любви» дает наставления в области любовных отношений, вводит сценки из римской жизни. Переход к большим произведениям в духе эллинистической «ученой» поэзии отмечен созданием поэмы «Метаморфозы», задуманной как эпос и содержащей около 250 мифологических и фольклорных сказаний о превращениях людей в животных, растения, созвездия и даже камни. В последний период жизни написал «Скорбные элегии» и «Понтийские послания». В конце 8 г. н. э. послан Августом в г. Томы (ныне Констанца в Румынии), где и умер.

ПЕТРОНИЙ (Гай Петроний Арбитр) (ум. 66 н. э.), римский писатель. При дворе Нерона назван «арбитром изящества». Опутанный дворцовыми интригами, добровольно покончил с собой. Наиболее вероятный автор романа «Сатирикон». Жанровые сценки на площадях, в тавернах, притонах дают реалистическую картину быта средних и низших слоев римского общества. Сюжетную канву образуют любовные и плутовские похождения героев социального «дна»; эро-

тическая тема трактуется в низменно-комическом плане. Большой интерес представляет так называемый «Пир Трималхиона» — часть романа, описывающая быт и нравы вольноотпущенников.

ПЛАВТ Тит Макций (сер. III в. до н. э. — ок. 184 г. до н. э.), римский комедиограф. Прославленный автор паллиаты. Сохранилась 21 комедия. Главным героем его комедий является раб-интриган («Вакхиды», «Приведение», «Псевдол»). Высмеивая легкомыслие греческих нравов, Плавт касается отдельных актуальных проблем римской действительности. Язык Плавта — уникальный памятник разговорного латинского языка.

ПЛИНИЙ Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд) (61 или 62 — ок. 114 н. э.), римский писатель и государственный деятель. В 100 г. консул, в 111—113 гг. — императорский легат в провинциях Вифиния и Понт. Из сочинений Плиния сохранились сборники писем в десяти книгах и похвальная речь Траяну («Панегирик»). Письма Плиния, в которых заключена целая галерея портретов его современников, считаются образцом эпистолярного жанра.

ПОМПЕЙ Гней (106—48 до н. э.), римский полководец. В 82—81 гг. подавил народное восстание в Сицилии и Африке, за что был почтен триумфом и прозванием Великий. В 72 г. окончил войну с Сортори-ем, в 70-м был избран консулом, в 67-м освободил море от пиратов, в 63-м победил Митридата, в 60-м образовал с Цезарем и Крассом 1-й Триумвират, в 55-м вновь избран консулом, получил провинцию Испания. В 49 г. разорвал мир с Цезарем. 9 августа 48 г. разбит при Фарсале, бежал в Египет, где был убит по наущению фараона Птолемея.

ПРОПЕРЦИЙ Секст (46—16 до н. э.), римский элегический поэт. Друг Овидия, Вергилия, Мецената. В его элегиях воспевалась любовь к прекрасной Гостии, называемой в стихах Цинтией. Поэзия Проперция соединит страсть с изысканностью и манерностью ученой поэзии александрийской школы.

САЛЛЮСТИЙ Гай Крисп (86 — ок. 35 до н. э.), римский историк. Участвовал в гражданских войнах на стороне Цезаря, затем — проконсул в римской провинции Новая Африка. После смерти Цезаря (44 до н. э.) посвятил себя литературной деятельности. Из сочинений Саллюстия до нас дошли письма к Цезарю (около 50 и 46 до н. э.), два небольших сочинения «О заговоре Катилины» (около 43 или 41 до н. э.) и «Югуртинская война» (около 41 или 39—36 до н. э.). От последнего сочинения Саллюстия — «Историй» (в пяти книгах), написанного в 36—35 гг. до н. э. и охватывающего события 78—66 гг., сохранились небольшие фрагменты. В своих произведениях Саллюстий дал яркую картину упадка римского общества, нравственного разложения нобилитета и неспособности сената управлять государством.

СВЕТОНИЙ Гай Транквилл (ок. 70 — после 122 н. э.), римский историк и писатель. Происходил из сословия всадников. Около 119—122 гг. служил секретарем при императоре Адриане. Из многочисленных сочинений Светония (исторических, историко-бытовых и

др.) целиком дошли до нас только «Жизнь двенадцати Цезарей» (в восьми книгах) и часть «О грамматиках и риториках» из большого труда, посвященного знаменитым деятелям римской литературы.

СЕНЕКА Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.), римский политический деятель, философ и писатель. Являлся идеологом сенатской оппозиции деспотическим тенденциям первых римских императоров, в 41—49 гг. находился в ссылке. В 49—54 гг. воспитатель будущего императора Нерона, затем один из руководителей римской политики. В 60 г. потерял влияние и был отстранен от двора. После неудачного заговора Пизона (65) по приказу Нерона покончил жизнь самоубийством. Как философ Сенека был эклектиком. Он сочетал стоицизм с элементами других учений, утверждавших идеальный образ мудреца, преодолевшего людские страсти, духовно независимого и своим примером учащего людей самосовершенствованию. Прозаические сочинения Сенеки — 12 небольших трактатов (т. н. «диалоги», точнее, диатрибы, «О провидении», «О гневе», «О спокойствии духа», «О твердости мудреца» и др.), три больших трактата («О милосердии», «О благодеяниях», «Естественно-исторические вопросы») и сборник «Писем к Луцилию». Поэтические сочинения — девять трагедий на мифологические сюжеты («Эдип», «Медея», «Федра», «Агамемнон» и др.). Сенеке также приписываются ряд небольших стихотворений («Эпиграммы») и политический памфлет на смерть императора Клавдия в 54 г. («Отыквление божественного Клавдия») в форме т. н. «менипповой сатиры».

СУЛЛА Луций Корнелий (138—78 до н. э.), римский военный и политический деятель. Происходил из обедневшей патрицианской семьи. Выдвинулся в Югуртинской войне 111—115 гг. до н. э. В 104—102 гг. до н. э. участвовал в войне с тевтонами и кимврами. В 93 г. до н. э. претор, в 92-м пропретор Киликии, боролся с Митридатом VI Евпатором за влияние в соседней Каппадокии. Консул в 88 г. до н. э. Лишившись положенной ему по жребию провинции Азия и командования в Первой Митридатовой войне 89—84 гг. до н. э., бежал в Нолу к войску и повел его на Рим. Взяв город, Сулла расправился с противниками и провел законы в интересах оптиматов. В 86 г. до н. э. взял Афины, одержав победу над Митридатом, в 84-м заключил с ним мир и обратился против самостоятельно воевавшей с Митридатом армии марианцев. В 83 г. до н. э. Сулла высадился в Италии, разбил армии консулов Норбана, Мария Младшего, Папирия Карбона. Победа над ними дала Сулле полную власть над Римом, для оформления которой он воспользовался старинной магистратурой диктатора. Но, вопреки обычаю, власть Суллы не была ограничена сроком и вручалась ему «для составления законов и упорядочения государственного строя». Диктатура Суллы сопровождалась невиданным в Риме террором: жертвами проскрипций пало около 4,7 тысячи римских граждан, были истреблены целые племена (самниты, этруски). Народные трибуны были лишены почти всех прав и возможности продолжать карьеру. Суд был целиком отдан в руки сенаторов. Были изданы законы об отмене хлебных раздач, о лишении отдельных лиц и целых городов гражданских прав, о пополнении жреческих коллегий и др. Важной опорой режима были отслужившие солдаты (27 легионов), расселенные по всей Италии на землях, полученных от конфиска-

ций (в частности, в тех городах, которые оказывали сопротивление Сулле); на волю были отпущены около 10 тысяч рабов опальных граждан. Диктатура Суллы выражала глубокий кризис республиканского строя; объективно она содействовала выработке новых государственных форм. В 79 г. до н. э. Сулла сложил с себя полномочия, сохранив влияние на политическую жизнь.

СЦИПИОН Публий Корнелий Африканский Старший (ок. 235 — ок. 183 до н. э.), полководец времен Второй Пунической войны. В качестве военного трибуна сражался при Каннах (216). Курульный эдил в 213 г. до н. э. В 207 г. до н. э. нанес поражение карфагенскому полководцу Гасдрубалу в Испании. В 205-м консул. Разбил армию Ганнибала при Заме (202). Играл видную роль в политической жизни Рима. С 199 г. до н. э. цензор и прицепс сената, консул в 194 г. до н. э. Широко образованный человек, симпатизировал греческой культуре.

СЦИПИОН Эмилиан Африканский Младший (ок. 185—129 до н. э.), полководец и политический деятель. Приемный внук Сципиона Старшего. В 146 г. до н. э., будучи консулом, захватил и разрушил Карфаген, завершив Третью Пуническую войну. В 133 г., будучи вторично консулом, подавил восстание нумантинцев в Испании. Несмотря на родственные связи с Гракхами, враждебно относился к их аграрной программе. Являлся ревностным поклонником эллинской культуры, объединял вокруг себя писателей, стремившихся перенести на римскую почву греческую образованность и искусства («Сципионов кружок»), сторонник укрепления государства путем раздачи италикам-арендаторам государственной земли.

ТАЦИТ Публий Корнелий (ок. 58 — после 117 н. э.), римский писатель-историк. Принадлежал к новой, вышедшей из провинции знати, на которую опирались императоры династии Флавиев. Автор сочинений «Агрикола» (97—98), «Герсания» (98) — очерк общественного устройства, религии и быта германских племен, «Диалог об ораторах» (между 102 и 107), а также двух больших исторических произведений — «Анналы» (период от начала Империи до правления Нерона) и «История» (от Нерона до Домициана). В его изображении императоры выступают не только как прогрессивные деятели, утверждающие величие Империи, но и как кровавые тираны, которые, опираясь на грубую силу, на доносчиков и трусливых магистратов, губят лучших людей государства.

ТЕРЕНЦИЙ Публий (ок. 195—159 до н. э.), римский драматург. Родом из Карфагена. Используя сюжеты и маски новой аттической комедии, в 166—160 гг. до н. э. написал шесть пьес: «Девушка с Андроса», «Самоистязатель», «Евнух», «Братья» — переработки пьес Менандра; «Формион» и «Свекровь» — переработка Аполлодора Афинского, в которой отказался от смешения греческих и римских черт, а также грубого комизма и буффонады в духе Плавта. Оказал огромное влияние на древнеримскую комедию.

ТИБЕРИЙ Клавдий Нерон (42 до н. э. — 37 н. э.), римский император в 14—37 гг. Пасынок Августа, усыновленный им в 4 г. и объявленный наследником в завещании. До 14 г. занимал важные государст-

венные должности и участвовал в военных кампаниях Августа. Источники изображают Тиберия человеком подозрительным, недоверчивым и лицемерным. Первые годы правил в согласии с сенатом, затем стал проводить автократичную политику, опираясь на преторианцев, лагерь которых был размещен в Риме; при дворе большое влияние получили префекты претория. Стремясь упорядочить налоговую систему в провинциях, преследовал наместников и откупщиков за злоупотребления; сократил расходы на общественное строительство и зрелища, а также раздачу хлеба и денег плебсу. В 33 г. предоставил италийским землевладельцам на льготных условиях кредит в 100 миллионов сестерциев.

ТИБУЛЛ Альбий (ок. 50—19 до н. э.), римский поэт. Под именем Тибулла до нас дошел сборник из трех книг, из которых ему принадлежат первая и вторая и два стихотворения из третьей. Темы элегий — уют домашнего очага, верность подруге, почитание богов, сельские и семейные праздники, осуждение войны и суетной погони за славой и богатством. Поэзию Тибулла отличают искусная смена тем и настроений, изящество стиля, безупречный вкус и чувство меры.

ТИТ ЛИВИЙ (59 до н. э. — 17 н. э.), древнеримский историк. Жил и работал в Риме, пользовался покровительством императора Августа. Автор «Римской истории от основания города», в которой погодно изложена вся история Рима от легендарного основания города в IX в. до н. э. Из 142 книг «Римской истории» сохранилось 35, содержание остальных известно по кратким изложениям и т. н. «извлечениям» позднейшего времени. Современники и последующие поколения видели в труде Тита Ливия образец исторического труда, а в самом авторе — «римского Геродота».

ТРАЯН Марк Тульпий (53—117 н. э.), римский император. Усыновлен Нервой, наследовал ему в 98 г., вел войны с дакийцами (101—102 и 105—106), завоевал Дакию, в честь чего выстроил в Риме Траянов Форум и Траянову колонну. Благодаря походу против парфян отодвинул восточные границы империи до Тигра. Получил прозвище *Optimus* (лучший), прославился как мудрый правитель. Покровительствовал наукам и искусствам.

ЦЕЗАРЬ Гай Юлий (102 или 101 — 15.03.44 до н. э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Из патрицианского рода Юлиев. Связанный родством с Марием и Цинной, при Сулле вынужден был уехать из Рима в Малую Азию. После смерти Суллы (78 до н. э.) вернулся в Рим и включился в политическую борьбу. В 73 г. до н. э. военный трибун. Активно участвовал в борьбе за восстановление прав народных трибунов, урезанных Суллой, за реабилитацию марианцев, подвергавшихся преследованиям в период диктатуры Суллы. В 68 г. до н. э. квестор. Избранный эдилом на 65 г. до н. э., Цезарь устраивает дорогостоящие зрелища, пышные театральные представления, гладиаторские бои, общественные обеды, завоевывая популярность в кругах римского гражданства. В 62 г. до н. э. претор, затем в течение двух лет наместник в римской провинции Испании Дальней, где проявил незаурядные ад-

министративные и военные способности. Чтобы укрепить свое политическое положение и обеспечить избрание в консулы на 59 г. до н. э., вступил в 60 г. до н. э. в союз (частное соглашение) с наиболее влиятельными политическими деятелями того времени Гнеем Помпеем и Крассом (т. н. 1-й Триумвират). Став консулом, в 59 г. до н. э. провел ряд законов с целью укрепления государственного устройства и решения некоторых социальных проблем. После окончания срока консульства Цезарь добился назначения в качестве наместника в Цизальпинскую, а затем Нарбонскую Галлию с правом набирать легионы и вести войну. В ходе галльских походов 58—51 гг. до н. э. завоевал всю заальпийскую Галлию от Белгики до Аквитании. Численность армии Цезаря была доведена до 10 легионов. Гибель Красса в 53 г. привела к распаду триумvirата, этому способствовало обострение отношений между стремившимися к единоличной власти Цезарем и Помпеем. Помпей возглавил сторонников сенатской республики, в то время как Цезарь — приверженцев монархического порядка. Разгромив войска Помпея под Илердой (49), Фарсалом (48), Тапсом (46) и Мундой (45), Цезарь оказался во главе Римского государства. Его власть выражалась в традиционных республиканских формах: он обладал полномочиями диктатора (в 49, 48—46, 45 гг., а с 44 г. — пожизненно), консульской властью (с 47 г. — на пять лет, с 44-го — на десять), постоянной властью трибуна (с 48), префекта нравов (с 46) и другими полномочиями. В 44 г. получил пожизненную цензуру, все его распоряжения были заранее одобрены сенатом и народным собранием. Сосредоточив в руках всю полноту власти, Цезарь стал фактически монархом, сохранив, однако, римские республиканские формы правления. Ему принадлежали и внешние признаки монархической власти: золоченое кресло, почетная колесница, особая одежда и обувь, резиденция на Палатине; в его честь была воздвигнута статуя с надписью «Полубогу», дни его побед объявлялись общественными праздниками и т. д. Монархические устремления Цезаря вызвали сильную оппозицию представителей знати и даже части его бывших сторонников. Против него был организован заговор, в который вошли более 80 человек во главе с Кассием и Брутом. В Мартовские иды 44 г. до н. э., во время заседания сената, Цезарь был убит.

Цезарь был крупнейшим римским писателем. Его перу принадлежат два дошедших до нас произведения: «Записки о галльской войне» и «Записки о гражданской войне». Существовали также сборники речей и писем Цезаря, два памфлета, ряд стихотворных работ, трактат по грамматике (не дошли).

ЦИЦЕРОН Марк Туллий (3.01.106 до н. э. — 7.12.43 до н. э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель. Из сословия всадников. В политическую жизнь вошел как «новый человек», всем обязательный лишь себе, своему ораторскому дару. Впервые выступил в 81—80 гг. до н. э. с оппозицией диктатуре Суллы; первый большой успех принесло ему участие в 70 г. до н. э. в громком процессе против сулланца Верреса; первую политическую речь произнес в 66 г. до н. э. в поддержку Гнея Помпея. Вершина успехов Цицерона — консульство в 63 г. до н. э. (раскрытие им заговора Катилины, ведущая роль в сенате). С образованием 1-го Триумvirата (60) влияние Цицерона падает, в 58—57 гг. до н. э. ему даже пришлось удалиться в изгнание, а затем поддержать Помпея и Цезаря в 56—60 гг. до н. э. После их раз-

рыва (в 49) Цицерон пытался во время гражданской войны 49—47 гг. выступить примирителем; с победой Цезаря (в 47) он отошел от политики. Лишь после убийства Цезаря (44), преодолев колебания, Цицерон вновь вступил в политическую борьбу как вождь сената и республиканцев. К этому времени относятся его 14 «филиппик» против Марка Антония. В 43 г. до н. э., когда сенат потерпел поражение в борьбе со 2-м Триумvirатом, имя Цицерона было занесено в проскрипционные списки. Он погиб в числе первых жертв репрессий Антония и Октавиана Августа.

Из сочинений Цицерона сохранились (не считая отрывков) 58 речей — политических (против Катилины, Антония и др.) и главным образом судебных; 19 трактатов по риторике, политике («О государстве», «О законах»), практической философии («Тускуланские беседы», «Об обязанностях» и др.), теоретической философии («О пределах добра и зла», «О природе богов» и др.), а также свыше 800 писем — важный психологический документ, памятник латинского разговорного языка и источник сведений об эпохе гражданских войн в Риме.

ЮВЕНАЛ Децим Юний (ок. 60 — ок. 127 н. э.), римский поэт-сатирик. Написал 16 сатир в пяти книгах. Сатиры первых трех книг носят резко обличительный характер, другие представляют собой более отвлеченные суждения в духе стоицизма на моральные темы. По преданию, умер в ссылке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- André J.* L'Alimentation et la Cuisine à Rome. 2 éd. Paris, 1981.
André J.-M. L'Otium. Paris, 1966.
Andreae B. L'art de l'ancienne Rome. Paris, 1977.
Aguet R. Les Jeux romains. Paris, 1970.
Boyance P. Lucrèce et l'épicourisme. Paris, 1963.
Boyance P. Épicoure. Paris, 1969.
Carcopino J. La Vie quotidienne à Rome. Paris, 1963.
Friedlander L. Mœurs romaines du règne d'Auguste à la fin des Antonins. 4 vol. Paris, 1865—1874.
Grimal P. La Civilisation romaine. Paris, 1960.
Grimal P. Le Siècle des Scipions. 2 éd. Paris, 1975.
Grimal P. Les Jardins romains. 2 éd. Paris, 1969.
Grimal P. Épicourisme romaine // Actes du VIII congrès AGB. 1968. P. 139—168.
Grimal P. L'Amour à Rome. 2 éd. Paris, 1979.
Gros P. Architecture et société à Rome. Bruxelles, 1978.
Maiuri A. La peinture romaine. Skira, 1953.
Marquardt. La Vie privée des Romains. Paris, 1892.
Marrou H. I. Histoire de l'Éducation dans l'Antiquité. Paris, 1948.
Meslin M. L'Homme romain. Paris, 1978.
Paribeni R. La Famiglia romana. 4 éd. Bologne, 1948.
Perret J. Virgile. Paris, 1959.
Picard G. C. L'art romain. Paris, 1962.
Picard G. C. Rome et les villes d'Italie. Paris, 1978.
Piganiol A. Recherches sur les Jeux romains. Paris, 1923.
Robert J.-N. Eo Romam. Paris, 1980.
Robin L. La Morale antique. Paris, 1963.
Schilling R. La Religion romaine de Vénus. Paris, 1954.
Ward Fowler W. La Vie sociale au temps de Cicéron. Paris, 1917.
Zielinski T. Horace et la société romaine. Paris, 1938.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Наслаждения и мораль в римском обществе	16
Архитектура: искусство жить в городе	40
Наслаждение праздником	69
Застолье	97
Загородные наслаждения	125
Женские наслаждения	150
Плотские наслаждения	173
Эстетические и интеллектуальные наслаждения ..	204

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология. Основные события римской истории	230
Краткие биографии основных действующих лиц книги ...	233
Библиография	244

Робер Ж.-Н.

Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений / Пер. с фр. Т. А. Левиной. — М.: Молодая гвардия, 2006. — 245[11] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02848-1

Повседневная жизнь Древнего Рима времен заката Республики и расцвета Империи (II век до н. э. — I век н. э.) представлена автором книги очень своеобразно — через призму наслаждений, культивировавшихся в римском обществе. Причем автор понимает наслаждения чрезвычайно широко — как своего рода «умение жить» по-римски, вкладывая в это понятие не только материальное, но и духовное содержание.

Как случилось, что римская цивилизация, основанная на строгой морали, на аскетизме и самоограничении, традиционных понятиях о долге, в течение столь короткого времени погрузилась в пучину самых разнузданных удовольствий и самой неумеренной роскоши? Автор предлагает свой ответ на этот вопрос, который неожиданно оказывается актуальным и для нашего времени, переживающего столь же резкую смену нравственных и ценностных ориентиров.

**УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32**

Робер Жан-Нозль

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАСЛАЖДЕНИЙ**

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественный редактор **О. В. Краюшкина**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Г. А. Мещерякова, Г. В. Плягова**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Слано в набор 28.06.2005. Подписано в печать 24.10.2005. Формат 84x108/ч. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 13,44+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 54727.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dset@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02848-1

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы по адресу:
СУЩЕВСКАЯ УЛ., Д. 21*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

787-62-92 ☼ 978-21-59

787-64-78 ☼ 787-63-81

787-63-97 ☼ 978-01-22

972-00-49

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

787-65-39 ☼ 787-63-64

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

П. Брюле

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН
В КЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ»**

И. Дегтярева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО СПЕЦНАЗА»**

Ш. Казиев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ»**

С. Ютен

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
АЛХИМИКОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВЕНЫ
ВО ВРЕМЕНА МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

Э. Бартон

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЧАН
В ЭПОХУ ЕЛИЗАВЕТЫ I»**

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dse1@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутинной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Шевченко

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕМЛЯ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТАХ»**

А. Шураки

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЛЮДЕЙ БИБЛИИ»**

Р. Мантран

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА ВЕЛИКОЛЕПНОГО»**

Л. Адлер

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПУБЛИЧНЫХ ДОМОВ. XIX—XX ВЕКА»**

М. Аникович

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОХОТНИКОВ НА МАМОНТОВ»**

Е. Лаврентьева

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ДВОРЯНСТВА
ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ»**

Тел. телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Карпов
«ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ»

М. де Декер
«МОНЕ»

Р. Медведев
«АНДРОПОВ»

И. Клулас
«ЛОРЕНЦО ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ»

М. Гейзер
«МАРШАК»

М. Брион
«ДЮРЕР»

А. Варламов
«А. Н. ТОЛСТОЙ»

Д. Эрибон
«МИШЕЛЬ ФУКО»

Б. Григорьев
«КАРЛ XII»

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

В. Булатов
«АДМИРАЛ КУЗНЕЦОВ»

Ж.-К. Птифис
«ЖЕЛЕЗНАЯ МАСКА»

О. Семенова
«ЮЛИАН СЕМЕНОВ»

К. Мейер
«ШОСТАКОВИЧ»

И. Лукьянова
«КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ»

Ф. Блюш
«РИШЕЛЬЕ»

И. Курукин
«БИРОН»

В. Томсинов
«СПЕРАНСКИЙ»

Н. Ашукин, Р. Щербаков
«БРЮСОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
787-62-92; 978-21-59; 787-63-75; 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. Л. Быков

БОРИС ПАСТЕРНАК

Эта книга — о жизни, творчестве — и чудотворстве — одного из крупнейших русских поэтов XX века Бориса Пастернака; объяснение в любви к герою и миру его поэзии. Автор не прослеживает скрупулезно изо дня в день путь своего героя, он пытается восстановить для себя и читателя внутреннюю жизнь Бориса Пастернака, столь насыщенную и трагедиями, и счастьем.

Читатель оказывается сопричастным главным событиям жизни Пастернака, социально-историческим катастрофам, которые сопровождали его на всем пути, тем творческим связям и влияниям, явным и сокровенным, без которых немислимо бытование всякого талантливого человека. В книге дается новая трактовка легендарного романа «Доктор Живаго», сыгравшего столь роковую роль в жизни его создателя.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-64; 787-62-92; 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

П. Басинский ГОРЬКИЙ

Известный критик Павел Басинский предпринял единственную за последние десятилетия попытку воссоздать целостное жизнеописание Максима Горького (1868—1936). Жизнь выдающегося русского писателя, мыслителя, политического деятеля и по сей день полна тайн и вопросов. Какие идеи питали Алексея Пешкова на пути к Максиму Горькому? Почему он стрелялся? В чем разгадка его стремительной и шумной славы, какой не знали при жизни ни Достоевский, ни Л. Толстой? Почему «буревестник революции» уехал из страны победившей революции? Зачем медлил с возвращением? Какова роль «железной женщины» Марии Будберг в его судьбе? При каких обстоятельствах погиб сын писателя и умер он сам?.. На основании ранее неизвестных материалов и документов автор не только восполняет опущенные звенья по-советски мифологизированной биографии писателя, но также представляет Горького как провозвестника и создателя новой, революционной, религии — религии Человека, показывает его во взаимоотношениях с самыми «знаковыми» людьми своего времени — Львом Толстым, Иоанном Кронштадтским, Владимиром Лениным, Иосифом Сталиным, другими.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Суцеская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-64; 787-62-92; 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dset@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А.И. Ушаков, В.П. Федюк

КОРНИЛОВ

Книга посвящена судьбе харизматического лидера русской контрреволюции — генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

Казалось, судьба готовила его к тому, чтобы возглавить Россию в самый переломный период ее истории. Выходец из бедной казачьей семьи, благодаря таланту и трудолюбию получил блестящее военное образование. Смелый и наблюдательный исследователь Азии, разведчик, приобрел доверие и уважение простых казаков и западных дипломатов. Генерал, завоевал авторитет мужеством на фронтах Первой мировой и возглавил русскую армию летом 17-го... В августе того же года он безуспешно попытался остановить сползание к большевистскому перевороту (Корниловский мятеж), в декабре — встал во главе Добровольческой армии на Юге России, а весной 18-го — погиб...

Авторы книги на основе широкого круга уникальных архивных источников и литературы впервые попытались объективно раскрыть причину успехов и неудач яркой личности генерала Корнилова.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-64; 787-62-92; 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. И. Кудря КУСТОДИЕВ

Творчество этого художника широко известно всякому, кто хоть немного разбирается в живописи. Однако не каждый знает, что жизнь Кустодиева, пришедшаяся на переломные для России времена, была омрачена тяжелой болезнью. Он мужественно боролся с недугом и наперекор судьбе воспевал в своем творчестве радость жизни. Впервые публикуемые в книге архивные материалы позволяют значительно шире показать отношения Кустодиева с родными и друзьями, прояснить его политические симпатии и антипатии, углубить представление о том, что писали о нем современники и что ценил в собственном творчестве сам художник.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

787-63-75; 787-63-64; 787-62-92; 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

972-05-41; 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОВОДА

ЖЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станция метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

<http://mg.gvardiya.ru> @ book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Ш. Козиев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВОСТОЧНЫХ ГАРЕМОВ

С. Охлябинин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОЙ
ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

Р. Мантран

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СТАМБУЛА В ЭПОХУ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

Ж. Флори

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РЫЦАРЕЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

А. Вульфов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

ISBN 5-235-02848-1

9 785235 028487 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ